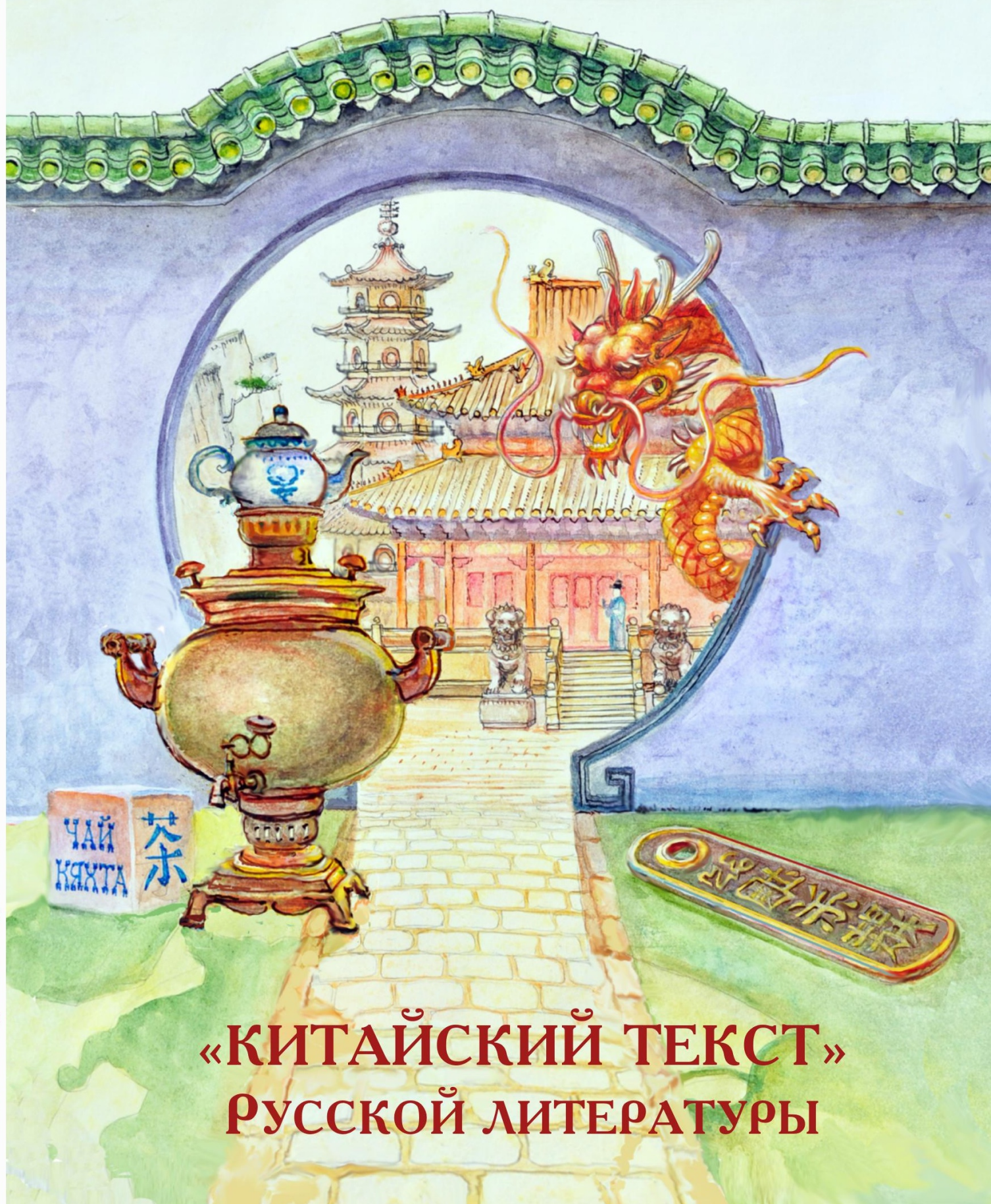

А.А. Красноярова, Б.В. Кондаков «КИТАЙСКИЙ ТЕКСТ» РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

А.А. Красноярова
Б.В. Кондаков

«КИТАЙСКИЙ ТЕКСТ»
РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

А. А. Красноярова, Б. В. Кондаков

**«КИТАЙСКИЙ ТЕКСТ»
РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**

МОНОГРАФИЯ

Часть I

*Под научной редакцией доктора культурологии,
кандидата философских наук, профессора Т. Д. Попковой*

Пермь 2024

УДК 821.161.1"18-21"
ББК 83.3(2)+71.05(5Кит)
К782

Красноярова А. А.

К782 «Китайский текст» русской литературы : монография / А. А. Красноярова, Б. В. Кондаков ; под науч. ред. проф. Т. Д. Попковой ; Пермский государственный национальный исследовательский университет. – Пермь, 2024. – Ч. I. – 175 с.

ISBN 978-5-7944-4083-6

ISBN 978-5-7944-4084-3 (Ч. I)

К феномену «китайского текста» авторы монографии относят произведения, в которых появляются образы и сюжеты, связанные с китайской культурой (включая литературу русского «восточного» зарубежья в Харбине и Шанхае), а также современные произведения, где разрабатываются сюжетные линии, связанные с «альтернативной» историей Китая и России. В монографии раскрываются основные этапы формирования «китайского текста» на протяжении XIX–XX вв., соотносённые с ним комплексы идей, его жанровая, стилевая и «культурологическая» специфика, исследуются механизмы функционирования образа Китая в русской культуре.

Издание адресовано специалистам в области истории русской литературы, а также всем интересующимся литературой русского зарубежья.

УДК 821.161.1"18-21"
ББК 83.3(2)+71.05(5Кит)

*Печатается по решению ученого совета филологического факультета
Пермского государственного национального исследовательского университета*

Рецензенты: д-р филол. наук, профессор кафедры журналистики Тюменского государственного университета **Н. П. Дворцова**

д-р филол. наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы и методики обучения Вятского государственного университета **В. А. Поздеев**

ISBN 978-5-7944-4083-6
ISBN 978-5-7944-4084-3 (Ч. I)

© ПГНИУ, 2024
© Красноярова А. А., Кондаков Б. В., 2024
© Чиков Е. Ю., дизайн обложки, 2024

О Г Л А В Л Е Н И Е

От авторов	4
作者的话	5
From the authors	6
Предисловие	7
前言	9
Preface	10
Глава I. «Китайский текст» русской литературы	11
Глава II. «Китайский контекст» русской литературы	28
Глава III. Образное освоение пространства Китая в русской культуре	50
Глава IV. «Китайский текст» русской литературы XIX – начала XX вв.	65
Глава V. «Китайский текст» в прозе русской эмиграции	98
Глава VI. Китай в поэзии русской эмиграции	116
Заключение	143
Список цитируемой литературы	147
Публикации авторов по теме исследования	170
Сведения об авторах	174

От авторов

Монография является результатом исследований, выполненных авторами в течение 2017–2023 гг. В основу текста была положена кандидатская диссертация А.А. Краснояровой ««Китайский текст» русской литературы», защищённая в Пермском государственном национальном исследовательском университете в 2020 г., а также серия публикаций по теме, осуществлённых в 2017–2022 гг.¹.

Авторы монографии выражают признательность профессору особого разряда Цицикарского университета (Китай), иностранному члену Российской Академии наук, члену Учёного совета по вопросам мира, безопасности и развития Восточной Азии РАН, члену Союза Писателей России, кавалеру российского Ордена Дружбы Ли Яньлину, который поддержал работу и преподнёс в качестве подарка десятитомное издание произведений русских писателей Китая. Эта «золотая коллекция» текстов послужила прекрасным материалом для настоящего исследования.

Мы признательны коллегам, соавторам наших публикаций, за их советы и помощь в работе – доктору культурологии Т.Д. Попковой, доктору филологических наук А.А. Арустамовой, кандидату культурологии Ван Кэвэню, кандидату филологических наук Чжан Юаньюань.

Авторы также выражают искреннюю благодарность художнику Евгению Юрьевичу Чикову, который визуализировал образ «Китайского текста» на обложке книги.

¹ См. Список публикаций авторов по теме исследования на с. 169–172.

作者的话

本书为 A. A. Krasnoiarova 和 B. V. Kondakov 两位作者在 2017-2023 期间的研究成果。该专著基于 2020 年 A. A. Krasnoiarova 在彼尔姆国立研究大学副博士学位答辩论文（论文题目：《俄罗斯文学的中国文本》），以及 2017-2022 期间的一系列相关研究出版及发表作品²。

本书作者向齐齐哈尔大学（中国）特殊津贴教授、俄罗斯科学院外籍院士、俄罗斯科学院东亚和平、安全与发展学术委员会成员、俄罗斯作家联盟成员、俄罗斯友谊勋章获得者李延龄致谢。感谢李延龄先生支持这项研究，并赠送了一套十卷本的在华俄罗斯作家作品集，这套“黄金藏品”为我们的研究提供了极好的材料。

感谢文化学博士 T. D. Popkova，语文学博士 A. A. Arustamova，文化学博士候选人王科文，语文学博士候选人章媛媛对这本专著的建议和帮助。

作者们同时向为本书针对书中(多方面)内容设计封面图象的艺术家 Evgeny Yuryevich Chikov 奇科夫表示诚挚的谢意。

² 作者的相关研究发表及出版清单见169页。

From the authors

The monograph is the result of research carried out by the authors during 2017–2023. The text was based on the PhD thesis of A.A. Krasnoiarova “Chinese text of Russian Literature”, defended at the Perm State National Research University in 2020, as well as a series of publications on the topic carried out in 2017–2022³.

The authors of the monograph express their gratitude to Professor of the special category of Qiqihar University (China), foreign member of the Russian Academy of Sciences, member of the Academic Council for Peace, Security and Development of East Asia of the Russian Academy of Sciences, member of the Union of Writers of Russia, holder of the Russian Order of Friendship Li Yanling, who supported the research and presented as a gift a ten-volume edition of the works by Russian writers in China. This “golden collection” of texts served as an excellent material for this work.

We are also grateful to the co-authors of our publications for their advice and assistance in their work – Doctor of Cultural Studies T.D. Popkova, Doctor of Philology A.A. Arustamova, Candidate of Cultural Studies Wang Kewen, Candidate of Philology Zhang Yuanyuan.

The authors also express their sincere gratitude to the artist Evgeny Yuryevich Chikov, who visualized the image of the “Chinese Text” presented on the cover of the book.

³ See the list of authors' publications on the research topic on page 169–172.

Предисловие

Монография посвящена исследованию истории возникновения и развития «китайского текста» в русской литературе – начиная с XVIII до начала XXI в. Подобного исследования нет как в китайском, так и в российском литературоведении, а введение понятия «китайский текст русской литературы» и чёткое обоснование не только его художественных особенностей, но и особенностей развития и этапов формирования, места в творчестве русских писателей, позволяет с уверенностью заявить о научной новизне и значимости работы. Авторы исследуют большое количество художественных произведений, в которых присутствует не только изображение Китая, его жизни, истории, природы, но и множество различного рода текстов, в которых содержится описание культуры страны, его философских воззрений, мифологемы, особенности сюжетов и мотивов, китайский стиль и китайская словесность.

Авторы ставят и решают важные как для китайского, так и для российского литературоведения проблемы восприятия китайской культуры другими народами и её дальнейшую рефлексию в национальной культуре. В монографии осуществлён анализ литературных контекстов, соотнесённых в русской литературе с «китайским текстом». Продуктивным с нашей точки зрения представляется исследование процесса становления и развития «китайского текста» не только в творчестве русских писателей, но и в работах востоковедов-синологов, в дневниках и очерках путешественников, а также в художественно-публицистических текстах XIX – начала XX в.

Результаты проделанной работы послужат основанием для дальнейшего углублённого исследования рецепции китайской культуры в России и процесса межкультурной коммуникации между двумя цивилизациями.

Монография состоит из двух частей.

В *первой части* рассматриваются теоретические проблемы изучения «сверхтекстов», история возникновения «китайского текста», а также процесс формирования его жанрово-родовых разновидностей в литературе «золотого» и «серебряного» веков

русской литературы. В этой же части анализируется «китайский текст» в литературе русского восточного зарубежья, который во многом развивал традиции отечественной литературы рубежа XIX–XX вв.

Во второй части исследуется история формирования «китайского текста» в «советской» и «постсоветской» литературе разных жанров, включая мемуарные произведения, опубликованные в 1950–2000-е гг. бывшими российскими эмигрантами, проживающими в разных странах. В этой же части анализируются романы и повести, созданные писателями-синологами.

前言

A. A. Krasnoiarova 和 B. V. Kondakov 的这本专著旨在研究从十八世纪至今的俄罗斯文学中“中国文本”起源和发展的历史。该选题极具现实意义，因为在中俄文学研究领域，相关议题还未被触及。该研究的科学新颖性及意义体现在：引入“俄罗斯文学的中国文本”这一概念，清晰界定其艺术特征、发展原则、形成阶段及其在俄罗斯作家作品中的地位。作者勘阅了大量描绘中国生活、历史、文化及自然的文学作品，探究其中的哲学观点并分析作品的艺术风格、情节和母题的特征。

作者提出并解决了对中俄文学研究意义重大的问题——揭示了其他民族对中国文化的接受原则及其在文学和语文学中的进一步体现。此外，该专著还分析了俄罗斯文学中与“中国文本”相关的文学语境，这无疑是新一代文学批评家的兴趣所在。

我们认为该著作的卓越意义体现在：它不仅研究了“中国文本”在俄罗斯作家作品中的产生和发展过程，还探讨了其在东方学家、汉学家的著作中，旅行者、军人的的日记和手札中，艺术和新闻文本以及旅行游记中的体现。

这些由侨居中国的俄罗斯旅行者、传教士、散文作家和诗人在过去三个世纪中所创作的大量文学作品是俄罗斯文学瑰丽画卷中的重要片段，本书作者掌握的丰富研究材料有助于对其整体图景进行全面的描述。该研究吸引了两国当代学者对这一取之不尽的研究主题的广泛关注。我们很高兴地注意到了研究人员对加强中俄两国大学在文学领域的学术合作的兴趣。

本书的研究成果具有更进一步的前景：它将对随后深入研究俄罗斯对中国文化的接受和两个文明之间的跨文化交流的过程大有裨益。

Preface

Monograph by A.A. Krasnoiarova and B.V. Kondakov studies the history of the origin and development of the “Chinese text” in Russian literature – from the XVIII century to the present. The choice of the topic is relevant, since there is no such study in both Chinese and Russian literary studies. The introduction of the concept of “Chinese text of Russian literature” and a clear justification not only of its artistic features, but also of the principles of development and stages of formation, its place in Russian writers’ works, allows us to confidently declare the scientific novelty and significance. The authors explore a large number of works that depict the life, history, culture, nature of China, consider philosophical views and analyze the features of their style, plots and motives.

The authors pose and solve problems relevant to both Russian and Chinese literary studies – they reveal the principles of perception of Chinese culture by other peoples and its further reflection in literature and philology. In addition, the monograph analyzes literary contexts correlated in Russian literature with the “Chinese text”, which is of undoubted interest to literary critics of the new generation.

From our point of view, it is very productive to study the process of formation and development of the “Chinese text” not only in the works of Russian writers, but also in the works of orientalist-sinologists, in diaries and records of travelers, military, in artistic and journalistic texts, as well as in travel essays.

The extensive research material contributes to the creation of a holistic picture of the voluminous segment of Russian literature created over the past three centuries by Russian travelers, missionaries, prose writers and poets, emigrant writers who lived in China. This approach draws the attention of modern researchers from both countries to this inexhaustible topic. It is gratifying to note the interest of researchers in strengthening scientific cooperation between universities of China and Russia in the literary field.

The results of the study have a further perspective: they are needed for the subsequent in-depth study of the reception of Chinese culture in Russia and the process of intercultural communication between the two civilizations.

Глава I. «КИТАЙСКИЙ ТЕКСТ» РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

В российском литературоведении 1990–2010-х годов стало популярным исследование различных вариантов художественных «тематических» текстов – совокупности произведений, объединённых проблематикой и пространством (местом) действия или личностью героя.

Понятие «текст» нами используется в значении, предложенном Ю. Лотманом [Лотман 2016] и постструктуралистами [Барт 1989] – как «текст культуры», связанный с множеством текстов и контекстов, пересекающихся друг с другом. В филологии такие тексты нередко называют *сверхтекстами*, *супертекстами* или *гипертекстами*. С точки зрения Н. Купиной и Г. Битенской *сверхтекст* – это «совокупность высказываний, ограниченная темпорально и локально, объединённая содержательно и ситуативно, характеризующаяся цельной модальной установкой, достаточно определёнными позициями адресанта и адресата, с особыми критериями нормативного / аномального» [Купина 1994: 215].

Важным фактором, позволяющим выделять тот или иной текст культуры, является его представленность в различных письменных (литературных) источниках, а также его связь с тем или иным культурным контекстом.

В тех случаях, когда сверхтекст предполагает совокупность художественных произведений, автор и читатель объединяются вокруг ассоциативно-смыслового центра («ядра»), в основе которого, как правило, находится *концепт* (или *система* концептов, *концептосфера*), отражённый в репрезентативных «классических» текстах данной культуры, имеющий национальное (или общекультурное) значение и являющийся порождением коллективного сознания. Такой концепт нередко может выражаться (соотноситься) с основными *мифологемами* культуры. Вокруг смыслового ядра возникают многообразные *межтекстуальные связи*, объединяющие сверхтекст, а также единый *культурный код* (нередко выраженный через *ключевые слова*, *слова-маркеры*, создающие картину *языковой общности*), который является общим для его реципиентов.

Как отмечала Н. Меднис, любой свёрхтекст «имеет свой образно и тематически обозначенный центр, фокусирующий объект, который в системе *«внетекстовые реалии – текст»* предстает как единый концепт свёрхтекста. В роли такого центра для топологических свёрхтекстов выступает тот или иной конкретный локус, взятый в единстве его историко-культурно-географических характеристик; для именных текстов определяющими оказываются характеристики культурно-биографические» [Меднис 2003: 75].

Свёрхтекст является системой, объединённой *ценностно-смысловой позицией*, наличием и *внетекстовых реалий*. За каждым свёрхтекстом находится та или иная *внетекстовая реальность* (целостная картина мира, «модель мира»), наполненная разнообразными смыслами и ценностями, с которыми соотносятся «образы культуры»: «...Важнейшим принципом моделирования свёрхтекста является принцип смысловой координации между свёрхтекстовой реальностью и стоящей за нею внетекстовой структурой – целостного фрагмента мира, преисполненного смыслом и ценностями» [Лошаков 2018А: 71].

В. Топоров охарактеризовал эту особенность свёрхтекста следующим образом: «...Все “множественно-различное”, “пёстрое” индивидуально-оценочное вовлекается в это поле, захватывается им и как бы пресуществляется в нём в плоть и дух единого текста. <...> Именно в силу этого “субъективность” целого поразительным образом обеспечивает <...> “объективность” частного» [Топоров 1995: 261]. Таким образом, свёрхтекст, представляющий открытую многоуровневую самоорганизующуюся *систему* ассоциативно-связанных между собой текстов, должен восприниматься как автором, так и читателем в единой системе ценностно-смысловых координат. Свёрхтекст, стремясь к созданию целостной и единой картины мира, постоянно актуализирует, включает и порождает всё новые и новые тексты, а также преодолевает их автономность, то есть проявляет *трансгрессивность*.

Существуют разнообразные классификации свёрхтекстов. Так, ряд исследователей (Ю. Лотман, З. Минц и др.) отмечали возможность их типологии на основании способа *авторской принадлежности* (индивидуально-авторские, коллективно-авторские,

анонимно-авторские, квазиавторские...) [Андрюкова 2012: 11]; Н. Купина и Г. Битенская предлагали, в частности, систематизацию сверхтекстов, основанную на их *структурной* (жанровой, стилевой и т. п.) *общности* [Купина 1994: 215].

В литературоведении наиболее распространённой является классификация сверхтекстов, основанная на «общности референта». Так, например, Е. Андрюкова предложила выделять следующие разновидности сверхтекстов:

1. *событийные* сверхтексты, объединённые исторической ситуацией, оставившей след в культуре (литературе);

2. *именные* сверхтексты (их также иногда называют «персональными»), объединённые вокруг прецедентной (и при этом обычно мифологизированной) личности;

3. *локальные* сверхтексты, объединённые вокруг определённого ценностно-значимого пространства [Андрюкова 2012: 10].

В качестве примера *событийных* сверхтекстов можно указать на общность произведений, описывающих исторические катаклизмы. Примером *именных* сверхтекстов могут служить «пушкинский текст» [Гаспаров 1996], «гоголевский текст» [Кушнерёва 2017], «дягилевский текст» [Деменева 2010], «ломоносовский текст» [Лошаков 2017], «чеховский текст», «бунинский текст» и т. п. (их можно условно называть «именными»).

Лучше всего в современном литературоведении, с нашей точки зрения, исследованы разнообразные сверхтексты, объединённые *пространственным локусом* («художественным пространством»), – «тексты» столичных или провинциальных городов (потому их нередко называют «городскими текстами»). Такие тексты на протяжении 1990–2020-х гг. неоднократно оказывались объектом литературоведческих и культурологических исследований. Так, например, достаточно глубоко были проанализированы «петербургский текст» [Топоров 1984; Лотман 1984; Топоров 1995], «московский текст» [Селеменева 2009; Шурупова 2011], «римский текст» [Владимирова 2006], «венецианский текст» [Меднис 1999; Соболева 2010], «парижский текст» [Владимирова 2013; Владимирова 2015; Володина 2015], «лондонский текст» [Прохорова 2005; Воробьёва 2009], «пермский текст» [Абашев 2000], «челябинский текст» [Семьян 2014], «оренбургский текст» [Юдина 2008], «калининградский текст»

[Гаврилина 2011], «липецкий текст» [Попова 2020], «коломенский текст» [Викторович 2009], «кимрский текст» [Коркунов 2015] и другие.

Особенности таких «пространственных» сверхтекстов были раскрыты В. Абашевым: «В стихийном и непрерывном процессе символической репрезентации места формируется <...> стабильная сетка семантических констант. Они становятся доминирующими категориями <...> и начинают <...> программировать этот процесс в качестве <...> матрицы новых репрезентаций...» [Абашев 2000: 11–12].

Среди многочисленных пространственных сверхтекстов, сформировавшихся в рамках русской классической литературной традиции, можно выделить особую группу, объединяющую пространство и культуру уже не локального (пусть даже столичного) города, а целого *региона*. В качестве примеров можно назвать «уральский текст» [Ларионова 2021], «крымский текст» [Люсый 2003; Курьянов 2017; Курьянов 2019], «алтайский текст» [Алтайский текст 2002], «северный текст» [Галимова 2012; Северный текст 2017], «сибирский текст» [Сибирский текст 2010] и некоторые другие. Такой «региональный» сверхтекст объединяет локальные тексты городов рассматриваемого региона, – например, «уральский текст» включает «локальные» городские тексты Екатеринбурга, Перми, Челябинска, Оренбурга и т. д.

В отдельных случаях можно утверждать и существование сверхтекстов, объединяющих художественное пространство целой страны (цивилизации). В качестве примера укажем на «итальянский текст» русской литературы [Образы Италии 2009; Итальянский текст 2013; Гончарова 2022], который включал иные тексты, объединённые общим локусом, – «римский», «венецианский», «флорентийский», «неаполитанский».

В российском литературоведении 2000–2010-х гг. делались попытки выделить и особый «евразийский текст» [Зайонц 2003; Грякалов 2013], в основе которого находились представления о существовании особого ареала *евразийской цивилизации*. Основные положения историсофской концепции евразийства были сформулированы П. Савицким, Н. Трубецким, Л. Карсавиным, П. Сувчинским, Г. Флоровским, Г. Федотовым, Г. Вернадским,

Д. Святополк-Мирским, Н. Гумилёвым и др. [Исход 1921]. Однако, с нашей точки зрения, процесс исследования «евразийского текста» русской литературы затрудняется тем, что сам объект исследования оказывается достаточно неопределённым, поскольку в основе такого сверхтекста становится не столько конкретный *локус*, сколько комплекс *геополитических идей*, а отдельные «евразийские» идеи (или похожие на них) можно обнаружить в большом количестве художественных текстов. Аналогичные сложности возникают и при попытках выделить «славянский текст», который объединяется не столько территориальной общностью расселения древних славян, сколько концепциями *славянофилов* (К. Аксакова, А. Хомякова, И. Киреевского и др.) и *панславистов* (И. Аксакова, Н. Данилевского и др.).

Процесс исследования литературного феномена «пространственных» текстов не следует считать завершённым: «Филологическая наука призвана не только восполнить лакуны на литературной карте России, но и конкретизировать смысловое наполнение <...> “мест памяти”, “точек пульсации”, выдающихся имён, прецедентных текстов, обратив особое внимание на феномен подвижности и проницаемости границ как внетекстовых структур <...>, так и порождённых ими сверхтекстов <...>. Метатекст национальной литературы, представленный как система разнотипных сверхтекстов ещё не написан» [Лошаков 2018Б: 137].

В своей работе мы исходим из гипотезы, что в русской литературе XVIII – XIX вв. наряду с «итальянским» сверхтекстом формировался ещё один текст культуры, связанный с определённым локусом и характеризующий «страну-цивилизацию», – Китай. В произведениях, включённых в данное единство, эта страна описывается как особое *художественное пространство* («художественный мир»), *собирательный образ*, связанный с целостным комплексом идей, выраженных через судьбы персонажей и обуславливающий развитие сюжета. «Сверхтекст», созданный такими произведениями, в дальнейшем мы будем называть «**китайским текстом**». Возникновение в России специфического «китайского текста» вполне закономерно, поскольку обе страны располагаются на одном континенте, имеют общую границу, у них есть близкие экономические и политиче-

ские интересы, а в их истории были некоторые аналогичные события (например, завоевание монголами). К сказанному можно добавить и то, что население российского государства постоянно проявляло интерес к соседней стране, создавшей богатую древнюю культуру, во многом не похожую на их собственную.

Китайский текст – как и любой другой текст культуры – объединяется не только изображением Китая, его истории и природы, но и отражением культурных реалий, обращением к национальным религиозно-философским и этическим идеям, мифологемам, образам и сюжетам, выраженным в текстах культуры, использованием определённых стилевых и сюжетно-композиционных приёмов, применяемых китайской словесностью.

Китайский текст включает многочисленные художественные и художественно-публицистические произведения («литературу путешествий», воспоминания русских эмигрантов), в которых описываются Китай и китайцы, а также воспроизводятся сюжеты и мотивы, соотнесённые с китайской культурой.

В отличие от других пространственных «сверхтекстов» («петербургского», «московского», «венецианского» и др.), достаточно хорошо изученных российскими литературоведами в 1990–2000-е гг., «китайский текст» связан не столько с изображением того или иного «локуса» (художественного пространства) или образов людей, населяющих его, сколько со стремлением раскрыть специфику особого типа цивилизации, отличного от привычного для России «западного» («европейского») типа.

«Китайский» текст русской литературы был организован несколько иначе, чем, например, успешно развившийся в русской литературе «итальянский» текст. Италия была страной, которую знали и часто посещали не только российские писатели, художники, музыканты, но и представители дворянства, а также часть «разночинной» интеллигенции. Итальянское искусство, жизнь итальянского народа были достаточно хорошо известны и близки российскому образованному человеку, а итальянская культура, сохраняя, естественно, статус «чужой», в итоге оказывалась всё-таки «своей-чужой» культурой.

Китай, который – в отличие от Италии – был «не освоенным» в культурном плане государством и поэтому долгое время оставался для российского читателя страной экзотической, «за-

гадочной», в связи с чем для «китайского текста» русской литературы особенно важными оказывались проблемы *восприятия* и *интерпретации*. Большую часть информации о соседней стране российские читатели получали из *переводов* произведений китайской словесности.

«Китайский текст» русской литературы начал формироваться в XVIII в. и активно развивался на протяжении последних трёх столетий, в результате чего он стал сложным и многообразным: в его рамках образовалось несколько жанрово-стилевых разновидностей, среди которых присутствуют травелогии, литературные сказки, циклы очерков, мемуары, историко-приключенческие повести и романы, нравственно-философские трактаты.

В «китайский текст» могут быть включены:

– произведения русской литературы XIX–XX вв., в которых описывался Китай или воспроизводились сюжеты, ситуации и образы, связанные с китайской историей и культурой;

– литература русского «восточного» зарубежья, созданная соотечественниками, проживавшими в Харбине, Шанхае, Ханькоу и Тяньзине (мемуары, повести, стихотворения, очерки, рассказы и романы, в которых раскрывалась жизнь русских людей, оказавшихся в Китае, а также восприятие ими и китайской культуры, и обычаев местного населения);

– произведения современных русских писателей (в том числе, проживающих в других странах), в которых изображались китайские реалии или персонажи-китайцы;

– художественные тексты, которые могут быть отнесены к «восточной фэнтези», – произведения, создающие «альтернативную» («потенциальную») историю, приключенческая и детективная литература, в которых имеются образы и сюжетные линии, связанные с Китаем.

Этот краткий перечень может быть дополнен многими другими произведениями.

Изучение китайского текста как особого целостного феномена русской культуры российским литературоведением и культурологией практически не проводилось (хотя количество произведений, в том или ином аспекте описывающих Китай, насчитывается несколько сотен). Исследования, написанные на эту

тому, были посвящены либо отдельным аспектам изучения Китая (например, политологическому [Лукин 2007]), либо творчеству писателей, в произведениях которых упоминался Китай.

Большую роль в изучении поставленной темы сыграло издание книги «Китай у русских писателей» (составитель А. Романенко) [Китай у русских писателей 2008], в которой были собраны разнообразные тексты XVII–XX вв., описывающие жизнь в Китае на разных этапах его исторического развития.

На протяжении последнего десятилетия разные аспекты репрезентации культуры Китая в русской литературе рассматривались в работах молодых китайских литературоведов. В качестве примера приведём несколько диссертаций на соискание учёной степени кандидата филологических наук, защищённых в конце 2010-х – начале 2020-х гг. китайскими учёными.

В диссертации Цао Сюэмэй «Мифологизация образа Китая и китайцев в русской прозе 1920-х годов» (2019) изучается процесс «образного освоения Китая» в русской литературе. Автор выявляет культурно-исторические условия возникновения и существования, а также особенности поэтики и типы литературного «мифа о Китае», сформировавшегося в произведениях И. Бабеля, М. Булгакова, Вс.В. Иванова, Б. Пильняка, М. Цветаевой [Цао Сюэмэй 2018].

Ян Липин в диссертации «Рецепция китайской культуры в русской литературе для детей (1920-е годы)» (2021) исследует сюжеты о Китае в произведениях советских писателей указанного периода (Н. Агнивцева, С. Ауслендера, А. Жарова, М. Светлова, Н. Тихонова, С. Третьякова и др.). Автор, в частности, выявляет *каноны*, которым следовали авторы произведений для детей [Ян Липин 2021].

В диссертации Ли Гэнь «Культура Китая как предмет изображения в современной русской прозе» (2022) рассматриваются художественные функции образов и мотивов, связанных с Китаем (в том числе, с китайской мифологией и литературой), в произведениях русских писателей конца XX – начала XXI в. (В. Пелевина, Ю. Буйды, Д. Липскерова, П. Крусанова, Д. Пригова, М. Шишкина) [Ли Гэнь 2022].

В монографии Чжан Юаньюань «“Моя тоска сгорает, как свеча!”: национальное начало в творчестве В. Перелешина»

(2023) [Чжан Юаньюань 2023А], подготовленной по материалам её диссертации, анализируется система художественных приёмов, применявшихся русским поэтом для создания образа Китая и передачи специфики китайской культуры, что позволяет автору сделать вывод об использовании русским писателем принципов «китайской поэтики» с целью воспроизведения особенностей стиля древней китайской поэзии [Чжан Юаньюань 2021].

Интересный материал о харбинском тексте представлен в диссертации Цзюй Куньи «“Харбинский текст” несказочной (исторической) прозы первой половины XX в.: прагматика, семантика, жанрово-тематическое своеобразие», защищённой в 2023 г. Автор основывался на устных рассказах («меморатах») о повседневной и праздничной жизни в первую треть XX в., записанных как от китайских, так и от русских харбинцев, что позволило сделать вывод о том, что в городском фольклоре в процессе коммуникативного «воскрешения прошлого» межнациональные отношения нередко мифологизируются [Цзюй Куньи 2023: 187].

Вопрос об особенностях художественного восприятия Китая ставился в многочисленных российских и китайских работах, посвящённых изучению поэтики *литературы русского восточного зарубежья* (творчеству писателей, относящихся к харбинской и шанхайской диаспорам).

В последние три десятилетия изучение русского зарубежья стало особым научным направлением культурологических и литературоведческих исследований. Среди них особое место стала занимать тема русского восточного зарубежья, история которого существенно отличалась от истории других его ответвлений. Следует отметить, что оно до сих пор исследовано значительно хуже, чем его «западные» – европейская и американская – ветви.

В истории исследования русской литературы и культуры Харбина и Шанхая можно выделить *несколько этапов*, на протяжении каждого из которых в работах специалистов формировалась оценка фактов, событий, процессов, протекавших в социальном и духовном пространстве города; анализировались факторы, способствовавшие становлению Харбина в качестве центра русской культуры.

Первый этап изучения литературы русского восточного зарубежья начался в 1920–1930-е гг. В это время русская диаспора Харбина интерпретировалась исключительно как «белогвардейская», всей своей деятельностью направленная против «советской власти». Для работ этого периода было характерно полное неприятие белогвардейского движения; сам факт пребывания русских в Харбине воспринимался как противоречащий интересам новой власти. Дальневосточная ветвь русской эмиграции – как и всё русское зарубежье – оценивалась как часть мира, «идеологически враждебного» по отношению к СССР. Подобную оценку истории и культуры Харбина давали в своих аналитических материалах В. Комин, Ю. Мухачев, Е. Полевой, А. Шкаренков и некоторые другие исследователи. Так, например, анализируя события конфликта между СССР и Китаем, происшедшего в 1929 г., В. Аварин однозначно назвал всю российскую эмиграцию «белобандитами» и «белыми лакеями империализма». Однако именно в этот период была сформирована эмпирическая база фактов, в дальнейшем использовавшаяся для анализа тенденций развития литературного наследия русского восточного зарубежья.

С 1950–1970-ми гг. связан *второй этап* изучения русской культуры Харбина и Шанхая. На протяжении этого периода в СССР стали публиковаться отдельные воспоминания некоторых эмигрантов, возвратившихся из Китая. Их мемуары содержали материал, раскрывавший жизнь русского Харбина, и нередко отличались художественным изложением и субъективностью оценки событий, происходивших в первую половину XX в. (воспоминания А. Вертинского, В. Смольникова, Н. Ильиной, Л. Кравченко и др., многие из которых были опубликованы значительно позднее). В таких мемуарах описывалась жизнь русской эмиграции в Харбине и Шанхае (с соответствующими идеологическими акцентами), ставшая в дальнейшем материалом для аналитических обобщений.

В 1980-е гг. в СССР были опубликованы первые работы, авторы которых стремились дать объективную оценку деятельности русской диаспоры Харбина. В конце 1980-х гг. для российских и зарубежных специалистов открылся доступ к архив-

ным данным, и исследователи стали активно изучать закономерности функционирования русской культуры в Китае.

Третий этап изучения культуры русского Харбина (продолжающийся до настоящего времени) начался на рубеже 1980–1990-х гг., когда русская эмиграция стала интерпретироваться как уникальный социокультурный феномен. В этот период российские и китайские учёные обратили внимание на историко-типологические параллели, раскрывающие китайскую и русскую национальную специфику, а также на исследование разнообразных механизмов функционирования культуры.

В это время были опубликованы работы В. Агеносова [Агеносов 1998], Е. Жариковой [Жарикова 2007], А.А. Забияко и А.П. Забияко [Забияко 2005; Забияко 2008; Забияко 2009; Забияко 2016], Е. Капинос [Русский Китай 2020], П. Ковалевского [Ковалевский 2019], О. Кочубей [Кочубей 1998], С. Лешко [Лешко 1998; Лешко 2003], Г. Мелихова [Мелихов 1991; Мелихов 1994; Мелихов 1997; Мелихов 2003], В. Печерицы [Печерица 1999], С. Смирнова [Смирнов 2016; Смирнов 2019], Е. Таскиной [Таскина 1994; Таскина 1998; Таскина 2007], А. Хисамутдинова [Хисамутдинов 2006; Хисамутдинов 2013А; Хисамутдинов 2013Б, Хисамутдинов 2015] и многих других. В трудах этих исследователей освещались исторические события и проблемы жизни русской эмиграции, анализировалась культура и литературная деятельность писателей-эмигрантов.

Большой вклад в изучение культуры Харбина в 1990-е годы внесли китайские учёные. Глубокие исследования истории русской эмиграции в Китае провели Ли Яньлин [Ли Яньлин 2005Б], Ван Чжичэн [Ван Чжичэн 2008], Ли Синган [Ли Синган 1997], Хэ Инь [Хэ Инь 2010], Ши Гогуа [Ши Гогуа 1990], Ши Фан [Ши Фан 2003] и некоторые другие. Так, в 1993 г. У Вэнсян и Чжан Сюлань опубликовали книгу «Хорват и КВЖД» (эта книга сейчас стала библиографической редкостью, и её практически невозможно найти в библиотеках России и Китая), а Ван Чжичэн выпустил монографию «История русских эмигрантов в городе Шанхае» [Ван Чжичэн 1993], в которой значительное внимание было уделено деятелям культуры, приехавшим в Шанхай из Харбина.

В своих исследованиях литературоведы – как российские, так и китайские – нередко отмечали, что писатели-эмигранты стремились изучать и понимать страну, в которой волею судьбы они оказались, и выразить участие в тяжёлой судьбе китайского народа, благодаря чему в их творчестве постепенно формировался и кристаллизовался «китайский текст».

Анализ трудов отечественных и зарубежных специалистов, посвящённых русской культуре представителей эмиграции в Китае, позволяет выявить несколько взаимосвязанных направлений научных исследований:

- исследование истории и основных тенденций развития русского зарубежья (работы Н. Абловой, Г. Адамовича, Л. Вильямса, Г. Граббе, Н. Зернова, Е. Капинос, П. Ковалевского, И. Лошилова, М. Новикова, Т. Осоргиной, М. Раева, И. Силантьева, С. Смирнова, Г. Фолькмана, Р. Фостера, А. Эппель и др.);

- изучение русской эмиграции как сложного многомерного явления феномена, раскрывающего механизмы культурной адаптации и выполняющего важные исторические функции (работы Ли Яньлина, Н. Абловой, В. Иванова, Ши Фана и др.);

- описание культурного наследия восточной части русской эмиграции, деятельности интеллигенции, системы образования и науки в Харбине и их значения для сохранения и воспроизведения национальной культуры (работы Н. Василенко, Н. Гридина, Н. Горковенко, С. Лазарева, Г. Мелехова, В. Печерицы, Е. Таскиной и др.);

- анализ произведений восточной эмиграции и индивидуальных особенностей творчества её представителей, многообразных связей с классическими традициями русской литературы XIX – начала XX вв. (работы Г. Аникиной, О. Бакич, О. Романовой, Е. Таскиной и др.).

Огромный вклад в изучение русской культуры Харбина внёс доктор филологических наук, профессор Цицикарского университета Ли Яньлин, крупнейший специалист в области русской литературы и культуры, автор нескольких сотен стихотворений, написанных на русском языке, член Союза писателей РФ, иностранный член Российской Академии наук, за свою подвижническую деятельность награждённый Правительством РФ российским орденом Дружбы [Самойленко 2018].

Ли Яньлин начал изучать русскую литературу Харбина в сложные 1960-е гг. – период Культурной революции, когда были опасны любые упоминания о Советском Союзе (России) и русской культуре. На протяжении сорока лет Ли Яньлин собирал издания произведений русских эмигрантов – поэтов и прозаиков, – или, как их охарактеризовал сам учёный, «литературу с душевными ранами». Сохранённые им произведения вошли в пятитомное собрание сочинений, опубликованное в переводе на китайский язык, а также в десяти томник, изданный на русском языке [Литература русских эмигрантов... 2005]. Помимо текстов художественных произведений, написанных русскими литераторами-эмигрантами, в эти издания была включена обширная фактическая информация об их жизни и творчестве.

Работы, посвящённые истории и культуре русского Харбина, в 1990-е гг. были опубликованы и в России. Среди них в первую очередь следует отметить книги «Неизвестный Харбин» Е. Таскиной и «Маньчжурия далёкая и близкая» Г. Мелихова. Оба автора родились и долгое время проживали на территории Харбина (они принадлежали второму поколению русской эмиграции); после возвращения в СССР, последовавшего в 1950-е гг., сосредоточили своё внимание на изучении культуры дальневосточной эмиграции. Следует особо подчеркнуть, что личные воспоминания в их работах были дополнены многочисленными документами и научной интерпретацией событий.

В книгах Г. Мелихова содержались хроника общественной и культурной жизни русского Харбина; в них были представлены персоналии некоторых жителей города. Автор поставил важнейший теоретический вопрос о взаимодействии русского харбинского зарубежья с китайской культурой, – в частности, о том, в какой мере она в пределах локального пространства оказывала влияние на русский культурный анклав. В дальнейшем эта тема стала важнейшей для понимания процессов, происходивших в жизни творческой интеллигенции русского восточного зарубежья и исследования особенностей формирования «китайского текста».

С точки зрения Г. Мелихова, российская и китайская диаспоры Харбина тесно взаимодействовали и обогащали друг друга. Существовавшее в Харбине культурное пространство не

только способствовало сохранению русской национальной идентичности, но и оказывало определённое воздействие на жителей города, которые, в свою очередь (благодаря установлению контактов с российским населением), испытывали на себе позитивное воздействие русской среды. Каждая из национальностей «вносила свой ощутимый эксклюзивный вклад в общественную и культурную жизнь всех “маньчжурцев”, формируя тот удивительный сплав различных культур, прежде всего – восточных, что является характерной чертой облика харбинцев – русских жителей многонационального города Харбина, где всё это проявляло себя наиболее ярко и выпукло. Но русское начало при этом преобладало всегда», – отмечал Г. Мелихов [Мелихов 2003: 5]. Как утверждал исследователь, многонациональный Харбин потому и стал называться «русским», что в нём русский язык и русская культура на данном историческом этапе объединили все национальности [Мелихов 1997: 5].

Однако существует и иное мнение о принципах взаимодействия русской и китайской культур в Харбине.

Анализируя жизнь харбинской диаспоры в 1920–1940-е гг., В. Печерица отметил, что русская эмиграция в Китае противилась ассимиляции, стремилась сохранять «русский образ жизни», поддерживать «русский дух» и «русский образ мыслей». Эмигранты хотели жить, работать, творить в качестве неотъемлемой части России, посланцами которой они себя считали [Печерица 1999].

Более категорично по этой теме высказывались некоторые китайские исследователи (Ли Мэн, Цюй Цюбо), отрицавшие существование прогрессивных связей между русскими эмигрантами и местным населением Харбина. Такое утверждение обосновывалось некоторыми историческими фактами, анализом литературных произведений, созданных в 1920–1930-е годы, воспоминаниях Н. Байкова, Ю. Крузенштерн, Н. Резниковой. Так, Ли Мэн утверждала, что русские и китайцы, много лет проживавшие в одном городе, почти не имели активных культурных контактов (поскольку не знали языка друг друга), в результате чего в принципе не могли обогащать друг друга в культурном плане [Ли Мэн 1999]. В процессе анализа произведений А. Несмелова и Б. Юльского, посвящённых жизни русских эми-

грантов в Северо-Восточном Китае, Ли Мэн сделала вывод о том, что персонажи-китайцы, появившиеся в произведениях этих писателей, были представлены как люди ленивые, тупые, хитрые, необразованные и жестокие, а в повестях Н. Байкова китайское население соотносилось с дикой природой [Ли Мэн 2007].

Однако в результате разносторонних исследований, проделанных китайскими учёными, большинство специалистов пришло к выводу о том, что деятельность русской диаспоры в Харбине содействовала укреплению духовных и культурных связей между двумя народами, чему во многом способствовал высокий уровень развития русской литературы, музыки, живописи (Ли Шу Хиао [Ли Шу Хиао 1998], Дяо Шаохуа [Дяо Шаохуа 1996] и др.). К аналогичным выводам пришла профессор Ван Яминь, с точки зрения которой русские писатели и поэты не только сумели сохранить традиции русской литературы Золотого и Серебряного веков, но и внесли в неё особый колорит, связанный с китайской культурой [Ван Яминь 2005].

Профессор Ли Яньлин обратил внимание на взаимодействие русского и китайского населения. Исследуя литературную среду русского Харбина, учёный, наряду с такими её традиционными чертами, как патриотизм, реалистичность, психологизм, отметил присутствие в ней особенностей, общих для ментальности России и Китая. Огромное воздействие на повседневную жизнь русской эмиграции оказывали древние традиции и этика китайского народа, а также природа страны. Совокупность всех этих факторов, по мнению исследователя, способствовала сближению народов [Ли Яньлин 2005Б].

С точки зрения Ли Яньлина, культура Китая была глубоко понята и раскрыта в романах Н. Байкова «Черный капитан», «Шу Хай» и «Великий Ван». Так, в последнем романе русский писатель художественно воспроизвёл ту её часть, которая связана с представлениями о тиграх («тигровой культурой Китая»), а его атмосфера проникнута китайским моральным духом и китайской философией [Ли Яньлин 2005Б].

Многие писатели Харбина способствовали развитию «китайского текста» русской литературы, активно занимаясь переводческой деятельностью. Поэт В. Перелешин опубликовал на русском языке свои версии классической поэмы Цюй Юаня «Ли

Сао» и древнего философского трактата «Дао Дэ Цзин», завершённые через много лет после отъезда из Китая.

Современные исследования показывают, что «китайский текст» присутствовал в творческом сознании русских эмигрантов в самых разных вариантах – прозаических и стихотворных произведениях, переводных текстах и даже фольклоре.

Изучение особенностей эстетического восприятия Китая разными поколениями российской интеллигенции позволяет осмыслить закономерности исторического процесса, а также основные принципы межкультурной коммуникации (особенно на примере столь разных по своей природе цивилизаций, как русская и китайская). В периоды эволюционных сдвигов актуальным становится вопрос о накоплении опыта взаимного понимания, диалога между странами, продолжавшегося на протяжении почти трёх веков. Знакомство с уникальной китайской культурой, непрерывно существовавшей и развивавшейся в течение пяти тысячелетий, помогает понять закономерности исторического развития и эффективные способы выживания нации в сложнейших политических условиях.

На протяжении XIX в. «китайский текст» играл в русской культуре особую роль (и в этом плане он оказался вполне сопоставимым с «итальянским», «московским», «петербургским» или «пушкинским» текстами), что может быть объяснено огромной значимостью жизни страны – близкого соседа России – для понимания *собственной* истории. Россия и Китай – два государства, исторический путь и культурные парадигмы которых, с одной стороны, принципиально различались, а, с другой, – при всём своеобразии – имели черты, соотнесение которых способствовало пониманию существенных особенностей исторического пути России и особенностей её национального характера. «Китайский текст» помогал российским писателям и читателям представить перспективы и закономерности развития своей страны.

Мысль об исторической и духовной близости России и Китая, а также о сходстве проблем, стоящих перед обеими странами, впервые сформулированная в русской литературе XIX в., стала одной из основополагающих для «китайского текста» русской литературы XX в., поскольку, во-первых, Россия и Китай

действительно оказались в похожих политических ситуациях, а, во-вторых, – множество российских людей проживало на территории Китая. Последний фактор оказался импульсом к росту количества произведений, в которых изображался Китай, а также к структурному усложнению «китайского текста».

Изучение «китайского текста» способствует переосмыслению русской национальной специфики и некоторых особенностей традиционной культуры Китая, своеобразно интерпретированных русской литературой XIX–XXI вв. «Китайский текст» был изначально соотнесён с многочисленными политическими, историческими, религиозно-философскими, правовыми, литературными и бытовыми *контекстами*, обусловленным как художественными задачами, так и политическими целями, которые оказывали существенное воздействие на представления российской образованной публики о Китае (в дальнейшем, имея в виду их совокупность, мы будем говорить о «китайском контексте»). По этой причине «китайский текст» в русской культуре рассматривался не только как художественное явление, но и как иллюстрация тех или иных политических и историко-культурологических аспектов [Лукин 2007; Смирнов 2008].

«Китайский текст» русской литературы отражал актуальные политические и социальные проблемы, способствовал национальной самоидентификации отечественной культуры и разрушению «европоцентристских» представлений о восточной стране. Основным содержательным компонентом представлений о Китае, выраженным в «китайском тексте», являлась система *социокультурных ценностей*, связанных с китайской культурой, – конфуцианскими, даосскими и буддийскими взглядами на мироустройство.

«Китайский текст» создавался творческими усилиями русских писателей при существенном участии востоковедов-синологов. Благодаря им и сформировался особый художественный язык, который включал систему символов, литературные аллюзии и реминисценции, «знаковые» детали, русифицированные китайские слова и выражения. В «китайском тексте» русской литературы воплотились представления современников о гипотетическом «альтернативном» пути развития России.

Глава II. «КИТАЙСКИЙ КОНТЕКСТ» РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Существование и функционирование в рамках той или иной культуры любого «сверхтекста» возможно в том случае, когда в ней присутствует соответствующий этому «тексту» многообразный культурно-исторический *контекст*, связывающий автора и читателя.

Слово «контекст» используется нами в широком значении – как соотнесённая с текстом *среда*, культурно-историческая обстановка, в которой существует и функционирует данный текст. Любому *тематическому тексту* (каковым является «китайский текст» литературы) соответствует определённый тематический *контекст*, сопряжённый с общей культурной ситуацией эпохи.

Контекст находится в состоянии постоянного взаимодействия с любым сверхтекстом. Контекст способствует дальнейшему развитию сверхтекста, который, в свою очередь, определяет функции и структуру самого контекста.

В «контекст» включается не только историко-культурная *среда*, в которой функционируют персонажи *сверхтекста*, но и преломлённые в культурной памяти *субъектов* текста – *читателей* – существующие в обществе на данном конкретном этапе *представления о Китае* (нередко весьма далёкие от реальности и даже фантастические), его языке, истории, природе и культуре, в том числе выраженные через другие созданные ранее *тексты*, посвящённые этой стране (в частности, в исследованиях российских синологов). Совокупность культурных представлений о Китае в монографии предлагается называть «*китайским контекстом*».

Роль историко-культурного *контекста* в организации *текста* можно пояснить на следующем примере.

Как мы уже отмечали, в русской литературе XIX в. существовал хорошо развитый «итальянский текст», с которым был соотнесён соответствующий *контекст* итальянской культуры. Способы организации итальянского контекста несколько отличались от существовавшего одновременно и ним «китайского контекста».

«Итальянский контекст» русской литературы в значительной мере был выражен в *личном опыте* российских читателей и писателей; *китайский* контекст в XIX в. был представлен преимущественно через другие *тексты* культуры. Важнейшей частью *китайского контекста* русской культуры становились размышления о закономерностях и парадоксах развития России (в период с конца XIX в. и вплоть до начала XXI в.), особенно – в сопоставлении с историей самого Китая.

Процесс становления китайского текста предварялся китайским *контекстом*, который в русской культуре формировался на протяжении двух (или даже трёх) столетий.

В течение *древнерусского периода* (до конца XVII в.) представления российского населения о Китае были весьма приблизительными [Лукин 2007]. Первая российская дипломатическая миссия в Китай, возглавляемая И. Петлиным, состоялась в 1618 г.; при этом её руководитель оставил описание поездки («Роспись Китайскому государству...»). Хорошо известен исторический факт, свидетельствующий о существенных трудностях, возникавших во взаимоотношениях России и Китая. Император Минской династии Чжу Ицзюнь, правивший под девизом «Ваньли» (1563–1620), направил с И. Петлиным послание русскому царю Василию Шуйскому (1552–1612), однако, поскольку в России на тот момент не имелось ни одного переводчика с китайского языка, содержание этого документа на протяжении более 60 лет оставалось не понятным; только в 1675 г. российский дипломат Н. Спафарий, отправленный в Пекин в качестве посла, нашёл в Тобольске человека, который сумел понять общий смысл письма: император предлагал царю Василию Шуйскому развивать между Россией и Китаем двустороннюю торговлю⁴.

Целенаправленный интерес к Китаю и китайской культуре в России стал возникать в XVIII в. В 1700 г. император Пётр I издал специальный указ об изучении восточных языков, в котором была отмечена стратегическая важность для России *китайского языка* [История отечественного востоковедения 1990: 40].

⁴ См.: Информационный портал фонда «Русский мир». Режим доступа: <http://www.russkiymir.ru/media/magazines/article/141681> (дата обращения: 25.11.2023).

В этом аспекте Российская империя включалась в общеевропейскую тенденцию, связанную с ростом интереса к великому восточному государству. Это событие можно считать началом процесса формирования *китайского контекста*, ставшего основой для дальнейшего формирования *китайского текста*.

В России стала развиваться европейская «придворная» традиция обращения к «китайскому стилю» *chinoiserie* («*шинуазри*») ⁵, который повлиял на архитектуру, живопись, оформление интерьеров и женскую моду. Стиль *chinoiserie* предполагал использование при отделке интерьеров отдельных предметов, привезённых из Китая, – изделий (настоящих или поддельных) из нефрита и слоновой кости, китайского лака и фарфора, картин с сюжетами из китайской жизни, декорирование стен помещений шёлком и т. п., а также применение особых художественных приёмов и специфической китайской символики (изображений драконов и птицы феникс, элементов китайского орнамента, обозначающих молнии, благодатный дождь, облака, волны и т. п.).

Стиль *chinoiserie* быстро входил в придворный быт, особенно в период правления императрицы Екатерины II (1762–1796 гг.), когда в обиход вошла китайская «чайная церемония», считавшаяся признаком хорошего тона, предметы одежды, изготовленные из шёлка, зонтики от солнца, ширмы, веера и другие вещи, соотносившиеся в сознании людей того времени с Китаем ⁶.

Использование стиля *chinoiserie* оказалось не просто очередной модой – он стал «знаковым» для культуры XVIII – начала XIX вв., поскольку свидетельствовал о материальном достат-

⁵ Французское слово *chinoiserie* («шинуазри», «шианузери») на русский язык может быть переведено как «китайщина».

⁶ Известный архитектор А. Ринальди в 1762–1768 гг. построил для императрицы Екатерины II выполненные в стиле *chinoiserie* «китайский дворец» (г. Ораниенбаум) и «китайскую деревню» (Царское Село). В «китайской деревне», например, находились входные ворота и несколько домиков в китайском стиле, восьмьярусная пагода, а также несколько небольших садов. В «китайском стиле» были выполнены некоторые помещения Екатерининского дворца и Большого дворца в Петергофе, дворца Меншикова на Васильевском острове в С.-Петербурге. См.: Путешествия с Марией Анашиной. Режим доступа: <https://anashina.com/postrojki-v-kitajskom-stile-v-carskom-sele> (дата обращения: 25.11.2023).

ке хозяев помещений и утонченности их эстетических представлений. Появление стиля в русской культуре стало первым этапом функционирования *китайского контекста*. При этом в большинстве случаев обращение к китайской культуре оставалось поверхностным, касающимся отдельных внешних деталей и стилистических приёмов; сущность китайских традиций и стоящая за ними философско-этическая система, жизнь китайского народа долгое время находились вне сферы внимания русского общества и не сопровождались углублённым «просветительским» и «интеллектуальным» интересом к Китаю.

Значительную часть информации о Китае русские образованные люди стали получать из переводов произведений китайской словесности. В XVIII в. появилась возможность читать китайские тексты через переводы с языков-посредников (французского, английского, маньчжурского). Так, например, в 1779 г. именно с французского языка известный российский писатель и дипломат Д. Фонвизин выполнил перевод важнейшего для китайской культуры трактата «Да сюэ» («Великое учение») [Фонвизин 1779]. Китай стал упоминаться в произведениях писателей («Письмо о пользе стекла» М. Ломоносова, сатира «Об истинном блаженстве» А. Кантемира, «Песнь историческая» А. Радищева, «Памятник герою» и «Фелица» Г. Державина, «Бабушкина азбука» царицы Екатерины II, «Письмо Китайца к Татарскому Мурзе, живущему по делам своим в Петербурге» М. Сушковой). В этих произведениях упоминались китайские мыслители (в частности, Конфуций), а Китай и китайцы, как правило, интерпретировались как выразители высших достижений мировой культуры. Так, например, А. Кантемир в упомянутой выше сатире «О истинном блаженстве» (1738) особо указывал на «китайск ум», который «зрящих удивляет».

Представления российских читателей о Китае формировала прежде всего информация, поступающая из Европы. Б. Рифтин приводит пример публикации в России в 1763 г. «Китайской повести», источником которой являлась книга известного писателя О. Гольдсмита «Гражданин мира, или письма проживающего в Лондоне китайского философа Лянь Чи Алтанги к первому президенту Академии церемоний в Пекине Фум Хуаму» (1760–1762). Приём воспроизведения переписки сторонних

наблюдателей использовался публицистом для критики современных английских нравов, что мало интересовало российских читателей, которых в большей степени привлекал использованный в произведении сюжет о мыслителе Чжуан-цзы («Чжуан-цзы постигает великое Дао» из сборника XVII в. «Удивительные истории нашего времени и древности») [Рифтин 2004: 12–13].

В последнюю треть XVIII в. в Россию стали проникать из Европы псевдокитайские повести, авторами которых на самом деле были европейцы, однако русскими читателями они воспринимались как оригинальные произведения. Эта тенденция прослеживалась и на протяжении первых десятилетий XIX в. [Там же: 15–17]. В дальнейшем появились переложения подлинных китайских текстов – как исторических сочинений, так и художественных. В конце XVIII в. один из первых российских востоковедов А. Владыкин, хорошо знавший маньчжурский и китайский языки, перевёл на русский язык китайский роман «Повествование о Цзине, Юнь и Цяо» («Цзинь, Юнь, Цяо Чжуань») [Никулин 1988], созданный в первой половине XVII в.⁷, сохранившийся в рукописном варианте [Рифтин 2004: 17].

На протяжении первой трети XIX в. издатели русских журналов внимательно следили за тем, какие китайские тексты публикуются на Западе, и старались не отставать от своих зарубежных коллег. Всё чаще в российских журналах стали появляться короткие рассказы на «китайскую тему», выполненные анонимными переводчиками, обычно – через языки-посредники (включая маньчжурский язык). Как правило, эти переводы представляли краткие вольные пересказы китайских текстов (авторы которых часто не указывались) и имели отступления от сюжетной линии оригинальных произведений; существенно изменялись имена персонажей, время и место действия.

Например, в XVI–XVII вв. в Китае был издан сборник остросюжетных повестей «Цзинь гу цигуань» – «Удивительные

⁷ Перевод сохранился в рукописном виде и находится в Рукописном отделе Санкт-Петербургского отделения Института востоковедения РАН. Там же хранится рукопись перевода романа на маньчжурский язык, которой, возможно, пользовался А. Владыкин.

истории нашего времени и древности»⁸ [Удивительные истории... 1962: 137–167], – а в 1810 г. в журнале «Друг юношества» под рубрикой «Китайские анекдоты» было помещено несколько взятых из этого источника историй (слово «анекдот» использовалось в данном случае в значении, принятом в начале XIX в. – как обозначение забавной истории)⁹. Вероятно, это можно объяснить тем, что в XIX в. традиция переводов ещё не была в должной мере сформирована, а переводчики обычно излагали только общий смысл текста оригинала.

В процессе перевода российские синологи постоянно сталкивались с проблемами, обусловленными сложностью интерпретации культуры традиционного Китая, отсутствием словарей и терминологического аппарата. Поэтому первоначально в России особую роль играли переводы китайских текстов, выполненные с маньчжурского языка. Отмечая этот факт, академик В. Алексеев писал: «Русские китаисты XVIII и XIX вв. смотрели на маньчжурскую версию едва ли не как на основную, ибо, боясь сложной китайской конструкции, понимание текста основывали на простой и ясной конструкции однообразно-агглютинативного языка с алфавитной письменностью» [Алексеев 1920: 49].

В XVIII – первой половине XIX вв. Китай оказался практически полностью закрыт для иностранцев и не поддерживал каких-либо дипломатических отношений как с европейскими странами, так и с Россией, однако не препятствовал пребыванию на своей территории представителей православного духовенства. В 1715 г. в Пекин была направлена Российская Духовная

⁸ Сборник “Удивительные истории нашего времени и древности” («Цзинь гу цигуань»), появившийся в Китае в конце первой половины XVII в., представляет собой литературный памятник, источником которого было устное народное творчество X–XII вв. Период создания рассказов, вошедших в сборник, – конец XVI – начало XVII в. – озаглавлен в истории китайской литературы возрождением жанра *хуабэнь* – кратких записей главной сюжетной линии устного рассказа – и появлением на его основе *хуабэнь-повестей*, написанных на разговорном языке. Этот жанр сыграл большую роль в развитии исторического, бытового и фантастического романов. Информация взята с сайта: <https://djvu.online/file/IymNcfgRRu8pW> (дата обращения 26.11.2023).

⁹ См.: Восток в русской литературе XVIII – начала XX века. Знакомство. Переводы. Восприятие.

миссия, целью которой было, с одной стороны, «духовное окормление» потомков дальневосточных албазинских казаков, проживавших в Пекине и служивших китайскому императору, а с другой – выполнение неофициальных дипломатических поручений и некоторых исследовательских задач (изучение китайского языка и национальной специфики, налаживание неофициальных дипломатических контактов с правительством). Деятельность представителей Российской Духовной миссии в Пекине заложила основы отечественной синологии и способствовала быстрому развитию школы перевода [Головин 2013: 4]. В Российской духовной миссии в Пекине трудились многие известные китаеведы – И. Рассохин¹⁰, А. Владыкин¹¹, П. Каменский¹², С. Липовцев¹³ и другие.

Работы этих учёных заложили основы российской классической синологии и способствовали формированию в сознании российских читателей XIX в. развёрнутых представлений о Китае – «китайского контекста». Если первоначально (во многом под влиянием популярной в России французской культуры) образ Китая в России был в значительной мере идеализированным и одновременно экзотическим, то, благодаря деятельности Российской духовной Миссии в Пекине, он постепенно стал изменяться, став частью более или менее развёрнутой, конкретной и исторически правдивой системы – «китайского контекста».

Символическим в этом плане стало издание в 1775 г. книги одного из первых российских сиологов и переводчиков (с китайского и маньчжурского языков) А. Леонтьева (1716–1786) «Уведомление о чае и шёлке» [Леонтьев 1775], которая во мно-

¹⁰ И.К. Рассохин [Россохин] (1717 [или 1707] – 1761) – китаевед, один из первых переводчиков с китайского языка, участник Второй духовной миссии.

¹¹ А.Г. Владыкин (1757–1812) – китаевед, переводчик, участник Седьмой духовной миссии.

¹² П.И. Каменский (1765–1845) – архимандрит, китаевед, переводчик, член-корреспондент Императорской Академии наук; участник Восьмой и начальник Десятой духовных миссий.

¹³ С.В. Липовцев (1770–1841) – китаевед, переводчик, участник Восьмой духовной миссии, член-корреспондент Императорской Академии наук, составитель «Каталога китайским и японским книгам, в библиотеке Императорской Академии наук хранящимся» (СПб., 1818; в соавторстве с П. Каменским) и «Маньчжурского словаря» (СПб., 1838).

гом определила вектор последующего «освоения» российскими читателями сведений об этой стране. Само название книги указывало на «знаковые» товары из Поднебесной – чай и шёлк (в дальнейшем к ним добавился еще фарфор), – а также определены некоторые принципы их освоения в русской культуре. Описание критериев оценки чая и процедур его приготовления, почерпнутые из классических китайских книг, и процесса производства шёлка сопровождалось изложением некоторых национальных классических сюжетов, переводами стихотворений, в которых был представлен труд крестьян (сбор урожая и изготовление тканей), а также объяснение некоторых принципов народной медицины и традиционных блюд. То есть представление отдельных предметов («товаров») становилось поводом для погружения российского читателя в контекст «Срединного государства».

В конце XVIII в. в некоторых учебных заведениях России стал преподаваться китайский язык, появились первые переводы на русский язык, выполненные непосредственно с оригинала.

Огромную роль в формировании «китайского контекста» сыграл один из первых русских китаистов – А. Леонтьев¹⁴, который дважды (в 1771 и 1773 гг.) публиковал книгу «Депей-китаец» (1771), где содержались философские толкования Мен-цзы (Мэнкэ). В 1780 г. им были переведены некоторые важнейшие тексты китайской культуры («Да сюэ» [«Да хю»] и «Чжун юн»), собранные в книгу под названием «Сы Шу Гей» (1780)¹⁵ [Леонтьев 1771; Леонтьев 1780]. Исследователь Б. Кир-

¹⁴ А.Л. Леонтьев (1716–1786) – китаевед, переводчик, один из основателей российского китаеведения, сотрудник Азиатского департамента Коллегии иностранных дел. Основные его исследования: «Китайские мысли» (СПб., 1772–1775); «Кратчайшее описание городам, доходам и пр. Китайского государства» (1778–1779) и др. Автор переводов китайских и маньчжурских сочинений, среди которых «Китайское уложение» (1778–1779. Ч. 1–2); книги «Депей-китаец» (1771 и 1772), произведений конфуцианской литературы «Сы Шу Гей» (1780–1784. Кн. 1–2). По распоряжению Екатерины II А.Л. Леонтьев перевёл «Тай-Цин гурунь и Ухери коли, то есть все законы и установления китайского (а ныне маньчжурского) правительства» (1781–1783. Т. 1–3) и «Букварь китайский» (1779).

¹⁵ «Сы шу» («Четверокнижие» [四书] – Sì shū) – собрание основополагающих конфуцианских книг («канонов»), созданное в XII в. мыслителем Чжу Си.

масов отмечал: «А.Л. Леонтьев много работал над переводами маньчжурских и китайских текстов. В течение 15 лет (1771–1886 гг.) он издал более 16 книг, некоторые из них выдержали два и три издания. Им переведено в общей сложности свыше 5 тыс. страниц различных китайских и маньчжурских текстов» [Кирмасов 2015: 237].

Публикации о Китае и переводы китайских классических текстов, следовавшие на протяжении XVIII в., создали в сознании русской публики интерес к стране и способствовали возникновению первичного «фона» – культурного контекста. Существенное продвижение в этом направлении произошло в XIX в.

Особое место в формировании представлений о Китае в первой половине XIX в. принадлежало о. Иакинфу [Н. Бичурину]¹⁶, являвшемуся главой миссии с 1807 по 1821 г. Его труды [Бичурин 1950; 2002; 2016; 2017] на протяжении нескольких десятилетий были основным источником для изучения Китая российским обществом и способствовали формированию в сознании читателей «китайского контекста»: «...О. Иакинф <...> переводил с китайского языка, дополнял свой словарь, заканчивал работы, начатые в Пекине. Первоначально по возвращении в Россию он намеревался опубликовать прежде всего выдержки из своих переводов, сопровождаемые комментариями, и работы по китайской грамматике» [Мясников, Попова 2002: 1100].

В своей научной и просветительской деятельности о. Иакинф обращался непосредственно к китайским источникам. Он выполнил переводы на русский язык многочисленных китайских текстов (в том числе свыше десяти исторических трудов) и канонических книг [Бичурин 1828; Бичурин 1829], писал публицистические статьи для популярных журналов [Бичурин 1838А], научные и учебные работы [Бичурин 1838Б]. О. Иакинф

А.Л. Леонтьевым было переведено две книги: «Да хио, то есть Учение великое» (современное написание: «Да сюэ» – «Великое учение») и «Джун юн, то есть Закон непреложный» (современное написание: «Чжун Юн» – «Учение о Середине»).

¹⁶ Н.Я. Бичурин (1777–1853 гг.) – монах, архимандрит, один из основателей отечественного китаеведения как научной дисциплины. В российской синологии его деятельность квалифицируется как «бичуринский период».

составил первый китайско-русский словарь, являвшийся одновременно «энциклопедией жизни китайского народа» [Бичурин 1840; Бичурин 1848], опубликовал первую в Европе карту Пекина с подробным описанием города, собрал материалы об экономической и военной ситуации в стране, законодательстве, системе образования, религии и других сферах китайской культуры [Бичурин 1851; Бичурин 1950]. Труды Н. Бичурина были хорошо известны в российской (и европейской) культурной среде первой половины XIX в., чему в немалой степени способствовало его общение с А. Пушкиным, В. Одоевским, Н. Гоголем, И. Крыловым, Н. Бестужевым и другими писателями, а также с зарубежными дипломатами.

Н. Бичурин серьёзно относился к своей переводческой деятельности: 25 августа 1822 г. в «Записке Егору Федоровичу Тимковскому» он написал: «До времени я не решался издавать в свет мои переводы. Сочинение или перевод, предположенные к изданию, должны быть совершенны или, по крайней мере, должны быть доведены до возможного совершенства. В китайской словесности не столько язык их труден, сколько образ понятий, и посему точный перевод будет невразумителен, а приноровленный к нашим понятиям, несправедлив. Чтоб избежать сих препятствий, за необходимое почитаю сделать предварительные приготовления ко вступлению в стиле китайской словесности. Для сего потребно: первое – определить и утвердить значение многих слов и выражений; второе – предварительно издать некоторые небольшие переводы, которые могли подать нам краткое понятие о китайской философии и учёности, о их религии и правлении» [Архив востоковедов].

Основным объектом переводов на протяжении первой половины XIX в. для российских синологов были *исторические* сочинения, которые, с одной стороны, давали русским читателям представление о соседней стране, а с другой, – вызывали в их сознании параллели с отечественным прошлым (интерес к которому на протяжении XVIII–XIX вв. постоянно возрастал).

Реже появлялись тексты, в которых описывались повседневные обычаи и нравы китайцев. В 1832 г. в альманахе «Северные цветы», подготовленном к изданию А. Пушкиным, был опубликован анонимный перевод (автором которого, как пола-

гают некоторые синологи, скорее всего, являлся Н. Бичурин или кто-то из его учеников) «отрывка из китайского романа» «Хау-цю-джуань» («Беспримерный брак») [Северные цветы 1980: 43–52], в котором повествовалось о судьбе двух молодых людей – благородного юноши Тей-Гундзы и прекрасной девицы сановника Шуй Бин-Син, которые сталкиваются с коварством знатного молодого повесы Го-Гундзы и его дяди Шуй-Жуня¹⁷. Основное место в указанном отрывке занимало описание «китайских церемоний», сопровождающих встречу главного героя, Тей-Гундзы, с его противниками, задумавшими очернить его в глазах власти.

Переложения произведений китайской литературы продолжали публиковаться и во второй половине 1830-х – начале 1840-х гг. и позднее [Копотилова 1998]. В 1835 г. З. Леонтьевским был осуществлён художественный перевод с китайского языка повести «Путешественник», созданной на основе классической китайской драмы «Си Сян Цзи» («西廂記» – «Западный флигель») писателя Ван Шифу [王实甫]. Отрывок из перевода этой повести был опубликован в 1836 г. в популярнейшем журнале «Библиотека для чтения», выходившем под редакцией О. Сенковского.

В начале 1840-х гг. в журнале «Отечественные записки» был опубликован цикл из 10 статей, в которых подробно описывалась поездка автора очерков в Китай: система управления страной, некоторые обычаи и быт китайского народа, особенности национальной медицины, системы образования и т. п. Создателем этих статей был А. Кованько¹⁸, скрывшийся под псев-

¹⁷ Как полагает Б.Л. Рифтин, в основу перевода был положен бытовой роман второй половины XVII в. «Хао Цю Чжуань» («История счастливой четы»), автор которого скрылся под псевдоним «Минцзяо чжунжень». В 1832 г. роман вышел отдельной книгой в переводе с французского языка под названием «Гаю-Киу-чуэнь, или благополучный брак. Китайский роман в четырех частях» (М., 1832–1833). «Хао Цю Чжуань» – первый китайский роман, изданный в 1760-е гг. на английском, немецком и французском языках [Северные цветы 1980: 344–349].

¹⁸ А.И. Кованько (1808–1870) – русский офицер, учёный, инженер, путешественник. Участник XI духовной миссии в Пекине.

донимом «Дэ-Мин»¹⁹. В качестве приложения к девятой статье был напечатан небольшой фрагмент из Введения в китайский классический роман «Сон в Красном тереме» (под названием «Хунь-лоу-мэн» – «Сновидения на красной башне», или «История камня»), из которого российские читатели могли составить некоторое общее представление об этом произведении.

Все эти издания формировали в сознании российских читателей образ страны: в этом контексте Китай представал как государство, следующее своим оригинальным историческим путём; испытываемые китайскими людьми проблемы и чувства оказывались похожими на аналогичные переживания русских людей.

Интерес русской литературы к Китаю был частью общеевропейского интереса к странам Востока и их культуре. Российские периодические журналы (например, «Вестник Европы») систематически размещали на своих страницах описания путешествий по странам Востока, переводы восточной поэзии и прозы. Особое внимание у русских читателей вызывали путевые заметки, в частности, о странах Востока, изобилующие экзотикой и романтикой, яркими и оригинальными образами, сказочными сюжетами [Айзикова 1987]. В качестве примера назовём известные книги путешествий, в которых появлялись описания Китая – «Путешествие вокруг света в 1803, 4, 5, 1806 годах» И. Крузенштерна (1810) [Крузенштерн, 1810], «Путешествие вокруг света в 1803, 4, 5 и 1806 годах на корабле “Неве”» Ю. Лисянского (1812) [Лисянский 1812], «Путешествие в Китай через Монголию в 1820–1821 годах» Е. Тимковского (1824) [Тимковский 1824], «Путешествия и новейшие наблюдения в Китае, Манилле и Индо-Китайском архипелаге» П. Добеля (1833) [Добель 1833].

В первую очередь русская литература обращалась к изображению «арабского» (мусульманского) Востока. Например, в творчестве А. Пушкина интерес к духовному богатству и внутреннему миру «восточного» человека выразился в лирических стихотворениях, поэмах и сказках («Подражание Корану», «Руслан и Людмила», «Бахчисарайский фонтан» и др. произве-

¹⁹ Дэ-Мин [Кованько А.И.]. Поездка в Китай // Отечественные записки. 1841. № 9–12; 1842. № 1–3, 9–10; 1843. № 1, 4.

дения). «Пушкина заинтересовало “человеческое” в его национальных чертах, человеческий быт <...> и поэт блестяще выполнил эту задачу» [Кашталева 1930: 244]. В то же время А. Пушкина привлекала и собственно *китайская* культура, что было вызвано общением с такими людьми, как о. Иакинф, А. Бестужев, В. Кюхельбекер, барон П. Шиллинг. В стихотворении «Поедем, я готов; куда бы вы друзья» (30 декабря 1829 г.) поэт писал:

Поедем, я готов; куда бы вы, друзья,
Куда б ни вздумали, готов за вами я
Повсюду следовать, надменной убягая:
К подножию ль стены далекого Китая...

[Пушкин 1959: 263]

В этом стихотворении под именем «друзей» имелись в виду о. Иакинф и барон П. Шиллинг фон Канштадт, которым была поручена организация торговли между Россией и приграничными районами Китая. Это стихотворение можно рассматривать не только как изложение фактов из жизни поэта и его стремлений, но и как указание на символическую «готовность» к восприятию русской культурой контекста «далёкой» («чужой») культуры.

А. Пушкину так и не удалось осуществить свою мечту и побывать в Китае, однако это не уменьшило его интерес к стране. В. Куликов отметил, что в личной библиотеке поэта имелись 82 книги о Китае²⁰. Писатель И. Леонтьев [псевдоним Иван Щеглов], исследовавший в начале XX в. архивы Полотняного завода, принадлежащего семье Гончаровых, обнаружил, что в 1834 г. поэт брал из библиотеки преимущественно книги о Китае.

В связи с этим И. Леонтьев писал: «...Очевидно Пушкин, семьдесят лет назад проникновенно интересовался и волновался теми вопросами, которыми интересуемся и волнуемся мы, грешные, только теперь. <...> Почти одновременно с мечтой о женитьбе, Пушкин лелеял мечту о путешествии в Китай. И со-

²⁰ См.: Неизвестный Китай // Библиотека Гумер. Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/kulik/04.php (дата обращения: 25.11.2023).

бытия, увы, показали, что осуществление второго мечтания на счёт первого послужило бы к вящей славе нашего любезного отечества. Впрочем, Грибоедов недаром сказал: “Ах, если любит кто кого, зачем ума искать и ездить так далеко?” И вместо вещей книги о Китае, которая, почём знать, изменила бы ход современных событий, мы имеем гениальные сцены “Каменного гостя”, напророчившие смерть их автору»²¹.

Интерес к Китаю в русской культуре стимулировал внимание к нему со стороны зарождающейся в России философии. Особенно важными эти размышления оказались в контексте определения специфики России относительно культур Запада и Востока.

В начале XIX в. в европейском сообществе сформировалось мнение об Азии (и, в частности, о Китае) как о безнадежно отставшей «застойной» цивилизации, которая давно прекратила своё «прогрессивное» развитие, и о том, что «миссией» европейской цивилизации является её «окультуривание». Такое мнение высказал, например, и В. Белинский в рецензии на книгу Н. Бичурина «Китай в гражданском и нравственном отношении. Сочинение монаха Иакинфа» (1848). Русский критик отмечал: «Лицемерие, лукавство, ложь, притворство, унижение – натура китайцев. И как быть иначе там, где церемония поглощает всю духовную жизнь народа <...> [Белинский 1982: 598].

В то же время многие российские философы 1830–1840-х гг., – в отличие от мыслителей XVIII – начала XIX вв., – уже не были односторонними «европоцентристами» и рассматривали свою страну как государство, находящееся *между* Западом и Востоком и соединяющее в себе черты обеих цивилизаций.

П. Чаадаев, размышляя о месте России в системе мировой цивилизации и стремясь сформулировать «общий закон» развития народов, сопоставляет различные варианты историко-культурного развития: «западный» («европейский») путь прогресса, «застой», связываемый им с Китаем, и «упадок», соотне-

²¹ См.: *Алексеев М.П.* Пушкин и Китай. С. 137. Режим доступа: <http://lib.pushkinskiydom.ru/LinkClick.aspx?fileticket=64oyn6D22YQ%3D&tabid=10396> (дата обращения: 25.11.2023).

сенный, в частности, с греческий культурой. Задача культурного развития, по его мнению, – объединение разных аспектов развития мировой цивилизации. В первом «Философическом письме» (1829–1830) он сформулировал существующую проблему следующим образом: «...Раскинувшись между двух великих делений мира, между Востоком и Западом, опираясь одним локтем на Китай, другим на Германию, мы должны были бы сочетать в себе два великих начала духовной природы – воображение и разум, и объединить в нашей цивилизации историю всего земного шара» [Чаадаев 1991: 329]. При этом можно отметить, что философ использовал способ формулировки, который часто применялся в дальнейшем: говоря о Китае, подразумевать Россию.

В заметках, сделанных к статье И. Киреевского «О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России (письмо к графу Комаровскому)» в «Московском сборнике» (1852), П. Чаадаев, говоря о «новом небесном государстве», а также о «Китае» и «китайцах», имел в виду, конечно, Россию (тогда как Китай, в таком случае, назывался им «старым небесным государством») [Там же: 559–560]. Характеризуя на примере Китая культуру Востока и противопоставляя её культуре Запада, мыслитель, основываясь на немногочисленных известных ему фактах истории китайской цивилизации, в качестве основного её признака называл «неподвижность» (в отличие от западной «динамичности») [Там же: 404, 409].

В близком ракурсе эта проблема рассматривалась в дальнейшем другими русскими мыслителями. Славянофилы исходили из представлений о том, что российская культура существенно отличается от европейской и ценна сама по себе.

Основоположник славянофильства А. Хомяков в своём фундаментальном труде, получившем название «Семирамида»²², который был посвящён вопросам всеобщей истории, переосмыслил роль Китая в мировой культуре. Указывая на ошибочность европоцентристских взглядов, А. Хомяков отмечал: «Самые высокие и живописные горы всего мира, это огромная

²² Работа создавалась в 1838–1850-е гг.; в полном виде книга была опубликована только после смерти мыслителя – в 1871 г.

твердыня снежного Гималая, течение рек, перед которыми мала наша Волга, роскошь природы, соединяющая в себе произведения всех климатов, каналы больше наших рек, города больше Лондона, население *далеко* превышающее всю нашу Европу, древность, перед которою все державы – выскочки вчерашнего дня: есть чем гордиться китайцу, есть над чем задуматься европейцу. ...Мы должны признаться, что логическая стройность и строгая последовательность отличает их политическую организацию пред всеми другими и что уважение к уму человеческому и к просвещению не доходило нигде до той степени, до которой оно доведено в Китае» [Хомяков 1994: 32]. Китай, по его мнению, решает «высокую задачу» построения «государства нравственного, развитого разумно» [Там же: 77]. Русский философ определил особенности, сближающие русскую и китайскую цивилизации: оба народа обладают стремлением к миру и устойчивым типом культурного развития, в результате которого они «...мирною сохою победили мечи соседних племён» [Там же: 89], при этом Китай в результате своего развития (как и Россия) «пересоздал завоевателей» [Там же: 108].

Особый интерес представляет отношение к Китаю Н. Данилевского, разработавшего в книге «Россия и Европа» концепцию «многолинейного» исторического развития. С его точки зрения как «российско-славянская», так и китайская цивилизации представляют особые «культурно-исторические типы», которые сыграли в мировой истории не меньшую роль, чем «романо-германский» («европейский») тип [Данилевский 2008: 88–91].

Полемизируя с традиционным «европоцентристским» подходом, согласно которому китайская цивилизация характеризуется «застоем» и «коснением» – в противовес «прогрессивной Европе», – Н. Данилевский отмечал: «В этой стране живёт около 400 миллионов народа в гражданском благоустройстве. Если бы имелись точные цифры о количестве производительности китайского труда, то перед ними, может быть, побледнели бы цифры американской и английской промышленности и торговли <...>. Многие отрасли китайской промышленности находятся до сих пор на недостижимой для европейских мануфактур степени совершенства <...>. Китайское земледелие занимает, бесспорно,

первое место на земном шаре. Китайское садоводство также едва ли не первое в свете. <...> Во многих отношениях китайская жизнь удобствами не уступает европейской, особенно если сравнить её не с настоящим временем, а хоть с первой четвертью нынешнего столетия. Порох, книгопечатание, компас, писчая бумага давно уже известны китайцам и, вероятно, даже от них занесены в Европу. Китайцы имеют громадную литературу, своеобразную философию <...>» [Там же: 90–91]. Объяснение способности цивилизации противостоять агрессивному натиску других культур автор видел в «однородности» и «плотности» её «тела», в «огромной силе противодействия», «скопленной» «в тиши и уединении» [Там же: 93].

Китайская цивилизация интересовала и Ф. Достоевского в контексте размышлений о судьбе России. Во введении к «Ряду статей о русской литературе» (1861) писатель отмечал: «Если есть на свете страна, которая была бы для других, отдалённых или сопредельных с нею стран более неизвестною, неисследованною, более всех других стран непонятою и непонятною, то эта страна есть, бесспорно, Россия для западных соседей своих. Никакой Китай, никакая Япония не могут быть покрыты такой тайной для европейской пытливости, как Россия, прежде, в настоящую минуту и даже, может быть, ещё очень долго в будущем» [Достоевский 1978: 41].

Китай интерпретировался им в качестве загадочной – как для европейцев, так и для русских – страны, жизнь в которой далека от всего привычного, окружающего русского и европейского человека. В повести «Белые ночи» Настенька рассказывает Мечтателю о своих тайных желаниях: «Я сама мечтатель! <...> Ну, вот и начнёшь мечтать, да так раздумаешься – ну, просто за китайского принца выхожу...». Иллюзорная мечта о «китайском принце» исчезает после того, как Настенька начинает читать книги «европейских» писателей («Вальтер-Скотта», Пушкина), и когда её мечты стали более реальными, она «перестала думать, как бы выйти за китайского принца» [Достоевский 1972: 111].

Различные предметные реалии, соотнесённые с Китаем, стали прочно входить в российский быт, что, естественно, отражалось и в литературе. Так, например, в романе Ф.М. Достоев-

ского «Преступление и наказание», упоминалась лестница, обставленная «редкими цветами в китайских банках»; в «Братьях Карамазовых» – лестница, которая освещена «китайским фонарём»; в романах «Идиот» и «Бесы» – «китайские вазы»; в романе «Униженные и оскорблённые» – китайские туфли; в повести «Село Степанчиково и его обитатели» – китайские кошки²³.

Размышляя о судьбе России, Ф. Достоевский сравнивал свою страну с Китаем, главным в цивилизации которого, с его точки зрения, оказывалась идея глобального «порядка», под которым подразумевалось следование традициям. В «Дневнике писателя» за 1873 г. он отмечал: «В Китае я бы отлично писал; здесь это гораздо труднее. Там всё предусмотрено и всё рассчитано на тысячу лет; здесь же всё вверх дном на тысячу лет» [Достоевский 1980: 6]. Далее следовала запись: «Пожалуй, мы тот же Китай, но только без его порядка. Мы едва лишь начинаем то, что в Китае уже оканчивается. Несомненно придём к тому же концу, но когда? Чтобы принять тысячу томов церемоний, с тем чтобы уже окончательно выиграть право ни о чём не задумываться, – нам надо прожить по крайней мере ещё тысячелетие задумчивости. И что же – никто не хочет ускорить срок, потому что никто не хочет задумываться» [Там же: 7].

Сопоставление европейской (в том числе и русской) культуры с китайской (именно в аспекте связи последней с «порядком») традиционностью, интересовало Вл. Соловьёва. В статье «Китай и Европа» (1890) он писал: «Противоположность двух культур – китайской и европейской – сводится, в сущности, к противоположению двух общих идей: *порядка*, с одной стороны, и *прогресса*, с другой. С точки зрения порядка важнее всего *прочность* социальных отношений, идея прогресса требует их идеального *совершенства*. Прочный порядок есть состояние, которое держится силой прошедшего, прогрессивное совершенствование есть деятельность, определяемая идеалом будущего.

²³ Принцип использования «китайских деталей» в качестве характеристики русской жизни в дальнейшем нередко использовался и другими русскими писателями. Например, в романе А. Белого «Петербург» (1913–1914) при создании образа города упоминаются различные «китайские» предметы. Китай упоминался в рассказах А. Чехова «Грач» (1886) и И. Бунина «Сны Чанга» (1916).

Что Китай достиг прочного порядка – это несомненно; насколько европейский прогресс ведёт к социальному совершенству – вот вопрос» [Соловьёв 1914: 147].

Все эти высказывания русских мыслителей являются яркой иллюстрацией содержания дискуссий, которые велись в российском обществе на протяжении второй трети XIX в. Такие размышления стали своеобразным «фундаментом», «контекстом», который лёг в основу «китайского текста». Возникновение в русской культуре XVIII–XIX вв. «китайского контекста» и связанного с ним «китайского текста» способствовало росту интереса к Китаю и китайской культуре, развитию у российских читателей представления об истории, природе, быте, традициях, религии и философии Китая. Всё это, в свою очередь, создало основу для формирования в русской литературе последней трети XIX в. сложного и многозначного «китайского текста».

Информация о Китае и китайской культуре входила в сознание российских читателей и создавала «китайский контекст» (процесс возникновения которого рассматривался в предыдущем разделе), что, в свою очередь, широко использовалось российскими писателями и критиками, – например, Л. Толстым, Ф. Достоевским, А. Чеховым, В. Дорошевичем, Вас. Немировичем-Данченко, Н. Гариным-Михайловским.

Однако Китай был источником не только отдельных исторических параллелей или «экзотических» ситуаций и предметов, упоминаемых в текстах художественных произведений, но и идей, сюжетов и образов произведений русской литературы.

Качественно новый этап формирования «китайского контекста» был связан с русской литературой последней трети половины XIX в. В этот период огромную роль в его развитии стали играть работы русских китаеведов – о. Палладия [Кафарова]²⁴, академика В. Васильева, И. Гашкевича²⁵, А. Татаринова²⁶,

²⁴ Архимандрит Палладий [Кафаров] (1817–1878) – священнослужитель Православной Российской церкви. Участник Двенадцатой, начальник Тринадцатой и Пятнадцатой православных миссий. Один из основоположников российской академической синологии.

²⁵ И.А. Гашкевич (1814–1875) – востоковед, лингвист, естествоиспытатель; первый дипломатический представитель России в Японии.

²⁶ А.А. Татаринов (1817–1886) – китаевед, дипломат, ботаник, врач, писатель.

М. Храповицкого²⁷, которые в 1850–1880-е гг. публиковали научные труды об истории и культуре Китая, Манчжурии, Тибета, Монголии, а также переводы китайских классических философских текстов (в том числе книг Лао-цзы, Конфуция, Мэн-цзы), произведений китайской литературы и фольклора [Способ приготовления туши 1852: 361–382; Храповицкий 1857: 1–102].

Во второй половине XIX в. особую роль в развитии «китайского контекста» русской литературы сыграла деятельность выдающегося российского синолога академика В. Васильева, труды которого в 1880-е гг. стали широко известны в среде русской интеллигенции [Васильев 1880; Васильев 1883; Васильев 1900]. В них впервые в систематизированном виде была изложена история китайской словесности [Васильев 2013], представлена информация о классических памятниках китайской культуры («Ши Цзин», «Дао Дэ Цзин», «Лунь Юй») и о традиционных китайских религиозных представлениях [Васильев 2012].

В трудах В. Васильева раскрывался сложный духовный мир представителей китайской цивилизации, анализировались история и религиозные воззрения китайцев, взаимосвязи Китая с соседними государствами. Учёный предпринял первые (для России) попытки соединения буддийского духовного опыта с системой христианских принципов, предложив использовать для этой цели понятия «спасение», «грех», «святость», «плотское», «духовное», «подвижничество» и др. В дальнейшем принцип переосмысления положений буддизма в категориях христианской культуры был развит в публицистических работах Л. Толстого.

Обобщая результаты исследования синологов своего времени, В. Васильев, в частности, отмечал: «Китай имеет все данные, чтобы достигнуть самой высшей точки умственного, промышленного и вместе политического прогресса. Его принцип глубокого уважения к науке, стремление всего народа учиться с необыкновенным напряжением, не стесняясь количеством лет, показывает, что там может вырасти нация самая образованная в свете, что она может создать учёных, которые могут не только

²⁷ М.Д. Храповицкий (1823–1860) – переводчик (с английского и маньчжурского языков), китаевед; участник Тринадцатой православной миссии. Специалист по истории Цинской династии.

разрабатывать науку сообща с остальным миром, но даже не остановятся на общем уровне» [Васильев 1883: 22].

Большое впечатление и множество откликов [Соловьёв 1914] вызвала публикация в 1888 г. книги российского синолога С. Георгиевского «Принципы жизни Китая. Культ предков, многобожие и философия» (1888), в которой были проанализированы истоки древней китайской культуры, показана жизнь китайцев, традиционная система морально-этических принципов, выраженных в конфуцианстве [Георгиевский 2011].

Книга «Принципы жизни Китая» содержала описание верований китайцев, их обычаев и обрядов, морально-этических принципов, а также детальный анализ учения Конфуция. Автор подчеркнул мысль об ограниченности позиции «европейского» взгляда на мировую историю и указал на глубокие связи китайской цивилизации с другими древнейшими культурами. Источником информации для автора послужили не только отдельные личные наблюдения и изыскания других востоковедов, но и китайские классические произведения (в том числе романы), фольклорные тексты. В качестве принципа своего исследования С. Георгиевский выделил анализ «противоположных выводов» и сопоставление «жизни китайцев с жизнью народов Запада», пытаясь при помощи такого анализа деталей понять «коренные основы жизни китайцев» [Георгиевский 1888: 17–18].

В книге «Важность изучения Китая» С. Георгиевский поставил задачу опровергнуть некоторые сформировавшиеся к концу XIX в. в русской и – шире – европейской культуре мифологизированные представления о Китае (прежде всего тезис «Китай – царство застоия»), обусловленные отсутствием знаний о подлинной, «глубинной» жизни этой страны. Само название книги прямо указывало на её цель – «склонить русскую публику серьёзно интересоваться Средним Царством, китайцами и синологией» [Георгиевский 1890: 271]» Используя два основных понятия – «китаизм» (то есть «специфику китайской культуры») и «прогресс» – автор попытался раскрыть истоки достижения китайской цивилизации в сфере духовной жизни, нравственности, экономике, политике, а также поставить политические и научные задачи, стоящие перед Россией.

Исторические события, происходившие в России и Китае на протяжении XIX и XX веков, а также сложная эволюция отношений между странами способствовали расширению интереса российских (а в дальнейшем «советских» и «постсоветских») читателей к Китаю.

Завершая размышления об истоках появления «китайского контекста» мы приходим к выводу о том, что на протяжении XIX в. в России сформировался разветвлённый «китайский контекст», который раскрывал различные аспекты истории, материальной и духовной жизни Китая. Этот контекст расширял представления российского общества о «загадочной стране», способствовал развитию постоянного интереса к её истории и культуре, а также к регулярным сопоставлениям соседнего государства с собственным.

Глава III.

ОБРАЗНОЕ ОСВОЕНИЕ ПРОСТРАНСТВА КИТАЯ В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ

Освоение и последующее «присвоение» русской культурой образа Китая – продолжительный и многоаспектный процесс. «...С цивилизационно-исторической точки зрения, Китай в культурном сознании России предстает в качестве символического, исторически изменчивого зеркала, в отражениях которого российская цивилизация на разных этапах своей культурной и интеллектуальной истории видит своё отчуждённое и отстранённое отображение и вырисовывающуюся за ним многослойную ментальную и социокультурную сущность» [Кондаков 2019].

Большую роль в формировании «китайского текста» русской литературы во второй половине XIX – начале XX в. сыграли описания путешествий (травелоги).

Особенно популярным этот жанр стал в русской литературе середины XIX в. В 1857 г. Н. Чернышевский писал по этому поводу: «После произведений поэзии путешествия везде составляют самую популярную часть литературы. По числу изданий и по отчётам публичных библиотек видно, что и в Англии, и в Германии, и во Франции рассказы о путевых впечатлениях и приключениях, о природе чужих земель и нравах народов <...> читаются с большей жадностью, нежели какие-то ни было другие книги серьёзного содержания». Эту особенность критик объяснял особой синкретичностью жанра, соединяющего в себе «элементы истории, статистики, государственных наук, естествоведения и приближаясь к так называемой лёгкой литературе» и совмещающее «в самой лёгкой форме самое богатое и заманчивое содержание» [Чернышевский 1948: 222].

Традиция русских литературных путешествий на Запад формировалась под большим влиянием «Писем русского путешественника» Н. Карамзина. Раскрывая особенности передачи авторской позиции в этом произведении, Ю. Лотман отмечал: «...Путешественник Карамзин – это путешественник с книгой в руках. Он смотрит на то, что уже знает по описаниям, и не стесняется книжных заимствований в своём произведении. Вся Ев-

ропа расстилается перед ним, как обширный сборник цитат, и он наслаждается, узнавая уже знакомое и указывая неискущённому читателю на источники этих цитат, овеществлённых в городах, замках и исторических памятниках» [Лотман 1987: 572].

Описания путешествий на Восток по своей концепции и стилистике оказались несколько иными. Они были в меньшей степени «литературными» и большей степени основывались на *личном* опыте и переживаниях автора. Такие произведения формировали у российских читателей представления о соседней стране и побуждали их размышлять о своём государстве – тем более, что многочисленные авторские отступления и сопоставления на эту тему содержались в их текстах.

Классическим произведением русской литературы середины XIX в., в котором появился развёрнутый образ Востока и, в частности, Китая, стал «географический роман» И. Гончарова «Фрегат “Паллада”» (1852–1855 гг.), опубликованный отдельным изданием в 1858 г.

Описание китайцев появлялись в трёх разделах «географического романа», посвящённых Сингапуру, Гонконгу, Шанхаю. Образ Китая создавался через систему разнообразных, нередко контрастных деталей. В разделе, посвящённом Сингапуру, путешественник изображает и принадлежащие китайцам «опиумные лавочки», и прекрасный сад в жилище китайского купца, которого автор называет «Вампоа»: «На каждом дереве и кусте лежит такая своеобразная и яркая красота, что не пройдёшь мимо его незаметно, не смешаешь одного с другим» [Гончаров 1997: 280]. Аналогичным образом обрисовывался и Гонконг: «китайский квартал», население которого проживает в жалких домишках (или вообще на лодках), противопоставляется дворцами «рыжих варваров» (то есть англичан), построенные трудами китайского населения [Там же: 285].

Писатель с большой симпатией раскрыл китайский национальный характер, указав на трудолюбие, смиренность, доброжелательность, усердие китайских людей, учтивость и честность, переплетённую с сыновней почтительностью и долгом, отсутствие у них фанатизма. Сравнивая китайцев и англичан (не в пользу последних), автор отметил следующее: «Не знаю, кто из них кого мог бы цивилизовать – не китайцы ли англичан

своею вежливостью, кротостью да умением торговать тоже» [Там же: 430].

Рассказывая о стране, И. Гончаров акцентировал внимание читателей на отношениях Китая с Западом и Россией. Эта проблема ставилась при изображении и Сингапура, и Гонконга, и особенно Шанхая. И. Гончаров попытался увидеть китайскую цивилизацию в определённой «антиномической» системе координат: Запад – Восток, «свой» – «чужой», «подвижный» – «неподвижный», «молодой» – «старый». В романе «Фрегат “Паллада”» в полной мере выявилась важнейшая особенность «китайского текста» русской литературы: для отечественных писателей и читателей «Китай» оказывался интересен не только сам по себе – не столько как экзотическое (плохо знакомое русскому читателю) *место действия*, а сколько *особый мир*, который, с одной стороны, постоянно противопоставлялся России, а с другой – во многом был похож на неё. Это был *иной*, не реализованный другими странами путь развития цивилизации, исследование которого могло многому научить народы мира и русских людей и, в частности, предостеречь их от каких-либо потенциальных (возможных в ближайшем или отдалённом будущем) опасностей.

Ю. Лотман отмечал: «Фрегат “Паллада”» Гончарова, по сути дела, концентрирует внимание не на том культурном пространстве, которое пересекает путешественник, а на восприятии путешественником этого пространства (в данном случае на подчёркнутом объективизме этого восприятия). Гончаров не просто объективно изображает пространство, пересекаемое фрегатом, совершающим кругосветное путешествие <...> – он декларирует, что интерес к разнообразию культур, открытость “чужому” есть реальная специфика русского сознания. При этом впечатление повествователя, наблюдающего чужой для него мир, пересекается с впечатлениями других людей ...» [Лотман 2002: 747]. Китайская культура интерпретирована в данном случае как пример «чужого», которое необходимо для понимания «своего», то есть как часть *контекста* русской культуры.

Вторая половина XIX в. стала временем, когда из России было отправлено много экспедиций в Северный и Западный Китай и прилегавшие к нему регионы, – Монголию и Тибет. Перед

посланцами ставились как научные, так и торговые, а также военные (учитывая противостояние России с Великобританией) цели.

В числе исследователей Китая в 1860-е гг. можно назвать синолога В. Васильева (в дальнейшем академика), состоявшего при Российской духовной миссии и написавшего «Воспоминания о Пекине» (1860), будущего революционера-анархиста П. Кропоткина, опубликовавшего книгу «Поездка из Забайкалья на Амур через Маньчжурию» (1865) [Кропоткин 1865], а также военного топографа и географа М. Венюкова, побывавшего в Китае в 1869–1870 гг., очерки которого (посвящённые преимущественно политическим, торговым и военным аспектам жизни страны) стали настольной книгой многих русских путешественников, учёных-востоковедов и дипломатов [Венюков 1874; Венюков 1877; Венюков 1952].

В последующий период путешествия в Китай совершили Н. Пржевальский (экспедиции 1867–1869, 1870, 1872–1873, 1876–1877, 1879–1881 и 1883–1886 гг.), Г. Грумм-Гржимайло (экспедиция 1884–1890 гг.), Г. Потанин и А. Потанина (экспедиция 1884–1886 и 1892–1893 гг.), В. Обручев (экспедиция 1886 и 1892–1894 гг.²⁸).

Интерес к Китаю в немалой степени был обусловлен геополитическими запросами России, вектор которых в 1870–1880-е гг. постепенно смещался на Восток. Поэтому некоторые путешественники – наряду с научными и торговыми целями – выполняли и военные задачи, занимались изучением дорог и картографированием местности. Таковыми были, например, экспедиции, организованные в 1878–1890-х гг. генерал-майором М. Певцовым, составившим «Путевые очерки Джунгарии» (1879) [Певцов 1879].

Особо можно отметить экспедицию под руководством полковника Ю. Сосновского (1874–1875), участники которой – сам Ю. Сосновский, военный топограф З. Матусовский, врач и художник П. Пясецкий – опубликовали описания путешествия. Каждый из них – кроме общих впечатлений – отразил собствен-

²⁸ В 1892–1893 гг. В.А. Обручев принимал участие в экспедиции Г.Н. Потанина в качестве геолога.

ный профессиональный аспект. Так, например, Ю. Сосновский раскрыл не только организацию китайской армии, но и некоторые особенности торговли с Китаем и религиозные настроения населения [Сосновский 1876]; З. Матусовский осуществил топографический анализ маршрута [Матусовский 1879; Матусовский 1888], а П. Пясецкий – произвёл медицинские наблюдения [Пясецкий 1876; Пясецкий 1880].

Травелогии российских путешественников были насыщены в общеевропейском социально-политическом контекстом второй половины XIX в. В 1870–1890-е гг. общество обсуждало вопрос о «цивилизующей» роли «европейской культуры», которая способствует «прогрессу» в жизни других народов. Размышления на эту тему нередко встречались и у российских исследователей.

Г. Грум-Гржимайло в статье «Дунганский партизан Данху Баян-хур» (опубликованной вскоре после завершения Азиатской экспедиции 1889–1890-х гг.), описывая руководителя восстания против китайцев, высказал типичную «европейскую» точку зрения о поведении и характере китайцев: «Умственный кругозор китайца весьма невелик. Система схоластического образования не воспитывает в нём высоких и честных идей, а скорее способствует развитию тех врождённых качеств, которые так отталкивают от него европейца – надменности и низости. <...> Китай – нация без самолюбия, без той истинной народной гордости и народного самоуважения, которые присущи, как кажется, всем цивилизованным народам земного шара. В моём воображении он представляется всегда каким-то надменным глупцом, непонимающим да и не желающим понимать ни себя, ни других, живущим преимущественно материальной стороной жизни... <...> Безмерная надменность китайца составляет несокрушимую его силу, он всех презирает... <...> Он не заботится об общественном мнении <...> он оделся в броню тщеславия и стоически все это вынесет... <...> Все нравственные принципы китайцев вообще до такой степени расходятся с нашими, что европейцу трудно быть по отношению к ним беспристрастным...» [Грум-Гржимайло 1891: 628–629]. Ход истории в XX в. показал глубокую ошибочность такого мнения.

Многие участники экспедиций в Китай обладали литературным даром, умением ярко описывать особенности природы и культуры, а также национальный характер людей. Результаты путешествий отражались в многочисленных журнальных публикациях (например, в популярном иллюстрированном журнале «Нива») и в книгах, большими тиражами издававшимися на протяжении 1870–1900-х гг.

Среди наиболее известных художественно-публицистических описаний путешествий, в которых был представлен яркий образ Китая, можно назвать «Поездку из Забайкалья на Амур через Маньчжурию» П. Кропоткина (1865) [Кропоткин 1865], «Путевые очерки Джунгарии» М. Певцова (1879) [Певцов 1879], «Описание путешествия в Западный Китай» Г. Грум-Гржимайло (1889) [Грум-Гржимайло 1896], «Хунхузы в Южно-Уссурийском крае» И. Надарова (1896) [Надаров 1896], «Китайцы и их цивилизация» И. Коростовца (1898) [Коростовец 1898], «К событиям в Китае. Об отношениях Запада и России к Востоку» Э. Ухтомского (1900) [Ухтомский 1900], «От Кяхты до Кульджи. Путешествие в Центральную Азию и Китай» и «Путевые дневники...» В. Обручева [Обручев 1900; Обручев 1901; Обручев 1940], «Верования и суеверия у китайцев. По личным наблюдениям» (1902) и «В старом Пекине. Очерки из жизни в Китае» (1904) В. Корсакова [Корсаков 1904], «У стен недвижного Китая» Д. Янчевецкого (1903) [Янчевецкий 1903], «В Китай! Путевые наброски художника» Н. Кравченко (1904) [Кравченко 1904], «В старом Китае. Дневники путешествия 1907 года» В. Алексеева (1958) [Алексеев 1958], «Китайцы на карийских промыслах» Н. Матвеева (1911) [Матвеев 1911] и некоторые другие сочинения.

Опубликованные путешественниками работы вызвали оживлённые обсуждения в периодической печати, нередко научные труды повторно появлялись уже в популярной периодике [Азия 1900]. Печатались и новые, уже «вторичные» книги, написанные другими авторами по материалам известных путешествий, героями которых становились уже сами авторы «первичных» книг (например, Н. Пржевальский). Так, в конце XIX в. появились книги о путешествиях (в том числе в Китай), адресованные подросткам, в основу которых ложились подробные,

«научные» тексты. Создателем серии таких книг была, например, популярная на рубеже веков писательница М. Лялина.

Серия книг была опубликована врачом русской дипломатической миссии в Пекине, доктором медицины В. Корсаковым (много лет прожившим в Китае) – «Пекинские события» (1901), «Пять лет в Пекине» (1902), «В старом Пекине» (1904). Автор попытался раскрыть, с одной стороны, жизнь «русской колонии», а с другой – показать разные стороны жизни китайского населения.

Приведём высказывание о специфике китайской культуры В. Корсакова (известного врача, дипломата и исследователя, неоднократно посещавшего Китай на рубеже XIX–XX вв.). В статье «Детский мир в Китае» (1901) он отмечал: «Одной мерой мерить духовную природу китайца и европейца – нельзя. Жизнь китайца тысячелетиями шла и идёт до сего дня по своему пути, совершенно не схожему с жизнью европейца. У китайца все своё: и детство, и отрочество, и старчество. У китайца – своё мышление и своё чувствование, совершенно самобытное. Чтобы понять дух китайского народа, уяснить его мышление, проникнуть в его душу, – нужно много лет прожить с ним и изучить весь его быт, долго наблюдать его жизнь» [Корсаков 1901: 217–218].

На протяжении второй половины XIX – начала XX вв. описания путешествий в Китай претерпели определённые изменения. На первом этапе в этих текстах выразилось стремление к комплексному документальному познанию исследуемой страны. В 1870–1880-е гг. стал возрастать интерес к культуре, этнографии, народной литературе и фольклору. Например, в книге Г. Потанина «Очерки северо-западной Монголии», описывающей путешествие 1876–1877 гг., – наряду с наблюдениями за природой, растительным и животным миром – содержались изображения «религиозного быта», «внешней обстановки жизни», «семейного и общественного быта» (жилищ, одежды, местных обрядов), а также тексты народных сказок и преданий [Потанин 1881, 2: 146–181]²⁹.

²⁹ Возможно, некоторые мотивы и факты, приведённые в описаниях путешествий Г. Потанина по «внутренней» и «внешней» Монголии, в дальнейшем

Г. Потанин совершал путешествия вместе со своей женой – А. Потаниной [Лаврской]. На протяжении второй половины 1870 – начала 1890-х гг. супруги осуществили четыре поездки по территории Китая (включая Монголию и Тибет).

В своих работах А. и Г. Потанины часто пересказывали мифы, сказки и предания (как религиозные, так и светские) разных народов, населявших тогдашний Китай, – монголов, тангутов, тибетцев и, конечно, самих китайцев; при этом фольклорные тексты органично переплетались с изложением хода экспедиции.

Яркие описания совместных путешествий оставила А. Потанина. Свои литературные работы (созданные преимущественно в популярном в то время жанре этнографического очерка), содержащие впечатления от увиденного, она публиковала в сибирских и центральных изданиях (в общественно-политическом журнале «Русское богатство», в популярном петербургском журнале для детей «Родник», в газетах «Русские ведомости», «Восточное обозрение» и в некоторых иных изданиях). Среди лучших её произведений можно назвать очерки «Театральные и религиозные представления в Китае» (1885), «О китайской женщине» (1887), «Китайский зверёк» (1889), «Из странствия по Урянхайской земле» (1891), «Тысяча сто вёрст в носилках» (1893) [Потанин 2014].

Её работы сыграли большую роль в формировании у русских читателей детальных представлений о Китае, об особенностях его культуры и о жизни народа. В отличие от путешественников-мужчин она могла получить доступ в семьи местных правителей и чиновников, где знакомилась с их жёнами и видела быт китайских семей. В очерках детально изображались предметы декоративно-прикладного искусства, использовавшиеся китайцами, а также женский труд (например, ткачество и вышивание).

В очерке «О китайской женщине» А. Потанина подробно описывала посещение богатой китайской семьи: «В дверях приёмной встретила меня тай-тай; это – титул, с которым обраща-

были использованы в повести Вс.Вяч. Иванова «Возвращение Будды». Персонаж этой повести Дава-Дорчжи носит имя, похожее на имя героя рассказа А. Потаниной «Дорджи, бурятский мальчик».

ются в Китае к барыням. Мы прошли с ней в комнату направо. Тай-тай была женщина лет 30, не особенно красивая, но довольно приятной наружности; конечно, белила и кармин на губах делали её несколько похожею на рисунок: в обращении барыни было много приветливости и даже радушия. Мы сели у стола в креслах, и сюда нам подали чай и к нему пирожное и фрукты; пирожное очень напомнило мне европейские печенья. Фрукты в Китае подают обыкновенно очищенные от кожи и нарезанные ломтиками. Барыня брала эти лакомства палочками, которые заменяют в Китае наши вилки, и накладывала мне на отдельное блюдо. Прислуживала нам няня и ещё другая женщина» [Потанин 2014: 364]. В этом описании, помимо тщательно отобранных бытовых наблюдений, давалась характеристика людей, – например, отмечалась «необыкновенная живость хозяйки», заинтересованность китайцев в овладении гостями их языком («...все присутствовавшие наперерыв сообщали нам китайские названия предметов, находившихся под руками, и весело смеялись нашим ошибкам в произношении» [Там же: 363]).

В очерке «Театральные и религиозные представления в Китае» рассказывалось о постановке народным театром драмы «Сан-чан-салу» («Убийца Сан-чана»). А. и Г. Потанины изображали (несколько иронически) сюжет незнакомого российскому читателю произведения: («Главные действующие лица – муж и его модная капризная жена, выданная за него по неволе и любящая другого. На сцене любезности мужа отвергались с очевидным презрением; наступившая ночь прошла в том, что жена пела жалобную арию, в то время как муж спал и с громкими зевками просыпался только при звуках...» [Потанина 1885]), воспроизводилась внешность персонажей («Лицо <...> было вымазано белым, кажется, с целью указать на её хозяйственные занятия по кухне и на возню с мукой» [Потанин 2014: 348]) и игра актёров.

В другом произведении («Тысяча сто вёрст в носилках») А. Потанина изображала празднование Нового года по китайскому лунному календарю: «С вечера вся деревенька расцвела фонарями и почти неумолкаемо оглашалась взрывами ракет; это не была детская забава: отцы семей жгли ракетки в честь богов. Всю ночь народ не спал; ночью стряпали и устраивали ужин, утром опять жгли ракетки и стреляли» [Там же: 378].

Путешественница особо отметила доброту и гостеприимство местного населения: «Хозяева дяна и наши носильщики приходили и к нам с поздравлением, причём приносили нам праздничный подарок в виде сдобного печенья, и во время своего обеда принесли и нам своих блюд, приготовленных на этот раз из мяса и очень вкусно» [Там же: 378].

Тема положения китайской женщины (в значительной степени актуальная и для России второй половины XIX в.) ставилась не только в произведениях А. и Г. Потаниных, но и в работах других исследователей, – например, в книге публициста К. Скальковского «О женщинах», один из разделов которой («Женщины в Китае») был посвящён рассмотрению статуса китайской женщины [Скальковский 1886: 362–368].

Такого рода произведения, созданные в жанре *травелога*, приближали российского читателя к далёкой стране, делали её для них близкой и понятной.

В путевых заметках писателя В. Кигна [Дедлова] «Панорама Сибири» (1897) один из разделов был посвящён пребыванию в Шанхае. Писатель отмечает двойственность города: с внешней стороны («с реки») – «город имеет внушительный и вполне европейский вид», «внутри» города «Европы оказывается не так много», а «китайская часть города <...> своей обширностью и оживлением подавляет чопорные и простые европейские кварталы», а сами китайцы «не какие-нибудь <...> уличные торгашки», а «сытые, величавые фигуры <...>, в тончайших шелках». Но всё это, с точки зрения автора, имеет и свою отрицательную сторону: чиновничество и местная знать («мандарины») существуют в рамках обычаев средневековья (что вызывает смех у окружающих – в том числе и самих китайцев), а главной фигурой становится купец: страной «управляют деньги, а это уже конец нации...» [Дедлов 1900: 225–226].

Проведя сравнение двух частей города, принадлежащих Великобритании и Франции, писатель переходит к размышлениям об особенностях российской колонизации (в сопоставлении с английской): «Каждое наше новое приобретение заставляет наше казначейство чесать в затылке: опять пойдут новые войска, новые переселенцы, новые окружные и областные чиновничьи штаты. <...> Наши “новые места” – пустопорожние. <...>

Если там и найдутся сотни, полторы каких-нибудь манегров или орочен, так и те сейчас же начинают просить ссуду на продовольствие [Там же: 228].

В 1895–1896 гг. Россия снарядила особую кругосветную «чайную экспедицию» под руководством И. Клингена³⁰, целью которой было изучение «чайного дела» и «чайных районов Азии» (Индии, Цейлона, Японии и Китая) для выявления сортов растений, пригодных для выращивания на территории Российской империи (на Кавказе), а также исследования методов возделывания культур и обработки чайного листа [Клиngen 1898]. Среди участников экспедиции И. Клингена был камергер и учёный-агроном Г. Снежков³¹ (проживший в Китае один год для изучения «чайного дела») и профессор А. Краснов³² (впоследствии издавший книгу «Из колыбели цивилизации», в которой описывалось «чайное путешествие» [Краснов 1898]).

В своей работе учёный описывал не только процесс выращивания и приготовления чая, но и быт китайских деревень, религиозные воззрения китайского крестьянства, некоторые особенности системы образования, конкретные проявления национального характера и т. п., а также затронул отдельные политические вопросы, связанные с отношениями китайцев и англичан (занимая при этом «китайскую» позицию) [Там же]. Исследователь оставил подробное описание китайской деревни Ян-Лай-Дун (羊来洞) на юге провинции Хубэй (湖北省) – в «царстве чая») и её окрестностей, в которой прожил около полутора месяцев. Предметом его интереса оказался не только процесс выращивания и обработки чая, но особенности менталитета китайцев, их обычаи и верования.

Так, например, в разделе «Письмо тринадцатое. Шесть недель в китайской деревне» [Там же: 344–371] изложена история китайской цивилизации (в кратком варианте) и представления автора о менталитете китайцев, описаны способы ведения

³⁰ И.Н. Клиngen (1851–1922) – российский ботаник, агроном, географ.

³¹ Г.Г. Снежков (1855–1941) – крупный администратор Российской империи, учёный-агроном.

³² А.Н. Краснов (1862–1915) – путешественник, учёный-ботаник, географ, почвовед, основатель Ботанического сада в Батуми.

сельского хозяйства, принципы фэн-шуй [风水], особенности архитектуры и внутреннего устройства домов, верования китайцев; при этом особо отмечены «добродушие и вежливость народа», соединённые с любопытством [Там же: 368], и делаются интересные выводы: «...Страна эта крайне разнообразна по своим порядкам и обычаям, и чтобы дать полное описание её необходимо прожить в ней целую жизнь, несколько жизней, разъезжая и сравнивая между собою обычаи различных её провинций [Там же: 361] или «...в Китае, как и в России, время не деньги» [Там же: 369].

В разделе «Письмо четырнадцатое. Учреждения китайской деревни» [Там же: 372–395] описываются разнообразные «китайские церемонии», в том числе торжественные («званные») обеды, представления о реинкарнации («...Мир живущих и мир усопших составляют единое целое, находятся в постоянном общении друг с другом» [Там же: 374–375]).

Специальное внимание уделяется и системе традиционного образования в Китае (в том числе описанию процедуры проведения экзаменов и структуры «девятичленного сочинения») и первым книгам, использующимся при обучении детей, среди которых отмечаются «Сань Цзы Цзин» [《三字经》 – «Троесловие», «Троесловный канон»] и «24 образца сыновней любви» [《二十四孝》 – «24 истории о сыновней почтительности»], рассказывает о китайских диалектах и особенностях иероглифической письменности, сообщает об уникальной роли в культуре китайского «Пятикнижия» [《五经》 – «У Цзин»] и конфуцианского «Четверокнижия» [《四书》 – «Сы Шу»], сочинений Конфуция и Менция (Мэн-цзы) [Там же: 372–395].

Из раздела «Письмо пятнадцатое. Религиозные воззрения китайского крестьянства» российские читатели узнавали о религиозных системах (буддизме и даосизме) и их взаимосвязях в сознании 1898 [Там же: 396–414].

В разделе «Письмо шестнадцатое. Среди чайных плантаций Китая» описывались не только местные пейзажи, а также процесс производства и воздвигания чая, но и национальная судебная система; помимо этого читатели могли узнать о традиционных театральных спектаклях [Там же: 415–441].

В этот же период были опубликованы очерки Н. Гарина-Михайловского «По Корее, Маньчжурии и Ляодунскому полуострову» (1899) [Гарин-Михайловский 1958]. Писатель стремился раскрыть *культуру* народов, населявших исследуемый регион (как корейцев, так и китайцев), поэтому нередко цитировал записанные им фольклорные тексты (сказки и легенды этих народов), сопоставлял их, приводил собственные размышления об особенностях национального искусства и его месте в мировой культуре.

Автор стремился понять специфику китайской музыки и увидеть её перспективы для культуры всего человечества: «...Присев на корточки, <...> капитан <...> напевает какую-то китайскую песенку. Ухо моё уже привыкло к этим песням. Много носовых и металлических звуков, как будто подражание удару медных тарелок. Много диссонансов, а заключительные аккорды все не в тон и не в такт. <...> Местами улавливается и речитативная мелодия, наподобие <...> французских шансонеток. Иногда это похоже и на вагнеровскую музыку, и уже думаешь, а вдруг слух наш будет прогрессировать именно в этом направлении и будущие поколения в этих диссонансах и нестройных воплях будут находить и мелодию, и прелесть, как это находят, очевидно, китайцы» [Там же: 315].

Сопоставления национальных культур и размышления по поводу перспектив их развития прослеживались на протяжении всего текста книги. Например, читателям предлагалось умозаключение, приписанное персонажу – «милому корейцу», «бесильный шёпот» которого автор «слышал» в своих мыслях: «...Китайцам досталось наше счастье. В своих сказках кореец облагодетельствовал и Китай, и Маньчжурию, и Японию – все богаты и счастливы за его счёт, только он беден и ничего не имеет. Но он честен, добр, трудолюбив и жизнерадостен среди своих святых гор, своих предков, могил, среди скудных нив, среди невозможных политических условий своего существования: хунхуз, китаец, его собственное правительство – гнетущее, с проклятой думой только о себе» [Там же: 320].

Н. Гарин-Михайловский пересказал восходящую к китайским текстам корейскую легенду, в которой описывался Конфуций: «Однажды Конфуций, с тремя тысячами учеников своих,

проходил по одной долине, посреди которой росло фруктовое, всё в фруктах, дерево, а по обеим сторонам дерева сидело по женщине и ели фрукты с дерева. Сидевшая на западной стороне была красива, белая с лица и стройная, сидевшая с восточной стороны была желта и не так красива...» [Там же: 476–477]. Весьма характерным оказывалось завершение легенды, в которой предлагалась интерпретация национального женского характера: «...И, сказав, женщина на глазах Конфуция поднялась в небо. А Конфуций упал на землю, и так пролежал всю ночь. И он думал. И то, что он передумал в эту ночь, на то обыкновенный смертный должен употребить тысячу жизней» [Там же: 478].

Текст легенды помогал иллюстрировать характерные для рассматриваемого периода размышления о наличии (или отсутствии) «прогресса», развития китайской цивилизации: «Так великий Конфуций ковал свой народ, пока не заковал его всего в заколдованном круге, где нет дороги вперёд, нет дороги назад, где всё стоит на месте и только в каких-то бесплодных завертывающихся над неподвижным» [Там же: 325].

Большое значение для писателя имело сопоставление китайского народа с русским. Для него было важно продемонстрировать, что китайцы не какие-то «экзотические» люди, а такие же, как и русские: «...Массу китайцев одеть в русский костюм, остричь косу, оставить расти бороду и усы, и, держу какое угодно пари, по наружному виду его не отличишь от любого русского брюнета. <...> Окончательно и бесповоротно надо отказаться от какого бы то ни было обобщённого представления типа китайца, а тем более того карикатурного, которых считают долгом изображать на своих этикетках торговцы чайных и других китайских товаров» [Там же: 319]. Писатель особо выделил экономический аспект взаимоотношения русского и китайского народов: «Может быть, через десять лет китаец будет так же необходим на Волге, как необходим он здесь, в Восточной Сибири. Это дешёвый рабочий, честный, дешёвый и толковый приказчик, прекрасный хозяин и приказчик торгового магазина... <...> Нет экономической почвы, на которой можно бороться с китайцем. <...> [Там же: 35].

Характеризуя состояние экономики российского Дальнего Востока в начале XX в., Н. Гарин-Михайловский отмечал:

«...Хозяином стал китаец. Откажись он сегодня от работ, уйди из города, – и мы погибли. <...> Вот вам и китаец. <...> Маньчжуры их били, били, а теперь от маньчжур только и осталось, что династия да несколько городских... <...> Мы вот гордимся нашей бескровной победой – взятием Порт-Артура, а не пройдёт и полувека, как с такой же бескровной победой поздравит китаец всю Сибирь и дальше...» [Там же: 92–93].

В работах, опубликованных через несколько лет после завершения основных военных действий «Альянса восьми держав» против ихэтуаней [义和团] и войск Цинской империи, больше внимания стало уделяться проблемам экономического взаимодействия России и Китая, а также описанию особенностей быта населения и национальной психологии. По сути такого типа работы следует рассматривать уже не как травелоги, а как книги о жизни в Китае, адресованные широкой аудитории. Главным в них становится не сюжет путешествия, в процессе которого открываются новые земли, встречаются новые люди, а *обобщения, результаты размышлений* об особенностях жизни в изучаемой стране. На первый план в таких книгах выступали характеристики экономики и торговли, особенности организации производства, а также другие аспекты китайского уклада жизни.

Таковы, например, книги «В Китай! Путевые наброски художника» Н. Кравченко (1904) [Кравченко 1904], «Западный застенный Китай» Н. Богоявленского [Богоявленский 1906], «1-й Нерчинский полк Забайкальского казачьего войска. 1898–1906 гг.» А. Маковкина [Маковкин 1907], «В старом Китае. Дневники путешествия 1907 года» В. Алексеева (1908) [Алексеев 1958], «Современный Китай» А. Тужилина (1910) [Тужилин 1910], очерки «Китайцы на карийских промыслах» Н. Матвеева (1911) [Матвеев 1911]. Содержание этих работ во многом предопределило образ Китая в литературе последующих периодов.

Анализ созданных на протяжении последней трети XVIII – начала XX в. популярных научных работ, травелогов и публицистических очерков показывает, что в русской культуре сформировалась традиция обращения к мотивам, образам и сюжетам, связанным с изображением *пространства* Китая и – опосредованно – с китайской *культурой* (интерес к которой постоянно возрастал).

Глава IV.
«КИТАЙСКИЙ ТЕКСТ»
РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XIX – начала XX вв.

Как мы писали в Главе II, в 1830-е гг. в русской литературе произошло выделение из общей недифференцированной в культурном плане «темы Востока» (что было характерно для искусства романтизма) особой «китайской темы», причиной чего в немалой степени стало формирование и развитие в сознании общества сначала самых общих, а в дальнейшем – вполне конкретных представлений о Китае. При этом по отношению к этой стране в русской культуре сформировалось две во многом противоположные оценочные системы.

С одной стороны, образ Китая «символизировал в России (на фоне представлений о западной цивилизации) систему утонченного политического варварства, амбициозность и произвол власти, мелкое закулисное интриганство сановников, лицемерие и карьеризм чиновничества, коварство, скрытность, мелочность политиков, борющихся между собой за жалкие и одиозные привилегии; наконец, подлость и лживость журналистов и критиков, занимающихся публичным доносительством»; с другой стороны в русской культуре было представлено «отношение к китайской цивилизации как к культурно-историческому типу, воплощающего в себе антизападные интенции, стойкость культурного сопротивления европейскому влиянию и европеизму как воплощению культурной экспансии» [Кондаков 2019: 128, 132].

Мы уже отмечали, что упоминания о Китае и соотнесённые с этой страной детали быта стали постепенно входить в русскую литературу в отдельных произведениях М. Ломоносова, А. Кантемира, А. Радищева, Г. Державина. В русской литературе XIX в. количество таких отсылок (под воздействием публикации разнообразной информации) стало постепенно возрастать. Появление на русском языке переводов «китайских» и «псевдокитайских» произведений способствовало возникновению аналогичных текстов в творчестве российских писателей. Это ознаменовало следующий этап формирования «китайского текста» русской литературы.

Выделение в русской литературе из общей «темы Востока» особой «китайской темы» произошло в 1830-е годы (причиной этого в немалой степени стало формирование и развитие в сознании общества «китайского контекста»). Среди первых произведений, которые входят в состав «китайского текста» русской литературы, можно назвать, например, роман-утопию В. Одоевского «4338-й год: Петербургские письма» (1835 г.), написанный в форме писем китайского студента Главной Пекинской школы Ипполита Цунгиева (живущего в XXIV в.), адресованных сокурсникам, из Главной школы Санкт-Петербурга. Россия и Китай представлены как два основных центра будущего мира [Одоевский 1926].

Особо следует отметить цикл ироничных «китайских» произведений известного учёного-востоковеда и писателя О. Сенковского – повести «Чин-Чун или Авторская слава» (1834) [Сенковский 1858, 2: 480–506³³], сказание «Китаец, утвердившийся на середине, или 12 жемчужин ожерелья» (1843) [Сенковский 1843], незавершённое произведение «Совершеннейшая из всех женщин, китайские дела» (1845) [Сенковский 1858, 5: 75–170], а также комедию «Фаньсу, или Плутовка горничная: Китайская комедия знаменитого Джин-Дыхуэя» (1839) [Сенковский 1839: 35–140].

Китайские повести О. Сенковского демонстрировали хорошее (для его времени) знание некоторых принципов китайской культуры и китайской философии (конфуцианской, буддийской и даосской), знакомство с древними китайскими канонами «Шу Цзин» и «Ши Цзин». То, что писатель и критик внимательно изучал информацию об этой стране, показывает его содержательная рецензия «Тибет, его жители и его история» (1833) [Сенковский 1858, 5: 380–419], написанная по следам сочинений о. Иакинфа «Описание Тибета» (1828) и «История Тибета и Хухунора» (1833), демонстрирующая скрупулёзность подхода автора к таким исследованиям и его знание ряда зарубежных работ (например, книги ‘A View of China, by Morrison’).

³³ Здесь и далее произведения О. Сенковского цитируются по изданию: *Сенковский О.И. Собрание сочинений Сенковского (Барона Брамбеуса)*. Т. 1–9. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1858–1859. В квадратных скобках указывается год издания (1858 или 1859), номер тома (2, 5 или 6) и страницы издания.

В четырёх статьях «Китай и китайцы» (1841–1849), представлявших рецензию на книгу о. Иакинфа «Китай, его жители, нравы, обычаи, просвещение» (1840) автор попытался выявить причины, как он выражался, «чудного благоустройства», сочетающегося одновременно с «баснословной слабостью» тогдашнего Китая [Сенковский 1859, 6: 348], для чего ему потребовалось проанализировать философию (идеи Конфуция, Чжуан-цзы, Мэн-цзы), историю, экономику, право, систему государственной власти, принципы образования, организацию «китайских церемоний» (при этом можно отметить, что критика китайской общественной системы косвенно касалась и России); осудил автор и стремление характеризовать явления китайской культуры европейскими терминами [Там же, 6: 344–479].

В повести О. Сенковского «Чин-Чун» оказались заложены многие особенности «китайского текста» русской литературы, которые в дальнейшем были реализованы во многих других произведениях художественной литературы XIX в. Прежде всего, это несколько отстранённая «ироническая» позиция автора, а также соответствующий подтекст, позволяющий читателю предположить, что описываемые «китайские» события содержат намёк на современные российские ситуации. Так, автор заявляет, что об описываемых событиях он якобы узнал из пекинских газет (...Я всегда читаю китайские ведомости по воскресеньям, после завтрака» [Сенковский 1858, 2: 483]), а ссылка на «китайские нравы» («китайские церемонии», «китайский счёт»), как правило, делается в тех случаях, когда на самом деле речь идёт о ситуациях, характерных прежде всего для российского общества того времени (или вообще для представителей всех европейских стран). Так, например, в произведении сообщается, что герой соединил в себе прекрасную внешность, ум и наличие денег, – и тут же делается пояснение, что деньги у китайцев «считаются первой чертою миловидности человеческого лица» [Там же].

В повести представлен типичный набор героев с условно-китайскими именами – молодой человек Чин-Чун – «природный мандарин», учёный и поэт, его прелестная возлюбленная Цянь-Цинь-Цюнь. Типичными (по крайней мере, на некоторое время) стали для «китайского текста» описания литературной деятель-

ности персонажа, весьма далёкой от реальной жизни (что в немалой степени могло относиться и к российским писателям).

В другой «китайской» повести О. Сенковского под названием «Совершеннейшая из всех женщин» эти принципы получили дальнейшее развитие. В примечании к произведению автор объяснил принципы своего подхода к описанию событий: «Повесть эта составлена из подлинных китайских характеров, событий и даже выражений: во всём рассказе нет ни одного обстоятельства, которое бы не было основано на показаниях китайских историй, романов, драм и комедий, или на свидетельстве европейских посетителей Китая» [Там же, 5: 75].

В создаваемых картинах жизни автор пытался воспроизвести некоторые особенности китайского литературного стиля. Вот как, например, описывалась главная героиня, носящая имя Бин-синь, или «Холодное сердце»: «С нежностью цветка она соединяла чистоту летнего утра; с лёгкостью ласточки – невыразимую прелесть движений ивовой ветки, колеблемой ветерком о закате солнца. Дуги бровей её напоминали очерк отдалённых холмов, рисующийся в весеннем воздухе; мягкое сияние глаз пристыжало прекраснейший полдень осенний» [Там же]. Таким образом, О. Сенковский заложил основу литературного стиля, который в культурном сознании российских читателей стал однозначно соотноситься с китайской словесностью. Для этого стиля были характерно постоянное использование гипербол (несколько преувеличенных похвал в адрес героини) и сопоставления внешности девушки с образами природы (что характерно для китайской литературы).

В повести «Совершеннейшая из всех женщин» появились и детали (мотивы) описания внешности китаянок, которые стали знаковыми чертами и часто использовались в русской словесности – маленькие ножки, длинные ногти, «тонкий стан», изящность и лёгкость героини, упоминание чёрных волос, белого и розового цвета лица, её запаха и т. п.: «Стан её был тонее [тоньше] шёлковой нити, ножки – меньше двух половинок ореха, а всё тело так прямо, так ровно, что, казалось, переломится от первых дуновений. Природный лоск её волос образовал на её голове чёрное зеркало, до того, что шарики золотых шпилек, воткнутых в косу, явственно в них отражались. Лицо, нежной

смесью белого с розовым, представляло подобие цветка яблони. Дыхание губок её, тонких, как пурпурный луч вечерний, было так упоительно, что в этом радужном, очарованном воздухе <...> дышит самая богатая роза... Зубы казались то зёрнышками града, то зёрнышками риса» <...>. Её женское сложение было нежнее волнуемого воздухом запаха ландыша, ум её развитый уединением, равнялся твёрдостью утёсам горы Хао-шань: это был ум совершенно древний. Она более походила на горного духа, чем на земное существо...» [Там же, 5: 76].

Такого рода описания, – так же, как и воспроизведение ряда условных ситуаций – совместного чаепития, творческого порыва ищущего славы юноши, изображение «китайских церемоний», постоянные ссылки на учение «мудрого Конфуция» и «великий закон отцелюбия», использование отдельных китайских слов («жинь» [жэнь] – человек), упоминание учёной степени *гунши* [цзиньши], почётных шапки и пояса *чжуан-юань* и т. д. – в последствии станут постоянными «знаками» китайского текста.

В 1840-е гг. была опубликована пьеса известного писателя-историка, критика и журналиста Н. Полевого «Комедии о войне Федосьи Сидоровны с китайцами» (1842), в которой комически изображались Китай и его жители [Полевой 2004: 127–156]. Это произведение обозначило начало дискуссии о значении опыта Китая для мировой истории и культуры, – в частности, для осмысления своеобразия исторического пути самой России. В издаваемом им журнале «Московский телеграф» (1825–1934) Н. Полевой опубликовал статьи и переводы И. Бичурина и других китаеведов, китайскую сказку «Три брата» и иные материалы.

Огромное значение для формирования «китайского текста» русской литературы сыграла деятельность Л. Толстого. Размышления о Китае и судьбе его народа интересовали русского писателя на протяжении всей его жизни. Китай привлекал духовными ценностями, высокими нравственными принципами, глубинной философской мысли и обращением к исследованию сущности человека. Добро, справедливость, мудрость, имевшие многовековую историю интерпретации в культуре Китая, стали важнейшей частью «китайского текста» русской литературы: по мнению писателя они должны были помочь решению сложнейших проблем современной цивилизации, которые предвидел писатель.

Тема «Лев Толстой и Восток» уже неоднократно изучалась исследователями. Впервые с научной точки зрения её рассмотрел известный синолог С. Георгиевский [Георгиевский 1889]. Из работ последних десятилетий можно отметить монографию А. Шифмана «Лев Толстой и Восток» [Шифман 1971], опубликованную двумя изданиями, сборники «Восток в русской литературе XVIII – начала XX века» [Восток в русской литературе 2004], «Лев Толстой и литературы Востока» [Лев Толстой и литературы Востока 2000] и «Конфуцианство и даосизм в мировоззрении Л.Н. Толстого» [Абраменко 2018].

Воздействие на творчество Л. Толстого философии, литературы и фольклора Востока изучали такие исследователи, как В. Асмус [Асмус 1961: 35–102], Д. Квитко [Квитко 1930], Э. Зайденшнур [Зайденшнур 1994]. Информация о переводах и изданиях произведений Л. Толстого в странах Востока была собрана в публикациях В. Гордлевского [Гордлевский 1961], Н. Арденса [Арденс 1962], Кима Рехо [Ким Рехо 2000], Л. Ланского [Ланский 1965].

Однако, не смотря на имеющиеся научные работы, в которых исследовались связи творчества Л. Толстого с Востоком, взаимодействие художественного опыта писателя с гуманистическими концепциями народов этого региона пока ещё раскрыто далеко не полностью, и эта тема остаётся актуальной в настоящее время. В своей работе мы рассмотрим один из аспектов данной проблемы – значение деятельности Л. Толстого для формирования «китайского текста» русской литературы.

В 1847 г. Л. Толстой, находясь в Казанском госпитале, познакомился с буддийским монахом, что побудило писателя погрузиться в постижение мудрости Будды [Басинский 2022]. Развивая некоторые идеи буддизма и анализируя идеи разных философов, писатель пришёл к выводу, что современная идеология, в основе которой находится насилие, используется для покорения господствующим классом русского крестьянства, поскольку оправдывает несправедливый общественный порядок, когда одни люди вынуждены работать за других [Толстой 1957, 28: 269³⁴].

³⁴ Здесь и далее высказывания Л. Толстого цитируются по изданию: *Толстой Л.Н.* Полное (юбилейное) собрание сочинений: в 90 т. М.: Художествен-

Л. Толстой стал первым русским писателем, который лично общался и вёл активную переписку с философами, писателями, публицистами и общественными деятелями стран Азии и Африки. Некоторые из них приезжали в Ясную Поляну, что способствовало популяризации русской литературы на Востоке. Среди посетителей были индусы (Махатма Ганди, Баба Бхарати, Гопал Четти, Таракнатх Дас), японцы (Кониси Масутаро, Сэnuma Какутаро, Токутоми Рока, Абэ Исоо), а также китайцы (Ку Хунмин и Чжан Цинтун³⁵) [Токутоми Рока 1978].

В начале 1860-х гг. Л. Толстой в статье «Прогресс и определение образования» (1862) выступил против агрессивной политики европейских государств, пытавшихся подчинить Китай: «Нам известен Китай, имеющий 200 миллионов жителей, опровергающий всю нашу теорию прогресса, и мы ни минуты не сомневаемся, что прогресс есть общий закон всего человечества, и что мы, верующие в прогресс, правы, а не верующие в него виноваты, и с пушками, и ружьями идём внушать Китайцам идею прогресса. <...> В древней Греции и Риме было более свободы и равенства, чем в новой Англии с китайской и индийской войнами, в новой Франции с двумя Бонапартами и в самой новой Америке с ожесточённой войной за право рабства» [Толстой 1936, 8: 333, 334].

В 1880-е гг. – период духовных исканий – Л. Толстой много размышлял над системой истинных нравственных ценностей, и эти размышления отразились в статье «Так что же нам делать?» [Толстой 1937, 25: 182–411], дневниках 1881–1887 гг. и в других произведениях. Писатель внимательно изучал буддизм, который представлялся ему одним из важнейших источников истины. Размышления о этом учении многократно встречаются в его дневниках. В 1885–1886 гг. Л. Толстой начал работать над жизнеописанием Будды («Сиддарта, прозванный Буддой, т. е. святым. Жизнь и учение его») [Там же, 25: 540–543]. Работу над буддийскими сюжетами он продолжил и в дальнейшем: подготовил переводы нескольких буддийских сказаний (например,

ная литература, 1928–1958. В скобках после фамилии писателя указывается год издания, номер тома и страницы.

³⁵ Современное написание их фамилий и имён – Чжан Цинтун и Гу Хунмин.

«буддийскую сказочку» Карма (1894) [Толстой 1954, 31: 47–56], представлявшую переложение текста американского автора П. Каруса), а в 1905 г. опубликовал в сборнике «Круг чтения» рассказ «Будда», в котором излагались основные нравственные заповеди учения [Толстой 1957, 41: 96–101].

Огромный интерес Л. Толстого вызвали труды древних мыслителей Китая, – прежде всего, Кун-цзы (Конфуция) [孔子], Лао-цзы [老子], Мэн-цзы [孟子] и Мо-цзы [墨子]³⁶. Изучение работ Конфуция оказалось источником, из которого писатель черпал «духовную силу» [Шохор-Троцкий 1920: 187–201]. В своём дневнике 30 марта (11 апреля) 1884 г. Л. Толстой сделал запись: «Читал Конф[уция]. Надо сделать это общим достоянием» [Толстой, 1952, 49: 75]. В конце февраля 1884 г. в письме, адресованном В.Г. Черткову, писатель отмечал: «Я сижу дома <...> и читаю Конфуция второй день. Трудно представить себе, что это за необычайная нравственная высота. Наслаждаешься, видя, как это учение иногда достигает высот христ[ианского учения] [Толстой 1935, 85: 30].

В том же году, используя имевшиеся в его распоряжении переводы произведений Конфуция, выполненные европейскими специалистами (хороших российских переводов Конфуция и других китайских мыслителей в то время практически не существовало), Л. Толстой работал над популярными статьями о китайских религиозно-философских учениях – «Книги Конфуцы», «Великое учение» и «Книга пути и истины, написанная китайским мудрецом Лаоцы» [Толстой 1937, 25: 532–535]. В наброске незавершённой статьи «Великое учение», в котором кратко пересказаны положения книги «Да Сюэ» («大学» – «Великое учение»), писатель выделил наиболее важные для него идеи китайского мыслителя – раскрыть «свет разума», понять «начала» и «последствия» действий, необходимость любви к людям, а также идею самосовершенствования [Там же, 25: 533–534].

³⁶ В трудах писателя встречается разное написание имён китайских мыслителей: Лао-гзе, Лаотзе, Лаоцы, Лаотце, Лао-си, Лаодци, Лао-Дзи, Лаодзи (Лао-цзы); Менций, Менце, Менгзе, Мен-Дзе, Мендзе (Мэн-цзы); Ми-Ти (Мо Ди, Мо-цзы) и др. – А.К.

Учениями Конфуция и Лао-цзы Л. Толстой продолжал интересоваться и в 1890–1900-е гг., о чём свидетельствуют пометки на страницах книг с переводами сочинений китайских мыслителей, а также записи в дневниках и переписка с П. Буланже, Е. Поповым, В. Стасовым, В. Чертковым и другими корреспондентами. Размышление над этими философскими трудами отвечали внутренней потребности писателя – разработать принципы «единой» религии, которая бы впитала универсальные нравственные ценности всех народов. Поэтому не случайно то, что пророк Моисей, Христос, Будда, Конфуций и Лао-цзы постоянно упоминались рядом, в одном контексте.

В трактате «Царство Божие внутри нас» (1890–1893) Л. Толстой, критикуя «метафизику лицемерия», отмечал: «...Либеральная наука доказывает, рядом с признанием равенства, братства, свободы людей <...> необходимость войска, казней, таможен, цензуры <...> необходимости и справедливости колонизации, основанной на отравлении, ограблении и уничтожении целых пород людей, называемых дикими, и т. п.» [Толстой 1957, 28: 270]. По мнению писателя главное в учении всех основателей религий (Конфуция, Лао-цзы, Будды, Христа) – «исповедовать в жизни ту истину, которая открылась тебе, и вследствие этого неизбежно быть вынужденным осуществлять её в жизни...» [Толстой 1958, 28: 265].

Писатель размышлял о создании новых «народных рассказов» и популярных книжек, посвящённых Конфуцию и Лао-цзы. Изречения Конфуция и некоторых иных китайских мыслителей были включены писателем в сборники «Мысли мудрых людей на каждый день» (1886, 1903–1909) [Толстой 1956, 40: 67–216], «Круг чтения» (1904–1908) [Толстой 1957, 41; Толстой 1957, 42], «На каждый день» (1906–1910) [Толстой 1929, 43; Толстой 1932, 44]. В 1903 г. писатель-публицист П. Буланже опубликовал в своём переводе книгу «Жизнь и учение Конфуция» [Буланже 1903], в которой имелось предисловие «Изложение китайского учения», составленное автором издания на материале черновиков Л. Толстого [Толстой 1937, 25: 885].

Свидетельством того, насколько глубоко великий российский писатель интересовался древними китайскими философиями, может служить тот факт, что Л. Толстым был составлен спи-

сок из одиннадцати книг, которые произвели на него наибольшее впечатление. В этот перечень были включены сочинения Конфуция и Лао-цзы и Мэн-цзы. Книги были распределены по степени полученного писателем от их чтения впечатления («большое», «очень большое» и «огромное»); при этом наивысшей степенью («огромное») был отмечен Лао-цзы, с трудами которого он познакомился в период перелома в мировоззрении и исканий смысла жизни: «Дао был близок его умонастроению. Ему нравился и стиль мышления китайского философа, его объёмный лаконизм, отрывочность и кажущееся внешнее противоречие его суждений, – суждений, которые стимулируют мыслительную работу читателя...» [Восток в русской литературе... 2004: 88]. В дневнике 15 (27) марта 1884 г. Л. Толстой сделал запись: «Моё хорошее нравственное состояние я приписываю чтению Конфуция и – главное – Лаоцзы» [Толстой 1952, 49: 68].

Писателю «нравился стиль мышления Лаоцзы, его лаконизм и кажущаяся внешняя противоречивость суждений, которые максимально стимулирует мысль читателя, “направляя его ум, – как говорил Л. Толстой, – в сторону дальнейших выводов и неожиданных заключений”» [Восток в русской литературе... 2004: 88]. Д. Маковицкий в дневнике за август 1907 г. приводит слова Л. Толстого, произнесённые им при получении книги «Дао Дэ Цзин» (в переводе на английский язык): «Это удивительная книга. Я теперь настолько стар, что не конфужусь. Я просто её буду переводить (с английского, французского, немецкого), хотя это будет далеко от (подлинного) текста. Я было хотел начинать учиться по-китайски, потому что я так молод. По этой книге можно по-китайски выучиться». И далее: «Чувствуешь что-то великое» [Маковицкий 1979, 2: 480]. В дневниковой записи от 5 мая 1909 г. сам Л. Толстой отметил: «Госкливое состояние – недовольство – очевидно, внутреннее <...>. Очень значительно было для меня чтение Лаотце. Даже как раз гадкое чувство, прямо противоположное Лаотце: гордость, желание быть Лаотце. А он как хорошо говорит: высшее духовное состояние всегда соединяется с самым полным смирением» [Толстой 1952, 57: 57].

Не случайным является то, что писатель дважды принимался за перевод трактата «Дао Дэ Цзин» – в 1893 г. (вместе со сво-

им другом и последователем Е.И. Поповым) и в 1894–1895 гг. (совместно с японским русистом и переводчиком Кониси Масутаро). В статье «Учение Лао-тзе» (к которой были приложены «Изречения Лао-тзе» [Толстой 1956, 40: 352–362]) писатель выделил главное, с его точки зрения, содержание учения – «научиться жить не для тела, а для духа», основное понятие *дао* («путь») – интерпретировал как способ перехода «от жизни тела к жизни духа» [Толстой 1956, 40: 350–351]. Аналогичная мысль писателя приводится в воспоминаниях Д. Маковицкого: «Тао есть сознание полного единства с Богом» [Маковицкий 1979, 2: 480].

Более подробно собственное понимание даосизма и его важнейшего принципа «у-вэй» [无为] (обычно это слово переводится как «недеяние») писатель изложил в статье «Неделание» (1893): «Сущность учения Лаодзи состоит в том, что высшее благо как отдельных людей, так в особенности и совокупности людей, народов может быть приобретено через познание «Тао» – слово, которое переводится «путём, добродетелью, истиной», познание же «Тао» может быть приобретено только через неделание... Все бедствия людей <...> происходят не столько от того, что они не сделали того, что нужно, сколько от того, что они делают то, чего не нужно делать. И потому люди избавились бы от всех бедствий личных и в особенности общественных, <...> если бы они соблюдали неделание... [Толстой 1954, 29 185].

Л. Толстой уделял внимание и двум другим выдающимся философам Древнего Китая – Мэн-цзы и Мо-цзы. В работах Мэн-цзы писателя привлекала идеи милосердия и ненависти к злу, – то есть то, что, по его мнению, сближало нравственные ценности китайцев с христианством. Однако особенно близки Толстому стали мысли Мо-цзы (в сочинениях он именуется Мо-Ти). В этом учении русского писателя больше всего заинтересовали принципы всеобщей любви и нравственного самосовершенствования, а также размышления об «основе» природы человека, которая выражена в четырёх «началах»: «мудрости» [尚贤], «гуманности» [兼爱], «экономности» [节用] и «покорности» [非攻]³⁷.

³⁷ В 1910 г. П. Буланже издал брошюру с изложением основных взглядов Мо-цзы, подготовленную под редакцией Л. Толстого [Буланже 1910].

В сборнике «Путь жизни» (1910) Л. Толстой сделал запись: «Ми-Ти учил тому, что надо людям внушать уважение не к силе, не к богатству, не к власти, не к храбрости, а только к любви. <...> ...Надо воспитывать их так, чтобы они выше всего считали любовь и в жизни своей заботились бы о том, чтобы приучить себя к любви к людям <...>. Ми-Ти не послушали. Ученик Конфуция Мендзе спорил с Ми-Ти и говорил, что нельзя жить одной любовью. И китайцы послушали Мендзе. Прошло 500 лет после этого, и Христос учил людей тому же, чему учил Ми-Ти, но еще лучше, сильнее и понятнее, чем Ми-Ти» [Толстой 1956, 45: 85].

По мнению Л. Толстого труды китайских мыслителей представляют для русского человека «путеводитель», в котором гармонично сочетается понимание важности и «своего», и «чужого», а в процессе его чтения рождаются духовные ценности, влияющие на ход исторического развития и показывающие людям истинный путь.

В знаменитом «Письме к китайцу»³⁸ (1906) Л. Толстой сформулировал миссию России и восточных народов (то есть тех стран, которые не совсем «увязли в сетях разврата европейской цивилизации») – совместное обретение истины, «чтобы указать народам тот истинный путь к свободе, для выражения которой <...> на китайском языке нет другого слова, кроме Тао, пути, то есть деятельности, сообразной с вечным основным законом жизни человеческой» [Толстой 1936, 36: 292], потерянной западной цивилизацией. Залогом такого развития китайского народа русский писатель и мыслитель видел в сохранение традиционной культуры, в концентрированном виде выраженной в религии: «Только бы продолжали китайские люди жить так, как они жили прежде, мирной, трудолюбивой, земледельческой жизнью, следуя в поведении основам своих трёх религий: конфуцианству, таосизму, буддизму, сходящимся всем трём в своих основах к освобождению от всякой человеческой власти (конфуцианству), неделания другому, чего не хочешь чтобы тебе делали (таосизму), самоотречения и смирения и любви ко всем

³⁸ «Письмо к китайцу» (1906) было ответом Л. Толстого на послание китайского публициста Гу Хунмина. Письмо хранится в Национальном музее КНР.

людям и ко всем существам (буддизму), и сами собой исчезнут все те бедствия, от которых 1936 [Там же, 36: 299].

Писатель был убеждён в том, что историческое развитие России и Китая близко в духовном плане, что явствует из его ответа на письмо другого китайского публициста – Чжан Цин-туна³⁹ (4 декабря 1905 г.): «Вполне согласен с вами, что есть внутренняя, духовная связь между двумя великими народами, русским и китайским, и им надо идти рука об руку» – для того, чтобы вырабатывать «новые формы общественной жизни...» [Толстой 1956, 76: 63].

В 1900 г., в период интервенции Альянса восьми держав в Китай с целью подавления национально-освободительного движения ихэтуаней – «отрядов гармонии и справедливости» (или, как их чаще называли тогда, «боксёров») Л. Толстой готовил «Обращение к китайскому народу», в котором выразил сочувствие к «незаслуженным страданиям» китайского народа и опасение, что это вторжение в конечном итоге может привести к утрате национальных духовных ценностей: «...вы отстанете от мудрых учений своих руководителей, великого Конфуция, учащего истинной добродетели и средствам достижения её внутренними усилиями, и незаметно для самих себя лишитесь своих добродетелей – трудолюбия, миролюбия, уважения, и подпадёте под ту же ужасную власть, влезающую в сокровеннейшие изгибы души человека, под которой гибнет и чахнет теперешнее европейское человечество» [Толстой 1952, 34: 339, 342]. Аналогичная мысль выражалась писателем и в статье «Не убий» (1900) [Толстой 1954, 31: 200–205].

Большую часть своей жизни Л. Толстой активно изучал мудрость народов Востока, позволявшую совершенствоваться и развиваться духовно. В упомянутом выше «Письме к китайцу» Л. Толстой отмечал: «Жизнь китайского народа всегда в высшей степени интересовала меня, и я старался знакомиться с тем, что из китайской жизни было доступно мне, преимущественно с китайской религиозной мудростью – книгами Конфуция, Ментзе, Лаотзе и комментариями на них. Читал тоже и о китайском буд-

³⁹ В соответствии с правилами, принятыми в начале XX в., Л. Толстой именовал его Чжан Цин-туном.

дизме, и книги европейцев о Китае. <... Общее настроение китайского народа особенно живо интересовало и интересует меня» [Толстой 1936, 36: 290].

Понять значение культуры Востока для творчества Л. Толстого невозможно без комплексного осмысления «диалога культур» и воздействия на творчество русского классика и обратного воздействия его произведений на литературу и культуру восточных стран в контексте взаимоотношений между Россией, Европой и Азией (и в первую очередь – с Китаем).

Жизненная философия российского писателя оказалась близка по духу народу Китая и представлениям китайской интеллигенции, что может объяснить влияние его идей на общественную мысль и художественную культуру Востока: «...Воздействие Толстого на Азию окажется, быть может, более значительным для её истории, чем воздействие его на Европу. Он был первой стезёй духа, которая связала всех членов старого материка от Запада до Востока», – отмечал французский писатель Р. Роллан [Роллан 1958, 14: 328].

Обращение к китайской культуре и её классическим текстам для Л. Толстого оказалось своеобразным способом проверки важных для русского писателя гуманистических ценностей. Изучая китайские тексты, великий писатель осуществлял своеобразный перевод традиционных китайских представлений (буддийских, конфуцианских, даосских) в утверждаемую им систему «общехристианских» (или даже «общерелигиозных») ценностей и соответствующих категорий. Его размышления о судьбе китайского народа и о китайской культуре, с одной стороны, формировали определённый *контекст*, способствовавший восприятию российским обществом событий, происходящих в России и вокруг неё на протяжении последней трети XIX в., а, с другой стороны, сами становились частью «китайского текста» русской литературы.

Высказывания Л. Толстого о Конфуции, Мо-цзы, Лао-цзы помогают понять, над чем размышляли его современники – люди второй половины XIX в., – как и то, какое место стал занимать Китай в сознании образованной публики. Аналогичные тенденции прослеживаются в творчестве других писателей, создававших свои произведения в разных литературных жанрах.

Особенно много материалов о Дальнем Востоке (в том числе о Китае) стало публиковаться в 1890-е и 1900-е гг. Для этого было несколько причин.

Во-первых, интерес русской читающей публики к восточным странам вырос после кругосветного путешествия на крейсере «Память Азова», совершённого наследником российского престола – будущим Царём Николаем II, отдельные эпизоды которого были воспроизведены в книге князя Э. Ухтомского – востоковеда, а также дипломата (известного своей «востокофильской» ориентацией), поэта и переводчика – «Путешествие Государя Императора Николая II на Восток (в 1890–1891)» [Ухтомский 1897]⁴⁰.

Во-вторых, мощным стимулом для публикации исследований о Китае (в частности, к его северо-восточной части – Маньчжурии) стало принятие решения о строительстве КВЖД (1896 г.). Грандиозный по замыслу проект втягивал в свою сферу большое количество людей – чиновников, дипломатов, военных, инженеров, служащих, предпринимателей-промышленников, а также огромное количество людей прямо или косвенно принимавших участие в строительстве или обсуждении его последствий для Российской империи. Во время постройки этой части транссибирской магистрали большое количество рабочих, мелких служащих и инженеров, работавших на территории Китая, могли познакомиться с Маньчжурией и её обитателями. В российской «полосе отчуждения» КВЖД предполагалось разместить небольшие совместные предприятия и фабрики, наладить промыслы и разработку полезных ископаемых, а это привлекало в Маньчжурию российских промышленников и купеческое сословие. После начала строительства городов Дальний (Далиенвань, Далянь) [大连] и Порт-Артур большое количество офицеров и простых солдат регулярных войск также имели возможность познакомиться с жителями Китая.

В-третьих, важным фактором, способствовавшим очередному всплеску интереса к Китаю, стало участие России в «Альянсе восьми держав» (1900), направленном против восстания

⁴⁰ См. книгу Э.Э. Ухтомского «К событиям в Китае. Об отношениях Запада и России к Востоку» (1900) [Ухтомский 1900].

ихэтуаней (1899–1901), выступивших против иностранного влияния (в России эти события именовали «Китайским походом»). В результате войны Россия получила возможность завершить строительство КВЖД и право на аренду Ляодунского полуострова, где вскоре разместились новые «русские города» Порт-Артур и Дальний.

В печати стали постоянно появляться статьи военных корреспондентов, – например, «В действующей армии. Письма военного корреспондента» Н. Гейнце (1904) [Гейнце 1904] или «1-й Нерчинский полк Забайкальского казачьего войска. 1898–1906 гг. Исторический очерк» А. Маковкина (1907) [Маковкин 1907]. Особенно много подобных текстов публиковалось в период русско-японской войны (протекавшей, по сути, на китайской территории) и после её завершения, когда многие русские люди осознали, что ситуация на Дальнем Востоке принципиально важна для страны и имеет далеко идущие последствия.

В изображении военных событий приняли участие некоторые известные писатели, – например, Вас. Немирович-Данченко, создавший цикл очерков, посвящённых прошедшим событиям («На войну», «В Маньчжурии: картинки и сценки из войны с Японией», «В царстве Жёлтого Дракона») [Немирович-Данченко 1904; Немирович-Данченко 1907А; Немирович-Данченко 1916], А. Амфитеатров и В. Дорошевич («Китайский вопрос») [Амфитеатров 1901], Д. Янчевецкий («У стен недвижимого Китая») [Янчевецкий 1903].

В отличие от произведений, опубликованных военными журналистами, содержавших преимущественно описание боевых действий (хотя и в них нередко изображалась жизнь китайского народа), в произведениях А. Амфитеатрова, В. Дорошевича, Вас. Немировича-Данченко ставились *геополитические* проблемы, касающиеся роли России на Востоке, отношений с союзниками (англичанами, французами, японцами и др.), размышления об общей природе войны и мира, а также выражалось сочувствие китайскому населению.

В. Дорошевич активно выступал против вмешательства России во внутренние дела Китая, – в частности, подавлении восстания ихэтуаней. В одном из фельетонов, опубликованных в книге «Китайский вопрос» (1901), соавтором которой был

А. Амфитеатров, – В. Дорошевич назвал их выступление «криком страшной, невыносимой боли, которую причиняет Европа, вонзаясь в Китай грязными когтями эксплуатации», поскольку «иностранцы пользуются <...> нищетой <...> невежеством, пороками» китайского населения, в результате чего «китайские патриоты возмутились иностранцами и, не видя защиты со стороны властей <...>, восстали против мандаринов» [Амфитеатров 1901: 14–19].

Близкую мысль, характеризую отношения России и Китая, высказал А. Амфитеатров в очерке «Китайская гроза: после боя при Дагу», опубликованном в той же книге: «Китай нас не ненавидит. Мы не ненавидим Китая. Он для нас может и должен стать источником бесконечных выгод. Ради них Россия совершила ряд великих культурных подвигов, начиная с сооружения Сибирской железной дороги. Ничего решительно против выгод этих Китай не имеет, ибо они взаимны. Мы для Китая – огромный орган, чрез который его могучая древняя цивилизация вступает в мирные компромиссы с новой европейскою цивилизациою и понемногу приобщается к ней. Всякое европейское вмешательство, приходящее в Китай с моря, Небесной империи ненавистно. Она не хочет знать соседей через солёную воду, ни прав их на общение с нею» [Там же: 24].

Для писателя и журналиста Вас. Немировича-Данченко главным было описание картин жизни русской армии (цикл создавался в период русско-японской войны), при этом его внимание привлекал и особый гуманизм местного населения.

Приведём фрагмент из очерка «Кумирня», помещённого в начале цикла, который служил своеобразным «камертоном» последующего повествования:

«Эта кумирня хранит трогательные воспоминания. Её ламы подобрали русских раненых, сами перенесли их сюда и тщательно ухаживали за ними. Двое умерло, – их могила в углу. Один выжил, и теперь мне рассказал эту трогательную быль.

– Мать так не может заботиться! Умирать буду, – не забыть мне этих монахов. Выходили; лошадь дали, чтобы я к своим мог добраться. Тихие люди, Бога знают и любят Его... По заповедям живут. Я в их кумирне как-то молюсь, а потом и спрашиваю: не обидно ли им, потому что я чужой веры. Ну, они мне на это: ве-

ры разные, а Господин неба один. Всё равно, что языки, – одно и то же они называют разню, каждый по-своему, а роза всё-таки остаётся розой.

После этого рассказа громадный дракон и адские собаки показали мне вовсе не такими страшными. И внутренней стеной огородившись от чудовища, монахи не загородили сердце от людской беды и чужого горя» [Немирович-Данченко 1907А: 15–16].

В книгу Вас. Немировича-Данченко «Вечная память!» были включены очерки и рассказы, посвящённые различным событиям, связанным с «освободительным движением» разных народов. Среди них – несколько произведений, описывающих Китай, – «Хунхуз Ваинпо», «Две казни», «Один и тот же», в которых, с одной стороны, показывается огромное терпение и сила воли отдельных представителей китайского народа, а с другой – утверждается мысль о неизбежном «воскрешении» китайской нации. В очерке «Почему жёлтые ненавидят белых» делаются обобщающие выводы о будущем народов Азии (в сопоставлении с Европой): «Ни для кого не тайна, что вселенскому вампиру – старой Европе, основавшей мещанское благополучие на мироедстве, – скоро придется держать страшный ответ перед народами, или уже усвоившими последние слова нашей военной науки...» [Немирович-Данченко 1907Б: 136].

Одно из лучших произведений о «Китайском походе» – книга молодого писателя и журналиста Д. Янчевецкого «У стен недвижимого Китая» (1903), написанная в форме дневниковых записей «на театре военных действий»⁴¹.

Д. Янчевецкий был военным корреспондентом газеты «Новый Край», которая издавалась в Порт-Артуре, и оказался очевидцем штурма фортов Дагу («Таку») [大沽炮台], служащих «ключом» к стране и её столице, а также взятия Тяньцзиня и Пекина. Книга имела огромный успех у европейских читателей, а её автор был избран членом Французской литературной академии.

⁴¹ Полное название книги: «У стен недвижимого Китая: Дневник корреспондента “Нового Края” на театре военных действий в Китае в 1900 году».

В книге Д. Янчевецкого прослеживалось стремление автора разобраться в причинах происходящих событий, ярко выраженным сочувствием к судьбе китайского народа и размышлениями о взаимных отношениях двух стран и их будущем: «Ввиду выживания и дряхлости Маньчжурской династии, её шаткости и той непопулярности, которой она пользуется в китайском народе, в виду даже возможного её падения, – русской политике в Китае предстоит ныне весьма серьёзное дело: зорко наблюдать за народными волнениями <...> и заблаговременно выработать определённый план действий – на благо Китайского народа и в интересах России» [Янчевецкий 1903: 504]⁴².

События этой войны и описание её последствий отразились и в других книгах, опубликованных в начале 1900-х гг., авторами которых были преимущественно участники событий – А. Полторацкий, К. Кушаков, Ю. Елец, А. Верещагин. В их числе можно отметить теоретический труд «Общество Ихэтуань», написанный профессором Владивостокского института восточных языков А. Рудаковым, ставший первым научным исследованием движения ихэтуаней. Эти работы ставили целью раскрыть для массовых российских читателей Китай и показать его перспективы.

А. Верещагин в предисловии «Несколько слов о Китае и китайцах» к книге очерков «В Китае» (1903) писал о грядущей судьбе этой страны: «И как только подумаешь, что он процветал ещё тогда, когда о России помину не было, когда ни одного ев-

⁴² Д. Янчевецкий был братом известного писателя советской эпохи В. Яна [Янчевецкого] – автора исторической трилогии о нашествии монголов («Чингизхан», «Батый», «К “последнему морю”»). Текст книги Д. Янчевецкого был использован в романе М. Шишкина «Письмовник» (2010), в основе которого положен сюжет переписки героини по имени Саша и героя по имени Володя, которые живут в разном пространстве и времени: «он» – участник «русского похода» 1900 г. в Китае, в итоге погибший в этой войне (в тексте его писем цитируются фрагменты «дневника» Д. Янчевецкого); «она» – девушка «советской эпохи», живущая предположительно в 1960–1970-е гг. Для М. Шишкина война в Китае становится символом всех последующих войн XX в., а общение влюблённых через временную и пространственную дистанцию – символом настоящего понимания, для которого не существует преград. См.: *Клот Л.* Михаил Шишкин и роман в письмах влюбленных. Интервью с Михаилом Шишкиным // Наша газета. 2010. 3 ноября.

ропейского государства не существовало, что в дебрях его находили убежище вавилоняне от погрома Навуходоносора, так даже страшно становится. Невольно задаёшь себе вопрос: ну, теперь в Китае полмиллиарда народу. Пройдёт немного времени, в нём будет миллиард. Между тем мы же, европейцы, стараемся устроить к нему всевозможные пути сообщения и железные дороги. Да ведь не мы, а он заполонит нас...» [Янчевецкий 2013: 342].

Интерес к Китаю и особенно Маньчжурии не уменьшился и после завершения русско-японской войны (1904–1905), которая породила большое количество новых произведений о событиях на Дальнем Востоке, основанных на документах, журналистских публикациях, дневниковых записях и воспоминаниях [Верёвкин 1905; Любич-Кошуров 1905; Шумков 1905; Фон-Ланг 1913]; при этом описания чаще основывались на личном опыте авторов⁴³. Появлялись произведения о русско-японской войне, адресованные детской аудитории (например, рассказ И. Любича-Кошурова «Егоркин хунхуз» [Любич-Кошуров 1904]).

Следует иметь в виду, что в первое десятилетие XX в. публикации о Китае адресовались не только сравнительно небольшой аудитории востоковедов, путешественников, учёных-географов и деятелей культуры, изучающих Восток, а постоянно расширяющемуся кругу образованных людей, интересующихся событиями, связанными со своей страной и странами-соседями. Информация о Маньчжурии, ходе строительства КВЖД и города Харбина стала печататься в отдельных книгах, журналах и во многих газетах. В этих публикациях основной акцент делался уже не на описании китайского «пространства», «природы» страны, а на особенностях национальной психологии, экономики, истории и культуры.

⁴³ В 1858–1860 гг., после заключения Айгунского, Тяньцзиньского и Пекинского русско-китайских договоров, на Дальний Восток были направлены забайкальские казачьи войска с целью последующей колонизации ими новых территорий. В 1890-е гг. в связи со строительством Транссибирской магистрали («Великой Сибирской дороги»), в соответствии с экономической политикой, проводимой С. Витте и П. Столыпиным, этот регион должны были заселить крестьяне-переселенцы из Центральной России. См.: *Титаренко А. С.* Представления о Китае в русском народном сознании (вторая половина XIX – начало XX в.) [Титаренко 2014].

Среди изданий, затрагивающих экономические и политические аспекты взаимодействия с Китаем, появлялись книги, создатели которых скептически рассматривали действия российского правительства. Автор работы «Что такое Китайская Восточная ж. д. и куда идут её миллионы?», выступивший под псевдонимом «Ст. Харбинский», например, ставил под сомнение потребность «брать у русского народа» огромные деньги, необходимые для завершения строительства и эксплуатации КВЖД, и предлагал сократить затраты, поставив их под народный контроль, а в дальнейшем заняться её скорейшей ликвидации «путём ли продажи, путём ли передачи в аренду» [Харбинский 1908: 131–132].

Большой труд, *системно* описывающий Китай и его культуру, социальную систему, внутренние проблемы страны, её образование, религию, экономику и торговлю, а также место этой страны в мире и отношение к ней со стороны других стран, написал авторитетный российский дипломат и востоковед И. Коростовец⁴⁴. Его книга «Китайцы и их цивилизация», вышедшая двумя изданиями, – в 1896 и 1898 гг. [Коростовец 1898], – была обращена к широкому российскому читателю и содержала множество сведений о стране: её истории, религии и мифологии, государственном устройстве, науке, образовании, финансах, промышленности и торговле, сельском хозяйстве, архитектуре, театре и музыке, календаре, организации семейной жизни, бытовом укладе жизни населения, современном политическом положении страны и об отношениях с другими народами.

Среди других изданий, затрагивающие разные аспекты внутренней жизни Китая, которые были опубликованы в этот же период, можно назвать книги «Хунхузы в Южно-Уссурийском крае» И. Надарова (1896) [Надаров 1896]⁴⁵ и «Наши азиатские соседи китайцы» В. Маракуева (1896) [Маракуев 1896].

В 1900–1910-е гг. в России публиковались не только описания путешествий в Китай и основанные на документах или лич-

⁴⁴ И.Я. Коростовец (1862–1933) – известный российский дипломат, работавший в Китае, Монголии и Персии.

⁴⁵ Можно отметить, что именно в этот период в русскую публицистику прочно вошли образы хунхузов и тема «хунхузничества».

ных впечатлениях статьи о событиях, происходивших в этой стране. Стали регулярно издаваться художественные произведения, созданные в разных жанрах.

В. Дорошевич обратился к жанру *литературной сказки*, который был особенно популярным в 1870–1890-е гг. (этот жанр привлекал М. Салтыкова-Щедрина, Д. Мамина-Сибиряка, В. Гаршина и некоторых других писателей. Условные (в том числе весьма «экзотические») персонажи и сюжеты (заимствованные из фольклора или зарубежной литературы) позволяли аллегорически выражать актуальные для российского общества идеи. В качестве материала для создания аллегорий в конце XIX – начале XX в. писатели нередко использовали образы, соотносённые в сознании читателей с Китаем⁴⁶.

Именно к таким образам и сюжетам обратился В. Дорошевич в цикле «Сто золотых китайских сказок»). В 1897 г. писатель, направляясь на остров Сахалин, посетил некоторые города Китая, что пробудило у него большой интерес к культуре этой страны, а впечатления, полученные во время поездки, были использованы в его произведениях (например, при описании чаепития, китайского театра теней, опиумных курилен, фигурок «миленьких китайнок», похожих на «фарфоровые статуэтки» и т. п.). Сюжет путешествия был положен в основу некоторых из его «китайских» сказок (сказка «Добрый Богдыхан») [Дорошевич 1902: 112–117]).

Писатель не стремился воспроизводить какие-либо конкретные реалии жизни Китая, эпизоды из истории страны, сюжеты, заимствованные из литературы (от «китайской» традиции сохраняется только нравственный пафос, назидательность текстов); условно-китайскими являлись имена персонажей и их поступки. В сказках создавался обобщённый образ Востока (имеющего отдельные черты Индии, Китая, Японии, арабских стран)

⁴⁶ В эту традицию полностью укладываются и стихотворения А. Толстого «Сидит под балдахинном...» (1869): «Сидит под балдахинном / Китаец Цу-Кин-Цын / И молвит мандаринам: / “Я главный мандарин! // Велел владыко края / Мне ваш спросить совет: / Зачем у нас в Китае / Досель порядка нет?”», в котором имеется в виду не Китай, а Россия того времени.

как места, где живут разные люди, страдающие от несправедливого общественного устройства.

Одна из важнейших проблем, поставленных В. Дорошевичем в «китайских сказках» [Дорошевич 2019], – непреодолимая пропасть между народом и властью. В сказке «Первая прогулка богдыхана» правитель страны (в XIX в. в России китайских императоров именовали «богдыханами») Сан-Ян-Ки (имена китайским персонажам давались условные, не похожие на реальные китайские фамилии и имена), притворившись умершим, первый раз в жизни отправляется на прогулку по улицам Пекина, чтобы узнать правду о жизни в стране, которую тщательно скрывает его окружение. Другой персонаж сказки – «богдыхан» Юн-Хо-Зан («Приключения Юн-Хо-Зана»), странствующий по своей стране, приходит к выводу, что его власть держится только на насилии, страхе и несправедливости, а местная власть, используя его имя, тиранит население. Близкие идеи разрабатывались писателем и в других сказках на «китайские» темы («Звездочёт», «О пользе наук», «Награды», «Дождь» и т. п.).

В сказках ставились и многие геополитические проблемы. В футуристической сказке «Богиня», опубликованной в сборнике «Китайский вопрос», описывались фантастические события, приуроченные к 2100 г., – году, когда китайская армия вступает в Париж. Интервенция восьми держав в этой сказке интерпретируется как пролог, давший старт последующим событиям, которые приведут к коренным изменениям в отношениях народов: «В то время, как народы Востока росли численностью, обновлялись новыми и новыми здоровыми, молодыми поколениями, родившимися, выращенными в арьсгарде великой армии, – вырождение делало своё страшное дело среди европейцев» [Амфитеатров 1901: 168]. В сказке предсказывается гипотетический конец европейской цивилизации:

«Это был конец того великая движения, которое вспыхнуло на Востоке ровно 200 лет тому назад, в 1900 году. Тогда движение казалось подавленным, – но только казалось.

Восток только тогда почувствовал свою силу.

Через несколько лет Китай выступил из берегов, как выступает из берегов река, когда в неё вливаются воды от таящего в горах снега» [Там же: 166].

В. Дорошевич в своих иносказательных произведениях трагивал разные аспекты жизни китайского народа. Трагические эпизоды отразились в его «китайском романе» (на самом деле это был не роман, а небольшая повесть или даже новелла – стоящее в подзаголовке слово «роман» употреблялось в значении «любовь») «Му-Сян» (1897), в котором воспроизводилась история любви китайских влюблённых – красавицы Му-Сян и юноши Тун Ли, получившего европейское образование, – которые стали жертвами патриархальных обычаев [Дорошевич 1901].

Образ Китая в начале XX в. стал проникать и в российскую *детскую литературу*. В «повести-сказке о путешествиях, странствованиях, шалостях и проказах маленьких лесных человечков», созданной писательницей А. Хвольсон⁴⁷ под названием «Дневник Мурзилки» описывались приключения эльфов («лесных человечков») – Мурзилки (от лица которого ведётся повествование), братьев Знайки и Незнайки, Читайки, Острой Шапки, Пучеглазки, Карапузика, художника Мазилки, доктора Маз-Перемаза, китайца Чи-ка-чи и других. Во время своего путешествия эльфы приезжают в Китай, где осматривают Великую Стену и Пекин, храм Конфуция и некоторые другие «чудеса», а также встречаются с хунхузами [Дневник Мурзилки 1913: 138–163].

Собирательный образ Китая и его населения формировался не только в культурном сознании российской интеллигенции – писателей, учёных, дипломатов, офицеров (особенно тех, кто служил на восточных рубежах России). В начале XX в. более-менее определённые представления о Китае стали возникать и у «непривилегированных» слоёв населения (в том числе у крестьян, ремесленников, мелких торговцев), так или иначе связанных с Китаем, которые получили возможность узнавать о дальнево-

⁴⁷ А.Б. Хвольсон (1868–1934) – российская детская писательница. Первые рассказы о «лесных человечках» стали публиковаться в журнале для детей «Детское слово» в 1887 г., а в дальнейшем неоднократно переиздавались (1898, 1902, 1913, 1915 и т. д.).

сточном регионе через газеты, проповеди священнослужителей, небольшие брошюры (в виде которых издавались некоторые труды русских и европейских путешественников, отдельных знатоков и исследователей Китая).

Эти небольшие книжки – в связи с возрастающим интересом городского населения к особенностям китайской государственной жизни, быту и нравам жителей страны – печатались массовыми тиражами. Их язык был простым и понятным, близким к разговорному; текст, как правило, сопровождался множеством картинок «уличной жизни» китайских городов. Таковы были брошюры «Китай и китайцы» К. Барсова [Барсов 1905], «Наши азиатские соседи китайцы» В. Маракуева [Маракуев 1896], «Как живут и работают китайцы» И. Селивановского [Селивановский 1904], «Китай и китайцы» Н. Фольбаума [Фольбаум 1911] и другие аналогичные издания.

Офицеры и солдаты, побывавшие в Китае, в своих письмах к родным описывали не только военные будни, но и всё то, что они увидели в необычной для них стране. Рассказы и воспоминания людей, вернувшихся в родные деревни с восточного фронта, воспринимались крестьянами с огромным интересом [Громыко 2000: 436–436]. «Господь Бог привёл, однако, многим очевидцам и участникам тех же событий счастливо возвратиться домой. Они принесли с собой массу известий и рассказов захватывающего интереса о событиях в неведомых странах сказочного востока, о тамошних людях, живущих не так, как живут русские люди, с особой верой, особыми обычаями, особой одеждой, пищей, жилищем и т. д. Все эти рассказы не могли не пробудить у простых русских людей живейшего интереса к тому, что произошло и что делается в Китае», – отмечалось в одной из работ, опубликованных в то время [Россия на Дальнем Востоке 1901: 6].

Русский генерал П. Краснов, который в начале XX в. выступал как писатель и журналист, в своей книге под названием «Борьба с Китаем. Популярный очерк столкновения России с Китаем в 1901 г.», созданной после командировки на Дальний Восток (в Китай и Маньчжурию), привёл характерное для того времени мнение анонимного солдата, который служил в Порт-Артуре: «Китайцы народ смирный, очень смирный. И этой смиренностью их пользовались англичане и немцы; их священники

обращали китайцев силой в христианство, и кто не хотел, того жестоко наказывали... И стали китайцы различать: русский – свой человек, хороший и европеец – худой человек. И невзлюбили они европейцев – англичан, французов и немцев» [Краснов 1901: 6–7].

Однако нужно отметить, что в начале XX в. целостный образ Китая у большинства представителей русского народа ещё не сложился. Имевшиеся у людей сведения об этой стране, чаще всего, складывались из набора несложных стереотипов. Причиной этого, с одной стороны, мог быть низкий уровень грамотности российского населения, а с другой, – принципиальное отсутствие у многих российских граждан интереса к любой «иностранный» культуре. Исследователь А. Буганов отмечал, что русские крестьяне «к истории других народов относятся равнодушно и не любят слушать про них чтение» [Буганов 1992: 171].

Тем не менее, в сознании значительного количества представителей российского общества Китай был богатой и преуспевающей страной, в которой, несмотря на особую любовь «бусурманских»⁴⁸ китайцев к азартным играм и опиокурению, а также естественное для любого человека стремление к наживе, проживает миролюбивый, выносливый и вежливый народ.

Тема Китая постепенно стала проникать и в русскую поэзию, – первоначально в виде *переводов* китайской классической литературы. Возможно, одним из первых таких переводов (существлённый при помощи подстрочного текста) является стихотворение А. Фета «Тень», опубликованное в журнале «Отечественные записки» в июне 1856 г., являющийся свободным переложением стихотворения поэта эпохи Сун из сборника «Нагромождение гор» [疊山集], составителем которого являлся Се Фандэ [谢枋得] (1226–1289)⁴⁹.

К переводам произведений китайской словесности обратился К. Бальмонт [Бальмонт 1908]. В числе привлечших его внимание текстов была книга Лао-цзы, переведённая в форме поэмы под названием «Книга пути и благого чарования», стихо-

⁴⁸ «Басурманами» русские крестьяне обычно называли представителей народов, не исповедующих христианскую религию (в том числе и китайцев).

⁴⁹ Вопрос о китайском авторе оригинала является спорным.

творение «У врат закатных» из книги «Ши Цзин», входящей в классическое китайское «Пятикнижие» (для её обозначения Бальмонт использовал названия «Чи-Кинг», «Книга Стихов», «Китайских Народных Песен» или «Песнехранилище»), стихотворения «Пред сумраком ночи (крик воронов)» Ли-тай-пе (Ли Бо)⁵⁰ и «В уровень с водой» Тху-фу (Ду Фу)⁵¹. Китайские мотивы появлялись в стихотворениях К. Бальмонта «Занавес», «Китайское небо», «Ткань».

В своих «Изыяснительных замечаниях» к переводам китайских стихотворений К. Бальмонт высказал характерную для его времени мысль об особой связи китайского искусства с существенными качествами духовной культуры и о том, что прошлое цивилизации указывает на цель, к которой должны стремиться современные страны: «Китай <...> тысячи лет тому назад пережил то, к чему мы ещё приближаемся, или только приблизимся, в нашем историческом Завтра. Китайская живопись, Китайская поэзия и Китайская Мудрость известны нам, сколько-нибудь, лишь по своему отображению в Японской призме. Мы еле-еле знаем, что та воздушность, утончённость и одухотворённость чувства, та красочная деликатность и изысканность, которыми мы, например, восхищаемся в Японской живописи, в гораздо большей степени, и как в первоисточнике, существуют в том Солнечном царстве, чьё имя Китай» [Там же: 144]. Бальмонт особо отметил важнейшую для его концепции характеристику «Царя Китайских поэтов» Ли-Гай-Пе (в современной российской традиции этого поэта называют Ли Бо): «поэт-бродяга, предпочитавший вольность полей и дорог царскому дворцу» [Там же: 144], которая оказалась близка и Н. Гумилёву.

Следует отметить, что К. Бальмонт заложил традицию перевода произведений китайской поэзии, используя для этой цели «длинную» стихотворную строку – 7-стопный дактиль (19 слогов, последняя стопа усечённая): «В облаке пыли Татарские лошади с ржаньем промчались прочь. / В пыльной той дымности носятся вороны, – где б скоротать эту ночь» [Там же: 143].

⁵⁰ И Бай или Ли Бо (李白; 李太白) 701–762/763 гг. – известный китайский поэт времён династии Тан.

⁵¹ Ду Фу (杜甫) 712–770 гг. – китайский поэт эпохи Тан.

В рассматриваемый период к китайской теме обращались и другие российские поэты. Так, в 1914 г. был опубликован первый сборник китайской лирики в переводах В. Егорьева и В. Маркова, получивший название «Свирель Китая» [Егорьев 1914]. Переводами китайской лирики занимались и другие поэты – В. Брюсов (цикл «Китайские стихи», состоящий из пяти небольших произведений), А. Ахматова (переводившая китайскую классическую поэму «Ли Сао»), Н. Гумилёв.

Культура Востока интересовала Н. Гумилёва на протяжении всей жизни, а тема Китая занимала в его творчестве особое место. Сам поэт никогда не бывал в Китае, не знал он и китайского языка. Его интерес к этой стране был частью общего увлечения «другими», малоисследованными культурами (например, культурами народов Африки или Америки), привлекавшими его в качестве альтернативы «старой европейской» культуры. Литературовед Т. Сотова в связи с этим отмечала: «Гумилёв – поэт-исследователь, цель которого – выявить и постичь движущие процессы истории человечества. Даже обращаясь к экзотическим, с точки зрения русского человека, культурам Африки, Индии или Китая, поэт стремился найти и восстановить по крупинкам некое великое истинное знание о предназначении человека» [Сотова 2014: 130].

К «китайскому тексту» Н. Гумилёва могут быть отнесены стихотворения «Царице» (1908), «Путешествие в Китай» (1909), «Я верил, я думал» [Сергею Маковскому] (1911)⁵², «Возвращение» (1912), «Китайская девушка» (1914), «Змей» (1916), а также сборник «Фарфоровый павильон» (1917), основу которого составил цикл из 11 «китайских стихов», и незавершённую «детскую» поэму «Два сна» (1918).

Интерес к Китаю возник у поэта не случайно. В юности он вместе с родителями жил в Царском селе и обучался в Царско-сельской гимназии. Как утверждает Е. Раскина, «...знакомство Гумилёва с китайской культурой началось в ранний царско-сельский период, поскольку в Екатерининском дворце, Китайской

⁵² Текст этого стихотворения был использован А. Вертинским в песне «Китайская акварель».

деревне и Китайском театре было сосредоточено немало “китайских диковин”» [Раскина 2008: 95].

В дальнейшем источниками его сведений о Китае могли быть описания путешествий по этой стране, переводы произведений китайских писателей и мыслителей на русском или французском языках, публичные лекции учёного-синолога В. Алексеева; поэт имел возможность изучать материалы «китайских» коллекций в музеях и частных собраниях Санкт-Петербурга и Парижа.

Информацию о Китае Н. Гумилёв мог получить из бесед с художником и мыслителем Н. Рерихом и специалистами-востоковедами, прежде всего, Ю. Готье – известной французской писательницей и переводчицей, литературный салон которой (под характерным названием «Отель Синего Дракона») он посещал во время поездки в Париж в 1906–1907 гг.

Мысль о том, что выраженная в классической китайской поэзии *духовность* важна для будущего европейской (в том числе русской) цивилизации, была близка и Н. Гумилёву. Не случайно его – так же, как и К. Бальмонта – интересовала классическая китайская поэзия, о художественных особенностях которой он мог узнать из общения с синологами – учёными и переводчиками – как российскими, так и французскими. В интервью, данном Карлу Бехгоферу в 1917 г., поэт высказал интересную мысль: «Новая поэзия ищет простоты, ясности и достоверности. Забавным образом все эти тенденции неволью напоминают нам о лучших произведениях китайских поэтов, и интерес к последним явственно увеличивается в Англии, Франции и России» [Неизвестные письма 1987: 50–78]. Эту «простоту», «ясность» и «достоверность» поэт стремился выразить в своём творчестве.

Анализ произведений Н. Гумилёва, которые – в том или ином виде – в тематическом и образном плане были связаны с Китаем, показывает, что его представления о культуре этой страны были достаточно глубокими.

В основу «китайского цикла» стихотворений, опубликованного в сборнике «Фарфоровый павильон»⁵³, были положены

⁵³ В «китайском романе В. Дорошевича «Му-Сян» героиня живёт в «фарфоровом» доме (то есть в доме, все стены которого облицованы фарфоровыми плитками).

свободные переложения текстов поэтов, живших в эпоху Тан, – Ли Бо («Фарфоровый павильон» и «Счастье»), Ли Оэй Вэя («Луна на море»), Чан Чжан Цзи («Отражение гор»), Ван Цзы («Природа»), Чан Жосу («Соединение»), Ду Фу («Странник» и «Дом»), Чан Жо («Поэт»), Соа Нан, Цзяо Жаня⁵⁴ и др. Работая над сборником, Н. Гумилёв, использовал «Яшмовую книгу» Ю. Готье (1867), в которой содержались вольные переводы китайской поэзии на французский язык [Раскина 2008].

В своих стихотворениях Н. Гумилёв сумел передать важное для этой культуры представление о *двойственности бытия* (земное / небесное, инь / ян, вода / гора, вечное / сиюминутное), сочетающееся с ощущением духовной гармонии, соединении человека с миром природы.

В традиционной китайской лирике часто встречается образ поэтов, собравшихся в павильоне, которые, любуясь природой за чашей вина, обретают внутреннюю гармонию. Такая картина вполне могла быть изображена на китайских вазах и иных предметах из фарфора, которые часто встречались в европейских коллекциях. Можно предположить, что собирательный образ поэтов (как, например, Ли Бо или Ду Фу), которые были скитальцами, отвергнувшими мирские блага и служение императору ради идеи духовного совершенствования на лоне природы, был лично близок Н. Гумилёву.

Принципы организации рассматриваемого нами цикла соотносились с композиционными приёмами традиционной китайской лирики (в частности, поэзией эпохи Тан), в которой картины природы (композиционно организованные в соответствии с принципом «от близкого к далёкому») и связанные с ними мотивы любви и дружбы помогали раскрыть внутренний мир лирического героя.

В цикле использовались характерные для китайской поэзии художественные приёмы: противопоставления (гора, скала, ка-

⁵⁴ Современные исследователи высказывают разные точки зрения по поводу того, какие стихотворения и каких поэтов эпохи Тан использовались Н. Гумилёвым. См.: [Концова 2003; Федотов 2003; Раскина 2008; Солнцева 2013; Трегубова 2013; Сотова 2014]. Данный вопрос нуждается в дополнительных исследованиях.

мень – вода, озеро), ситуации (дружеская встреча за чашей вина, созерцание луны), символы (жизнь как путешествие в лодке), цветовые характеристики (жёлтый / золотой), традиционные эпитеты («яшмовый»⁵⁵ – мост, месяц, флейта), детали пейзажа (павильон / беседка, изогнутый мост, пагода, бамбук) и предметы (флейта). Мотив «отражения», возникающий в первых стихотворениях «Фарфорового павильона», становится принципом организации повторяющихся в составе всего цикла мотивов (вода и озеро, женщина / девушка, луна, вино, лодка, цветы): «...В целом образы и мотивы предыдущих стихотворений отражаются в последующих. Таким образом, пространственный принцип отражения, активно использованный в китайской поэзии, применим Гумилёвым в построении цикла» [Солнцева 2013: 76].

Особым смыслом было наполнено название сборника «Фарфоровый павильон», соотнесённое не только с китайской символикой фарфора как уникального «императорского» материала, демонстрирующего «величие Поднебесной империи» [Раскина 2008: 94–95], но и с европейским представлением о фарфоре как о *ценности*, которая обозначает «хрупкое», «бренное», легко поддающееся уничтожению. С другой стороны, *павильон* (беседка), в которой встречаются поэты, в китайской культуре символизирует «приют мудреца» (место для медитации и поэтического вдохновения) и одновременно обозначает женское начало [Там же: 95]. Основная идея цикла, как отмечает Е. Солнцева, – «двойственность бытия»: «...гедонизм не вечен, в безмятежности есть фарфоровая хрупкость»; «темы стихотворений, эмоции и мысли балансируют между благодатью и её невозможностью» [Солнцева 2013: 77].

Принципы воплощения темы Китая, наиболее полно представленные в цикле «Фарфоровый павильон», встречались и в более ранних стихотворениях поэта. «Китай, как конечное место назначения, должен, естественно, восприниматься как достиже-

⁵⁵ В. Алексеев отмечал, что в китайской культуре эпитет «яшмовый» / «нефритовый» [玉] относится, «ко всему лучшему, драгоценному, как к предметам, так и отвлечённым понятиям» [Алексеев 1978: 106] и связан непосредственно с императором.

ние совершенного понимания...», – утверждал М. Баскер [Баскер 1992: 15]. В стихотворении Н. Гумилёва «Путешествие в Китай», посвящённом театральному художнику С. Судейкину, впервые появился мотив вина; в стихотворении «Китайская девушка» – описания символической «голубой беседки», расположенной посредине реки (в дальнейшем, как мы видим, этот образ трансформировался в «фарфоровый павильон»), «куста фарфоровых роз», «металлической птицы» с «золотым» хвостом, написанные на шёлке стихи – то есть создавалась система мотивов, соотнесённых с традиционными образами китайской культуры.

«Китайский текст» Н. Гумилёва оказался связан с представлением о бегстве в «иной» мир, с поиском недостижимой в «этом» мире гармонии, с мотивами «рая» и благодатной земли, обретением совершенства. В одном из первых произведений, созданных на «китайскую» тему, – «Путешествии в Китай» – поэт писал: «...Все мы, товарищи, верим в море, / можем отплыть в далёкий Китай / <...> Только в Китае мы якорь бросим, / Хоть на пути и встретим смерть!» [Гумилёв 2000, 1: 209].

В стихотворении «Возвращение» (посвящённом А. Ахматовой), описывалось путешествие (явно духовного плана) с «жёлтым», «худым», «раскосым» спутником к «стенам Китая», которое подводит лирического героя к состоянию просветления («воздух вокруг светлел») и восторга («пред ним я склонился в восторге тайном»): «Когда ж мы достигли стены Китая, / Мой спутник сказал мне: «Теперь прощай, / Нам разны дороги: твоя – святая, / А мне, мне сеять мой рис и чай» [Там же, 1: 340–341].

Основываясь на кратком анализе русской литературы последней трети XIX – первых десятилетий XX в. следует отметить, что в русской классической литературе происходили изменения в осмыслении темы Востока и восточной традиции: по мере возрастания интереса к Китаю формировался «китайский текст».

Исследование процесса формирования в России представлений о Китае и китайской культуре позволяет сделать основной вывод: в период, предшествующий Первой Мировой войне и Гражданской войне, в русской культуре сложился развёрнутый

«китайский контекст» и многообразный «китайский текст», что, в свою очередь, способствовало дальнейшему развитию в общественном сознании представлений о Китае (или «образа Китая»). «Китайский текст» русской литературы, с одной стороны, стал важным источником информации об истории и культуре соседней страны, с другой – использовался в качестве материала для размышлений о судьбе России.

Рассматривая процесс формирования в русской литературе «китайского текста», мы можем обнаружить характерные для литературы обеих стран темы, сюжетные линии, которые оказались близкими и понятными отечественным читателям. Особое место в таких произведениях занимали размышления о гуманистических идеалах – нравственных принципах, духовной сущности человека, его ценностно-смысловых исканиях справедливости, добра, мудрости – то есть, те императивы, которые должны быть «опорами» любого человека. Китай и его культура в начале XX в. стали для русских писателей и читателей новым художественным пространством, в рамках которого интерпретировались понятные и знакомые русским людям события, происходившие в *другой* стране – незнакомой и «экзотической», однако оказывающейся в результате этого ещё более привлекательной. Загадочная для европейцев «китайская душа» неожиданно открылась российским читателям глубиной чувственности, созерцательности и умиротворённости. Она стала «примером» для ищущей покоя «мятежной» русской души. «Китайский текст» изящно делался органичной частью русской литературы, не противореча ей ни по содержанию, ни по использованным в нём художественным приёмам, расширяя при этом неповторимый контекст восприятия китайской культуры.

Глава V. «КИТАЙСКИЙ ТЕКСТ» В ПРОЗЕ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ

События Гражданской войны в России привели к массовой эмиграции русского населения, которое разделилось на «советских» граждан и «эмигрантов» – обладателей «нансеновского паспорта», людей без гражданства. Спасаясь из объятой гражданской войной страны, беженцы и остатки русской Белой армии устремились в страны Европы, Америки и Азии. Среди азиатских стран, приютивших русских людей, в первую очередь следует назвать Китай. Основными городами их пребывания стали Харбин и Шанхай.

Харбин, возникший в 1898 г. благодаря строительству КВЖД, вскоре стал важнейшим центром русской культуры на Дальнем Востоке. После Октябрьского переворота 1917 г. в него переселилось много русских беженцев. В 1922 г. количество эмигрантов в Харбине превысило 150 тысяч человек (иногда называются более внушительные цифры – вплоть до 2 миллиона человек). С русским Харбином связано формирование «российского восточного зарубежья».

«Нет харбинца, который не вспоминал бы с глубокой благодарностью годы жизни, проведённые в Харбине, где жилось привольно и легко... Можно сказать с уверенностью, что на всём земном шаре не было другой страны, в которой русская эмиграция могла чувствовать себя в такой степени дома, как в Харбине... Только теперь я вижу, как мало мы ценили, как принимали за должное великодушное отношение китайских властей...», – вспоминала русская писательница Н. Резникова [Резникова 1988: 385]. Русские выходцы из России, благодаря имевшемуся у них статусу экстерриториальности, на протяжении почти целого десятилетия находились в ситуации духовной свободы.

Историко-культурный опыт Харбина оказался уникальным. Город на несколько десятилетий стал «хранителем» традиций русской культуры Серебряного века. В новой среде, представители России не только берегли память о прошлом, но успешно

развивали на территории Китая литературу, архитектуру, театральное искусство.

Русские эмигранты проживали не только в Харбине, но и в Шанхае, Тяньцзине, Ханькоу, Циндао, Пекине, Чанчуне, Мукдене, Даляне, Цицикаре, Сахаляне, Синьцзяне (но в значительно меньшем количестве). Однако основным культурным центром русской эмиграции в 1920-е годы был, конечно, Харбин, который к 1918 г. имел уже 20-летнюю историю. «Оторванность от родной почвы в Харбине переживалась не столь остро, как в Западной Европе. Харбин был русским университетским городом и вместе с тем многонациональным культурным центром, в котором находились землячества и общины выходцев из Российской империи – поляков и латышей, евреев и грузин, армян и татар» [Русская поэзия Китая 2001: 2].

Быстрому развитию Харбина в качестве зарубежного центра русской культуры способствовали следующие факторы:

1. Возникновение развитой системы средств массовой информации на русском языке (газет и журналов разного типа: общественно-политических, литературно-художественных, религиозных и научных). В период с 1901 по 1926 г. в Харбине выходили в свет 102 газеты и 141 журнал [Мелихов 2003: 19]. Правда, большая часть публикаций имела маленькие тиражи и существовала недолго – примерно около одного года (как и издававшие их организации).

2. Развитие русского книгопечатания (учебников, детской, художественной, церковной и научной литературы), в результате чего город стал самым продуктивным издательским центром за пределами России.

3. Наличие русских учебных заведений (от начальных школ до университетов), которые своей деятельностью способствовали быстрому увеличению количества образованных людей и появлению мощного слоя представителей русской интеллигенции (что в дальнейшем обусловило стремительное развитие интеллектуальной жизни города).

4. Насыщенная творческая атмосфера и деятельность художественных объединений (например, молодёжного литературного объединения «Чураевка») способствовали расцвету разных

видов искусства: изобразительного (скульптуры, живописи, книжной графики, иконописи, сценографии, декоративно-прикладного искусства, дизайна), театрального, и – в особенности – литературы, а также архитектуры, придавшей Харбину оригинальный облик русского города.

Е. Таскина выделила в истории культурной жизни русского Харбина *три периода*:

1. Конец 1910-х – середина 1920-х гг. (литературная жизнь была преимущественно связана с творчеством писателей «старшего поколения»).

2. 1926–1935 гг. (центральную роль играла деятельность литературно-художественного объединения молодых писателей «Чураевка») [Дяо Шаохуа 2003].

3. Середина 1930-х – середина 1950-х гг. (завершающий период, на протяжении которого творчество осложнялось политической ситуацией, вынуждавшей представителей русской интеллигенции к отъезду из Китая). На протяжении этих лет ряд писателей умирает, а некоторые уничтожаются физически [Таскина 1994].

Анализ выходявших в городе периодических изданий, произведений мемуарной и художественной литературы этого времени помогает получить объективную информацию о культуре и общественной жизни русских в Харбине, воссоздать целостную картину городского быта.

В Харбине началось творчество многих поэтов и прозаиков, в произведениях которых ярко воплощались национальные традиции. В городе существовала большая группа талантливых писателей, музыкантов, артистов, художников. К числу харбинских писателей старшего поколения (у некоторых из них литературная деятельность началась ещё до октябрьского переворота) можно отнести таких писателей, как Н. Байков, М. Гребенщиков, С. Елпатьевский, Ф. Камышнюк, В. Логинов, А. Несмелов, П. Шкуркин; вскоре в Харбине сформировалась и большая группа молодых писателей – Л. Андерсен, А. Ачаир, Л. Волков, Ю. Крузенштерн-Петерс, В. Петрушевский, В. Перелешин, Б. Юльский, Л. Хаиндрова и другие.

При этом нужно отметить, что в 1920-е гг. стал формироваться второй важный центр русской культуры в Китае – город Шанхай. Эта роль Шанхая стала возрастать в 1930-е гг. – особенно после того, как территория Маньчжурии (и, в частности, Харбин) оказалась захвачена японцами, что привело к переезду многих русских эмигрантов в этот город.

Русская культура Китая с полным основанием может считаться *межнациональной* и *кросс-культурной*. Харбин бережно сохранял национальные традиции – как старые русские, так и новые, обретённые на территории Китая, ставшего для жителей Харбина «второй» Родиной. Благодаря харбинскому и шанхайскому анклавам сформировался уникальный опыт сохранения и трансляции традиций нескольких культур и успешного преодоления барьеров между ними, национальных и политических границ. Такой вывод вполне закономерен, если исходить из представления, что культура Шанхая и Харбина по своей природе была *пограничной*, «фронтирной».

Уникальная атмосфера русского города, его образ в сознании представителей русской интеллигенции продолжали воздействовать на жизнь эмигрантов и в дальнейшем, когда история русских анклавов завершилась. Исследование этого феномена позволяет понять некоторые особенности функционирования русской культуры за рубежом. Бывшие обитатели Харбина и Шанхая оказали значительное воздействие на развитие культуры тех стран, в которые они в дальнейшем переселились, – СССР и Российской Федерации, Австралии, некоторых стран Латинской Америки, Соединённых Штатов Америки (прежде всего, Сан-Франциско, – городе, куда поселилась значительная часть представителей диаспоры, прибывшей из Шанхая).

В русской литературе Харбина и Шанхая были представлены разные литературные жанры – как стихотворные (лирические стихотворения, лиро-эпические поэмы), так и прозаические (очерки, рассказы, повести), – которые имели свою специфику и развивались несколько различающимися путями, что позволяет рассматривать их по отдельности.

Обратимся первоначально к *прозе* русской эмиграции, поскольку именно в публицистических очерках, повестях и рас-

сказах первоначально отразились размышления писателей о приютившей их стране, был представлен развёрнутый образ Китая и его народа.

Один из ведущих исследователей литературы и культуры русского восточного зарубежья А. Забияко писала: «Культура русского Харбина – впечатляющий пример фронтальной субкультуры, сложившейся в дальневосточном порубежье на стыке русской и китайской культур. Её история обнаруживает разные сценарии маргинализации. Главенствующей стратегией существования харбинской культуры в условиях дальневосточного фронта были консервация нормативных качеств русской культуры и их интенсификация. Эта стратегия не исключала, однако, усвоения некоторых сторон китайской культуры и движения в сторону русско-китайского синкретизма. Такая тенденция исподволь, без ломки привычного русского уклада и без нажима извне, органично складывалась в языке, зодчестве, литературе и религиозных верованиях» [Забияко 2017: 33].

Процесс развития русской диаспоры в Китае в 1920–1930-е гг. определяли четыре главных исторических события того времени, которые отразились в творчестве писателей-эмигрантов: 1) революция и гражданская война на Дальнем Востоке (1917–1922 гг.); 2) признание СССР Китаем, что привело к прекращению службы русских эмигрантов в китайской армии и полиции, отказу от права экстерриториальности в районе КВЖД, запрету работать на железной дороге всем, кто не имел советского или китайского гражданства (1923–1928 гг.); 3) военный конфликт на КВЖД с последующей оккупацией Японией территории Маньчжурии и создания японцами на территории Китая марионеточного государства Маньчжоу-Го (1929–1932 гг.). Последнее, *четвёртое* событие из этой серии – захват Харбина японской Квантунской армией, последовавший 5 февраля 1932 г., который привёл к быстрому упадку русской эмиграции в Китае и заставил русских людей переезжать в Тяньзинь и Шанхай, а в дальнейшем – в Австралию и Америку, а также во многие другие страны.

Эти обстоятельства, естественно, отразились и в *поэзии*, и в *прозе* русского зарубежья.

Русские писатели-эмигранты также были и авторами *драматургических* произведений, в которых появлялись образы китайцев (хотя, с нашей точки зрения, общий художественный уровень произведений, предназначенных для театра, был несколько ниже, чем поэзии и прозы). В этих пьесах, как правило, воспроизводились отдельные эпизоды жизни эмигрантов, в которых присутствовали персонажи-китайцы, которые представляли собой героев второго и третьего плана. Так, например, в драме К. Шендриковой «Женщина из бара» среди действующих лиц указаны китайцы-слуги, говорящие на ломаном русском языке: «Моя много ходи, ходи. <...> Моя знай. Моя завтла пли-ходи. Капитана дома нету. Моя деньги шибко нада. <...> Чего твоя, капитана, говоли? Моя не понимаю. Моя плохо говоли луски» [Шендрикова 1936: 11]. Аналогичные речевые характеристики нередко давались и персонажам-китайцам в повестях и рассказах.

Как мы уже отмечали, период с начала 1920-х до начала 1930-х гг. стал временем максимального расцвета издательского дела русской эмиграции. В Харбине и Шанхае публиковались политические книги, исторические сочинения, мемуары, экономическая, юридическая, религиозная и учебная литературы, а также многочисленные художественные произведения.

В прозе русского зарубежья можно выделить несколько *жанрово-стилевых* тенденций.

Эмигранты-прозаики, оказавшиеся на территории Китая, создавали произведения преимущественно в рамках русского классического *реализма*, следуя традициям литературы середины XX в. Не чужды были им и принципы позднего романтизма, развивавшиеся в конце XIX в. (например, в творчестве А. Горького). Писатели, оказавшиеся в Маньчжурии, стремились детализировано изображать жизненный уклад простых людей, их мировоззрение, восприятие окружающей действительности и себя в ней. Ведущий китайский исследователь литературы русского зарубежья и Ли Яньлин отмечал, что произведения русских эмигрантов продолжали традицию реализма русской литературы. Подавляющее большинство их произведений либо

отражает реальность русской жизни за границей, либо отражает реальную жизнь китайцев, либо ту и другую вместе⁵⁶.

Русские писатели, жившие в Китае в 1920–1930-е гг., стали воспроизводить в своих художественных произведениях реалии китайской культуры и общества, ставя при этом особый акцент – на описание существующих социальных проблем и противоречий жизни народа (что вполне соответствовало духу традиций русской классической литературы XIX в.).

При этом в русской прозе Харбина сформировались два разных варианта репрезентации китайской культуры. Одно из них было связано описанием *природы* Маньчжурии, другое – с обращением к *духовным традициям* китайского народа.

Авторы произведений, воспроизводящих природу Маньчжурии, развивали традиции русской «географической» и «натуралистической» прозы. Под «натуралистической» прозой мы в данном случае подразумеваем произведения, в которых описывается мир природы, жизнь животного мира («Записки об уженье рыбы», «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии» и «Рассказы и воспоминания охотника о разных охотах» С. Аксакова, «Звериный промысел в Уральских горах» Л. Сабанеева, «Охота на медведя в Сибири с лайками» А. Лялина, «Среди природы» и «Календарь природы» С. Покровского, «В краю непуганых птиц: Очерки Выговского края» М. Пришвина и другие аналогичные произведения. Они имели разный уровень художественности, но во всех случаях авторы стремились раскрыть взаимодействие природы с человеком).

Среди писателей-натуралистов русского Харбина в первую очередь следует назвать писателя Н. Байкова (1872–1958), который относится к старшему поколению представителей русской эмиграции. Он принадлежал к старинному дворянскому роду; его предок – боярин Фёдор Исаков сын Байков – был направлен Царём Алексеем Михайловичем в качестве главы первого русского посольства в Китай (1654–1658) для налаживания торговых и ди-

⁵⁶ См.: Ли Яньлин. О поэзии русских эмигрантов в Харбине // Русская литература и искусство. 1998. № 2. С. 29–30. 李延龄. 论哈尔滨俄罗斯侨民诗歌 // 俄罗斯文艺. 1998. № 2. 29–30 页.

пломатических связей между государствами [Ким Рехо 1993; Ким Рехо 1997; Сакон Такэси 1998]. Творчество Н. Байкова мало исследовалось российскими литературоведами; немногочисленные специальные работы о нём были опубликованы сравнительно недавно [Неживая 2000; Плостина 2002; Неживая 2010].

Став офицером, Н. Байков увлёкся естественными науками; он был хорошо знаком с учёными и путешественниками – Д. Менделеевым, Н. Пржевальским, Г. Радде – и добился перевода в Заамурский военный округ Отдельного корпуса пограничной стражи (1901), в Маньчжурию, в район строительства КВЖД, где он прослужил 14 лет (с 1901 по 1914 г.). Во время службы Н. Байков принимал активное участие в разных научных экспедициях, в которых изучал Дальний Восток и Маньчжурию (в дальнейшем он называл этот регион своей «второй родиной»), боролся с хунхузами и охотился на тигров (рота, которой он командовал, за проявленную смелость в охоте на хищников получила почётное название «тигровой»).

В 1912 г., в еженедельнике «Нива» были напечатаны первые очерки Н. Байкова «Русские трапперы в Манчжурии»⁵⁷. В 1914 г. он опубликовал свою первую книгу «В горах и лесах Маньчжурии» [Байков 1914], которая была результатом его исследований дальневосточного края. В 1922 г. писатель (после участия в Первой мировой войне и периода скитаний по странам Азии и Африки) вернулся в Маньчжурию. С 1925 г. он жил в Харбине и занимался активной литературной деятельностью. За период 1925 по 1940 г. им была издана серия книг, посвящённых природе и людям Маньчжурии, в том числе сборники очерков и рассказов «Маньчжурский тигр» (Харбин, 1925), «Изюбрь и изюбредовство» (Харбин, 1925), «Корень жизни – Жэнь-Шэнь» (Харбин, 1926), «Медведи Дальнего Востока» (Харбин, 1929), «Охота в Маньчжурии» (Харбин, 1930), «В дебрях Маньчжурии» (Харбин, 1934), «Великий Ван» (Харбин, 1936), «По белу свету» (Харбин, 1937), «Тайга шумит» (Харбин, 1938), «У костра» (Тяньцзинь, 1939), «Сказочная быль» (Тяньцзинь, 1940) и некоторые другие, а также повесть (названная автором «рома-

⁵⁷ См.: Нива. 1912. № 1–26. Т. 87. С. 404–409, 429–431, 460–462.

ном») «Тигрица» (Харбин, 1940) и повесть «Чёрный капитан» (Тяньцзинь, 1943), имевшая подзаголовок «Маньчжурская роман-быль из жизни замурцев по охране Кит. Вост. жел. дор. 1901–10 гг.».

Книги Н. Байкова были хорошо известны как в Маньчжурии, так и в других странах, на языки которых они были переведены (в Китае, Японии, Великобритании, Франции).

Н. Байков развивал традиции русской литературы, в рамках которой создавались произведения о мире природы. В начале XX в. в России сформировалась особое жанрово-стилевое течение литературы, культивировавшееся писателями-натуралистами, к числу которых, помимо Н. Байкова, могут быть отнесены его современники – Н. Зворыкин (1873–1937), М. Пришвин (1873–1954), начавшие публиковаться в 1900–1910-е гг., а также представители более молодого поколения – Б. Житков (1882–1938), К. Паустовский (1892–1968), И. Соколов-Микитов (1892–1975), В. Бианки (1894–1938), Л. Бёме (1895–1954) и другие, вошедшие в литературу уже в советское время.

Особо следует упомянуть современника и друга Н. Байкова – путешественника и писателя В. Арсеньева (1872–1930), изображавшего природу и людей Приамурья (правда, преимущественно, с другой – «российской» и «советской» стороны [Арсеньев 1914]. Два основных художественных произведения В. Арсеньева – повести «По Уссурийскому краю (Дерсу Узала). Путешествие в горную область Сихотэ-Алинь» [Арсеньев 1921] и «Дерсу Узала. Из воспоминаний о путешествии по Уссурийскому краю в 1907 г.» [Арсеньев 1923] – создавались примерно тогда же, что и первые произведения Н. Байкова, – в 1910-е гг. (хотя опубликованы были позднее – в 1921 и 1923 гг.).

В произведениях Н. Байкова описывалась не какая-либо конкретная историческая ситуация (время в его текстах представлено обобщённо, а сюжет их, как правило, не связан непосредственно с какими-либо историческими событиями), а безграничное *художественное пространство* Маньчжурии, в которой рядом проживает как русское, так и китайское население.

В повестях («Тигрица», «Чёрный капитан»), очерках и рассказах («Великий Ван», «Ночь у костра», «Хунхузы», «На обла-

ве», «Контрабандисты», «Чёрная смерть», «У Тигровой горы», «Голгофа женщины» и др.), «научных» очерках («Флора и фауна», «Звероловство», «Язык тайги», «Следопыт», «Соболья шкурка» и других) и «путевых заметках» («В горах Чапи-Гоу», «Искатели жемчуга», «Сказочные были», «Зверобой Назаренко») Н. Байкова описывались природа и животный мир Маньчжурии [Неживая 2010]. Большую роль в них играл обобщённый символический образ маньчжурской тайги, который олицетворяется и мифологизируется [Там же].

Н. Байков раскрывал также жизнь населения Маньчжурии, – как русского (в первую очередь, офицеров, глазами которых в его произведениях представлен окружающий мир), так и китайского (мудрые отшельники Мун-Ким и Тун-Ли), жизнь которого оказывается тесно связана с природой. Русское население показано в тесном взаимодействии с китайским: среди и тех, и других есть как положительные, благородные, так и отрицательные, низменные персонажи, – независимо от их национальности.

Писателя интересуют сильные, свободолюбивые, волевые люди, которые способны принимать самостоятельные решения: таковы китаец Ван-Де-Лин (он же Ванделин), китайка Ин-Тао, преданные слуги Футай Лун Бин и манчжурка-«ама», атаман Лан (по кличке Волк), китайка Хэй-Бао, злодей Хун-Мо-Гуй и др. Вот как описывается китайка, ставшая подругой русского офицера по прозвищу «Чёрный капитан»: «Не прошло и полгода, как Ин-Тао вполне освоилась со своим положением и привыкла к роли подруги русского капитана. Природный ум и женская практичность помогли дикарке взять правильный курс “внутренней политики”, так что, в конце концов, победитель женских сердец оказался побеждённым и подпал под влияние прекрасной китайки. Постепенно она прибрала его к рукам и стала госпожой в доме, не злоупотребляла этим, разумно пользуясь властью, не переходя известных границ и возможностей» [Байков 1959: 13].

Красота, ум, доброта, злодейство – все эти качества в интерпретации Н. Байкова зависят не от национальности героя, а от характера и окружающих обстоятельств. Самым большим злодеем оказывается грозный предводитель шайки хунхузов по

прозвищу «Хун-Мо-Гуй» [红魔鬼, то есть «Красный Чёрт»], получивший такое прозвище за ярко-рыжий цвет волос и чрезвычайную жестокость, оказывается беглым русским солдатом, а его «непосредственным помощником и секретарём» является молодая красивая китаянка «Хэй-Бао» [黑豹, то есть «Чёрная Пантера»]. В отсутствие Хун-Мо-Гуя «во главе шайки оказывалась его подруга, и тогда набеги хунхузов становились особенно смелыми и дерзкими и отличались своей жестокостью» [Там же: 54–55].

Особенно удавались писателю произведения, в которых изображались повадки тигра – как его называет автор, «Владыки лесов», «Царя тайги», «Великого Вана». Образ тигра представлен в контексте китайских народных верований, связанных с этим зверем, и о его особых связях с «иным» миром («Теперь звериная ночь и Великому Вану нужна человеческая жертва»; «Сам Великий Ван сделал нам честь своим визитом и шлёт нам свой привет!») [Байков 1939: 41; 74].

Произведения Н. Байкова обрисовывали не только мир природы. Благодаря достоверности и точности воспроизведения событий и их участников, в его очерках, рассказах и повестях читатель узнавал об исторической обстановке, о событиях, происходивших в Китае (хотя они не оказываются на первом плане), имел возможность самостоятельно анализировать причины и следствия взаимоотношений между этой страной и Россией, рассматривая события глазами русских эмигрантов, проживавших на территории этого государства.

Другой вариант «китайского текста» в литературе русской эмиграции, связанный с воспроизведением духовных традиций, был реализован А. Хейдоком (1892–1990) – писателем, принадлежащим к более молодому поколению, но, – как и Н. Байков, – участником Первой Мировой войны, воевавшим в Белой Армии. Его творчество также почти не исследовано в литературоведении (исключение составляют работы О. Москвиной [Москвина 1993] и Ван Яминь [Ван Яминь 2007], а также статьи и кандидатская диссертация Н. Белозубовой [Белозубова 2009]).

В 1920 г. А. Хейдок оказался в Харбине, где, стал преподавать для китайского населения русский язык, а в дальнейшем

начал активно заниматься журналистикой. В 1929 г. он опубликовал в известном харбинском литературном журнале «Рубеж» свой первый рассказ – «Человек с собакой», привлéкший внимание читателей. В 1930-е гг. он создал множество рассказов, действие которых происходило в Китае. В 1934 г. писатель познакомился с Н. Рерихом, посетившим Харбин во время Маньчжурской экспедиции 1934–1935 гг., и это знакомство, перешедшее в продолжительную дружбу, существенно повлияло на его мировоззрение и творчество. В том же году А. Хейдок опубликовал сборник рассказов под названием «Звёзды Манчжурии», предисловие к которому написал Н. Рерих.

Под влиянием идей этого русского мыслителя А. Хейдок начал изучать философию Востока, концепции буддизма и даосизма. Он стремился постигнуть особенности менталитета китайского и русского народов, объясняя их историческими событиями и религиозными представлениями, – например, китайским культом предков или теорией реинкарнации – переселения душ.

В 1940 г. А. Хейдок переселился в г. Шанхай, где стал активным участником «Общества советских журналистов и беллетристов», созданного при «Обществе советских граждан», начал издавать новый журнал «Сегодня», в котором опубликовал ряд своих произведений. В 1947 г. писатель переехал в СССР.

В отличие от Н. Байкова, А. Хейдока в большей степени интересовало не *пространство*, а художественное *время* и философско-этические парадоксы, с ним связанные.

В качестве героев его произведений выступают представители как русского, так и китайского народов – белогвардейские офицеры и борющиеся за власть китайские генералы, солдаты китайской армии и рядовые русской армии, китайские монахи и русские интеллигенты, бродяги, странники, хунхузы. Основным местом действия произведений А. Хейдока является Маньчжурия (показанная не как самостоятельное государство, а как неотъемлемая часть Китая), а конкретным местом действия часто становятся китайские монастыри и кумиры.

В рассказах писателя 1920–1930-х гг. тесно переплетаются личные воспоминания и история (как России, так и Китая).

Например, в рассказе «Три осечки (Рассказ волонтера из русского отряда Чжай Цзу-чана)» (1934), описывается, как русский волонтер Гржебин совершает кощунственный поступок по отношению к китайской святыне (статуе Будды), и последовавшее за этим необычное наказание героя. В рассказе «Храм снов» (1921) А. Хейдок создаёт особую сакральную атмосферу старинной кумирни, представлявшей собой «храм снов», в котором «все страждущие и обиженные судьбой могли видеть ... сны, в которых воплощались все их желания и восстанавливалось утерянное счастье» [Хейдок 2001: 30].

В отличие от преимущественно реалистической (с отдельными элементами *символизма*) прозы Н. Байкова повести и рассказы А. Хейдока передавали преимущественно *романтический* взгляд на действительность; в его творчестве фантастика сочеталась с правдоподобными описаниями современности и ближайшего прошлого – судьбой белого движения, событиями, происходившими с русским населением Маньчжурии. Литературовед С. Якимова по этому поводу отмечает: «Для своих рассказов А. Хейдок брал интригующие романтические сюжеты, используя при этом реалии узнаваемой жизни в Китае» [Якимова 2013: 130].

В сюжете произведений писателя были тесно переплетены представления, характерные для русской культуры, с китайской народной культурой, обычаями, мифами и верованиями. Так же, как и многие другие русские эмигранты, А. Хейдок, анализируя китайскую философию жизни, стремился понять верный вектор развития русских людей, волею судьбы оказавшихся в Китае. Китайская культура придала его творчеству особый, оригинальный характер; в его художественных произведениях появились яркие образы, герои и сюжетные ситуации, наполненные параллелями между культурами России и Китая.

Подобное переплетение русской и китайской художественных систем оказывалось настолько органичным, что многие китайские писатели и критики стали считать его «истинно китайским» писателем. Например, китайский литературовед Ван Яминь отмечает: «Он настоящий китайский писатель, его творчество обращает внимание на мистическую сторону народной

культуры Китая – его традиций, обычаев, мифов и ритуалов в произведении «Звезды Маньчжурии» [Ван Яминь 2005: 59].

«Герой Хейдока часто оказывались в экстремальных, критических ситуациях, проявляя при этом своё изначальное тяготение к природной сущности человека с её здоровым началом», – отмечает современный исследователь [Якимова 2013: 133. Взгляд писателя на историю и современность оказывается весьма драматичен – это судьба как отдельного человека, так и всего поколения людей первой половины XX в., оказавшегося втянутым в кровавые войны, развязанные тоталитарными и националистическими режимами: «Через трагедию своего поколения, трагедию собственной судьбы писатель осмысляет судьбу человечества» [Москвина 1993: 52].

В литературе эмиграции был представлен ещё один вариант «китайского текста», который мы будем условно называть «идеологическим». Он реализовывался прежде всего в публицистике, – правда, в Харбине таких работ публиковалось меньше, чем, например, в «советской» литературе того же времени). Вот что писал по этому поводу шанхайский журналист и писатель, редактор известной русскоязычной газеты «Шанхайская Заря» Л. Арнольд, который в книге «Китай, как он есть» (1933) отметил, что «современная китайская молодёжь» стала особо интересоваться коммунизмом: «Поворот городской молодёжи к коммунизму объясняется, с одной стороны, теми интригами и нестроением в верхах правящей партии <...>, а также и <...> вполне естественным, духом молодого задора, протеста и экстремизма, который свойственен молодёжи вообще и всегда и во всех странах» [Арнольд 1933: 43].

Л. Арнольд обратился к изображению жизни в Китае и определил некоторые особенности национального уклада, а также сформулировал некоторые требования к литературе, которая сможет глубоко раскрыть их: «В Китае всё идёт по-особому, уклад и темпы жизни совсем иные, как иными путями здесь воспринимаются явления и факты политики, императивные принципы морали и даже цифры в трудах по экономической политике.

Для того, чтобы начать *достигать* Китай, поскольку это вообще доступно для европейского мозгового аппарата, надо

жить в Китае годами, работать в нём и охотно общаться с китайским народом, присматриваться, прислушиваться, копить факты собственного опыта, делать свои и для себя, независимые, выводы, размышлять, не бояться признавать свои ошибки, когда они обнаружатся, порождённые недостаточностью, но началу, опыта и только при этом неторопливом, прилежном, а, главное, *честном* способе подлинного изучения, вы достигните, через довольно много лет, тех результатов, за которые вам потом не придётся извиняться» [Арнольдов 1933: 3].

И далее:

«Чтобы писать о Китае, мало, повторяем, изучить китайский язык и странствовать по Китаю, надо иметь дар истолкования сложных вопросов китаеведения и надо быть, вообще, разносторонне образованным человеком, располагать хотя бы элементарными знаниями в истории человечества, антропологии, этнографии, социологии, экономики и философии права» [Там же: 4].

Все эти характеристики формировались в «китайском тексте» литературы русской восточной эмиграции. В таких произведениях Китай был показан без предвзятости, в сложном и неоднозначном процессе самоутверждения, выражающемся через столкновение прошлого с настоящим, в процессе взаимной борьбы «старой» и «новой» культур. Российские эмигранты – в отличие от большинства европейцев, проживавших в Китае, «старались изучить Китай, проникнуть мысленным взором в его судьбы по возможности глазами самого китайского народа, соприкоснуться духовно с китайской нацией, проникновенно сердце к сердцу воспринять китайскую философскую концепцию и приобщиться, поскольку это возможно для чужестранца, к сокровенным основам китайской этики» [Там же: 367–368].

В другой книге Л. Арнольдова – «Этюды о Китае» («Из страны Белого Солнца») (1934), с одной стороны, раскрывалась специфика национальный культуры и давалась информация об её основных представителях (главы «Иностранцы о китайцах», «Истоки мифологии», «Лаборатория духа», «Великие мудрецы», «Китайская музыка», «Театр»); с другой – раскрывалась жизнь современного Китая, его политика и основные исторические персонажи (главы «Во владениях Чжан Цзо-Лина в 1927 г.»,

«Шанхай – город великий», «Император Пу-И», «Чжан Кайши», «Молодой маршал») [Арнольдов 1934].

Очерки и этюды Л. Арнольдова следовали принципам толерантного изображения «иной» культуры, заложенным в русской литературе XIX и первых десятилетий XX в.

«Китайский текст», созданный русскими писателями Харбина и Шанхая, стал важной частью русского «китайского текста» XX в. Он соединил два временных пласта – тысячелетнее прошлое страны и её современность. В нём писатели впервые попытались осмыслить общие принципы китайской культуры, изобразить многообразную жизнь Китая в 1920–1930-е гг. и раскрыть китайский национальный характер.

Историко-культурное наследие русской эмиграции Харбина и Шанхая заложило основательный фундамент для последующего развития «китайского текста» и «китайского контекста» в российской литературе. Два города, ставшие «анклавами» русской культуры, не только стремились сохранять традиции русской классической культуры и литературы, а также «новой» культуры Серебряного века; но и проживавшие в них русские писатели попытались осуществить в своих художественных текстах «синтез» двух непохожих культур – русской и китайской, – понять исторические процессы и грандиозные социальные потрясения, происходившие в одной стране, сквозь призму истории и культуры другой страны.

Художественная проза русских эмигрантов, проживающих на территории Китая в 1920–1930-е гг., безусловно, имела не только художественную, но и значительную историческую ценность. В процессе взаимодействия русской и китайской культур в их произведениях осуществлялся взаимообогащающий обмен культурными ценностями и постепенно создавался своеобразный и «культурный мост» между народами.

Подведём основные итоги развития «китайского текста» в прозе русского восточного зарубежья.

Формирование ярко выраженного трагического мироощущения бытия и всепоглощающей тоски по родине. Писатели нередко воспринимали себя в качестве последних хранителей традиций русской классической культуры, как её непосредствен-

ных продолжателей, находящихся на крайних рубежах. Герои литературных произведений постоянно находились в поиске своего «Я», борясь с внутренними противоречиями в вопросах быта и бытия.

Русские писатели стремились раскрыть особенности истории, культуры, природы Китая – страны, в которой волею судьбы они оказались. В творчестве ряда эмигрантов сформировался развёрнутый «китайский текст», в котором была предпринята попытка раскрыть философско-этические категории китайской культуры, а также воссоздать многообразную картину жизни китайского народа.

«Китайский текст» литературы русского восточного зарубежья оставался органичной частью русской культуры и наследовал традиции русской классической литературы «Золотого» и «Серебряного» веков. Эта особенность выражалась, в частности, в стремлении не столько продемонстрировать необычный «восточный» колорит, сколько понять и принять «чужую» культуру, проникнуть в глубины китайской философии и религии.

«Китайский текст» в прозе был ориентирован преимущественно на реалистические традиции (с использованием отдельных приёмов, идущих от символизма и романтизма), а также на использование фантастики.

В жанровом плане в создании «китайского текста» в прозе наибольшую роль играли «малые» формы литературы – рассказы и разные формы очерков (или циклы очерков).

Писатели русского восточного зарубежья воссоздавали образ Китая в разных аспектах: «пространственном» (рассказы и очерки Н. Байкова), «временном» (рассказы А. Хейдока), историко-культурном («этюды» Л. Арнольдова).

Проза русского восточного зарубежья помогала пониманию реалий жизни китайского народа, показывала его изнуряющий ежедневный труд, стремление к выживанию наперекор тяжкой судьбе; она не чуждалась постановки тем, раскрывающих социальный и экономический дисбаланс внутри китайского общества открыто заявляла о стремлении народа к достижению материального достатка и духовной гармонии. Мечты китайского

населения естественным образом перекликались с надеждами на социальную справедливость в отношении оказавшихся в Харбине и Шанхае представителей русского народа, что также способствовало достижению взаимного понимания.

На основании этого мы можем сделать общий вывод: «китайский текст» русской литературы эмиграции содержал размышления о «промысле» истории и судьбе человека, затерянного в пространстве и времени, а также о принципах культурной адаптации человека, оказавшегося в «ином» культурном мире. При этом образ Китая в культуротворческой деятельности писателей-эмигрантов нередко мифологизировался (как, кстати, и образ России). Русская литература 1920–1930-х гг. развивала художественные традиции литературы предшествовавших периодов. «Китайский текст» литературы русской эмиграции стал в этот период развёрнутым и многообразным.

Глава VI. КИТАЙ В ПОЭЗИИ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ

Огромную роль в формировании представлений русской диаспоры о культуре Китая и создании развёрнутого образа этой страны сыграла *поэзия* русской эмиграции. Именно поэзия стала наиболее заметной частью литературы русского восточного зарубежья.

Поэзия играла в жизни русской восточной эмиграции особую роль: это было своеобразное «духовное ядро» культуры зарубежья. Русские люди, волею судьбы оказавшиеся в Китае, рассматривали своё пребывание в нём как выполнение особой духовной миссии, направленной на сохранение русской культуры и её традиций. Собственное творчество они воспринимали как новый этап русского Серебряного века и, в первую очередь, его поэтической школы.

В литературе эмиграции была создана *межнациональная* и *кросс-культурная* разновидность «китайского текста», которая существовала как в «прозаическом», так и в «поэтическом» вариантах. «Поэтический» вариант был представлен в стихотворениях А. Несмелова, В. Перелешина, Л. Андерсен, А. Ачаира, К. Батурина, М. Волина, Ю. Крузенштерн-Петерец, М. Коростовец, где воссоздавался мир китайской культуры.

В отличие от *прозаиков* эмиграции, большинство из которых создавало произведения в рамках русского классического реализма XIX в., поэты, жившие на территории Китая, следовали традициям литературы Серебряного века и литературным направлениям этого периода – *символизму* (преимущественно – наследию А. Блока) и *акмеизму* (то есть наследию Н. Гумилёва), реже – *футуризму*. Работая над переводами (или поэтическими переложениями) китайских поэтических текстов, русские поэты нередко экспериментировали с формой стихов (в духе новаций поэтов Серебряного века).

Образ Китая в поэзии русской эмиграции уже привлекал внимание исследователей. Отдельным аспектам этой темы были посвящены статьи Ли Иннань (Инны Ли) [Ли Иннань 2019], Е.Е. Жариковой [Жарикова 2007], Р.Ю. Кучинского [Кучинский

2008], Е.А. Неживой [Неживая 2010], Н.А. Панишевой [Панишева 2012], Н.П. Романовой [Романова 2014]. В 2001 г. вышла из печати антология «Русская поэзия Китая», составленная В.П. Крейдом и О.М. Бакич [Русская поэзия Китая 2001], в которой было опубликовано большое количество стихотворений русских эмигрантов, воспроизводящих образ их «второй родины» – Китая. В дальнейшем последовали издания сборников произведений и собраний сочинений отдельных представителей поэзии [Несмелов 2006; Перелешин 2018].

Менее, чем за три десятилетия существования русского китайского зарубежья было опубликовано несколько десятков таких книг. Известный специалист по культуре русского восточного зарубежья Е. Таскина отмечала: «В 20-е – 40-е годы в Харбине и Шанхае было издано около 60 поэтических сборников» [Таскина 1994: 244], но в них могла быть напечатана только небольшая часть созданных за данный период поэтических текстов. Основное количество стихотворений печаталось в шанхайских и харбинских газетах и журналах (многие из которых не сохранились), а некоторые существовали только в рукописном виде.

Самым распространённым способом издания стихов была публикация в ежемесячных и еженедельных литературных журналах. Наиболее популярным изданием стал еженедельный литературно-художественный журнал «Рубеж»⁵⁸, за время существования которого (1927 г. – август 1945 г.) было выпущено более 860 номеров. Его читали не только в Китае, но и в Японии и Корее, а также в других странах, где жили русские эмигранты, поскольку на его страницах всегда публиковалась информация, вызывавшая огромный интерес читателей. При этом в каждом его номере редакция размещала не менее 6 стихотворений. На его страницах регулярно печатались А. Несмелов, В. Перелешин, а также многие участники поэтического объединения «Чураевка».

Поскольку опубликовать свои произведения поэтам (особенно молодым) в периодике (а тем более в виде отдельного

⁵⁸ См.: [Librarium.fr](http://librarium.fr) (Либрариум). Режим доступа: <http://librarium.fr/ru/magazines/frontier> (дата обращения: 12.12.2023).

сборника) было достаточно сложно, поэзия функционировала в «устной форме», то есть зачитывалась (и обсуждалась) авторами во время поэтических вечеров, на заседаниях литературных объединений (кружков), в процессе личного общения (и в этом аспекте литературная жизнь русского восточного зарубежья также следовала «салонной» традиции Серебряного века). В. Перелешин в связи с этим писал: «...Мне известно около шестидесяти имен поэтов, как пользовавшихся широким признанием в дальневосточных центрах русского рассеяния – Харбине, Шанхае, Таньцзине и Пекине, так и малоизвестных и оставшихся вовсе незамеченными» [Перелешин 1972: 255].

В 1970-е гг. В. Перелешин, иронически характеризуя литературную жизнь Харбина, писал:

Читал я много, жадно, скоро
поэтов новых без разбора
и что к рукам не мог прибрать,
любовно списывал в тетрадь.
Рукописаньем бережливым
тетрадь заветная цвела,
и для меня она была
библиотекой и архивом:
глотала целые тома
ее линованная тьма⁵⁹.

Таким образом, в Харбине сформировалась большая поэтическая диаспора, в которую вошли представители нескольких поколений. К «старшему» поколению можно отнести поэтов, родившихся в 1880–1890-е гг. Это были люди, чьё мировидение сформировалось в России; многие из них прошли через Первую Мировую войну, были очевидцами событий русских революций и Гражданской войны; некоторые из них стали писать стихи ещё до того момента, как попали в Китай, но окончательно сформировались уже в Харбине в 1920-е гг. К этому поколению принадлежали Н. Алл (1896 – не раньше 1967), Я. Аракин (1878 – не раньше 1945), С. Алымов (1892–1948), А. Ачаир (1896–1960),

⁵⁹ См.: *Перелешин В.* Поэма без предмета / Под ред. С. Карлинского. Холиок: Нью Ингланд Пабл., 1989. 411 с. Песня первая, строфа XLVIII.

Б. Волков (1894–1954), Л. Ещин (1897–1930), Вс. Ник. Иванов (1888–1971), В. Логинов (1891–1944), Е. Недзельский (1894–1961), А. Несмелов (1889–1945), А. Паркау (1889–1954), М. Щербаков (ок. 1890–1956).

К «среднему» поколению поэтов относятся те, кто родился в 1900-е гг.: Т. Баженова (1900–1978), М. Визи (1904–1994), М. Колосова (1901–1964), Ю. Крузенштерн-Петерец (1903–1983), В. Обухов (1905–1949), В. Померанцев (1907–1971), О. Скопиченко (1908–1997), В. Янковская (1909–1996) и некоторые другие.

К «младшему» поколению поэтов принадлежат те, кто родился в 1910–1920-е гг.: Л. Андерсен (1911–2012), Г. Гранин (1913–1934), В. Перелешин (1913–1992), С. Сергин (1910–1934)], Л. Хаиндрова (1910–1986). Его представители уже не были непосредственными участниками трагических событий 1910-х гг.; формирование системы их жизненных представлений происходило уже в Харбине (или Шанхае), а в литературную жизнь диаспоры они вошли уже в 1930-е гг.

Естественно, что поэты, проживавшие в Китае, интересовались культурой страны, в которую они оказались заброшены судьбой. Некоторые из них хорошо овладели китайским языком и занялись переводом как классических, так и некоторых современных текстов китайской культуры.

Первым по времени переводчиком произведений китайской поэзии, как полагают, стал С. Степанов, о жизни и творчестве которого известно крайне мало. Первая изданная двуязычная антология китайской поэзии (включавшая 46 лирических стихотворений, представляющих творчество 33 поэтов династии Тан, а также некоторые стихотворения, созданные в последующие периоды) была опубликована в 1926 г. Я. Аракиным⁶⁰. Другая антология, получившая название «Цветы китайской поэзии», была подготовлена А. и И. Серебренниковыми и вышла из печати в 1938 г. [Серебренниковы 1938]. Переводом произведений китайской классической лирики занимались Ф. Камышнюк

⁶⁰ См.: Век перевода. Русский поэтический перевод XX-XXI веков. Режим доступа: <http://www.vekperevoda.com/1855/arakin.htm> (дата обращения 12.12.2023).

(превосходно знавший китайский язык), В. Март, М. Щербаков и Н. Светлов. Последний работал со стихотворениями поэта XX в. Ай Цина и издал сборник под названием «К солнцу».

Активно интересовался китайской поэзией В. Перелешин – один из лучших писателей русского зарубежья, который неплохо изучил китайский язык и сумел проникнуть в культуру китайского народа, что позволило ему не только переводить произведения с древнего оригинального текста (а не с подстрочника), но и создавать культурологические комментарии к ним. «Поэзия народа, в течение пяти тысяч лет живущего культурной жизнью и, можно сказать, всю свою душу вложившего в свою письменность, представляет собою безбрежный океан. Каждый поэт-классик индивидуален, каждый отличен от всех других, и поэтому обобщения почти невозможны», – отмечал поэт в предисловии к своему сборнику [Перелешин 1970: 1]. Его итоговые сборники произведений китайской лирики, получившие названия «Стихи на веере» и «Тень на занавеске», были опубликованы в 1970-е годы [Перелешин 1970].

В 1968 г. В. Перелешин завершил перевод с подлинника древней мистической поэмы «Ли Сао»⁶¹, приписываемой одному из первых китайских поэтов Цюй Юаню, получивший высокую оценку исследователей [Ли Мэн 1999]; в дальнейшем он подготовил работу над переложением сложнейшего памятника китайской философии «Дао Дэ Цзин», попытавшись передать на русском языке не только его содержание, но некоторые особенности формы (в частности, его ритм).

Работая с китайской поэзией, В. Перелешин экспериментировал с формой, пытаясь найти в русском языке ритмические конструкции, похожие на используемые в китайском стихосложении. Например, в стихотворении «Подражание китайскому» он предложил использовать односложные слова (что характерно для китайского языка):

твой	мир	пря́м
хле́б	да	рты́
я	не	та́м
я	не	ты́

⁶¹ Это произведение было опубликовано в 1975 г.

но	и	здесь
ложь	да	спесь
быль	же	вся
ты	не	я
лег	меж	нас
злой	верст	круг
слеп	скрест	глаз
вял	смык	рук
сух	глаз	блеск
слаб	крыл	всплеск
хил	плеч	двиг
нем	душ	крик

(1930-е⁶²)

[Русская поэзия Китая 2001: 488–489]

К использованию односложных слов и мужских рифм В. Перелешин стремился и при переводе трактата «Дао Дэ Цзин» Чжан Юаньюань 2023А: 168–184]. Следует отметить, что такого рода искания осуществлялись в русле поисков «новой художественной формы», которые вели российские футуристы.

Харбинские писатели-переводчики не ограничивались лирическими произведениями (хотя китайская поэзия занимала основное место в их деятельности). Так, например, создатель первой в Китае русской антологии китайской поэзии Я. Аракин, являлся также автором поэмы «Неприятность в небесах: из китайской мифологии», которая представляла попытку свободного переложения разделов китайского классического романа «Путешествие на Запад» о Царе обезьян Сун Укуне.

Все эти и прочие переводы, выполненные русскими поэтами, могут составить, как выразился Н.Н. Алл, «отдельный томик» – «ценный и сам по себе, и как особый жанр в творчестве наших дальневосточников», и как «источник знакомства» рус-

⁶² Здесь и далее в скобках указывается год написания стихотворения. В тех случаях, когда год неизвестен, указывалось десятилетие его создания или же год вообще не указывался).

ских поэтов с лирической традицией страны их обитания [Алл 2001: 10]. Переводы классической и современной китайской поэзии стали для представителей русского восточного зарубежья основой для дальнейшего постижения страны, на территории которой они проживали, и заложили ядро системы образов и мотивов, в дальнейшем активно использовавшиеся русскими писателями при создании оригинального «китайского текста» поэзии и прозы русского восточного зарубежья (по сути они становились новым «контекстом» в процессе создания произведений, входивших в «китайский текст»).

Харбинские поэты стремились создать в своих произведениях образ Китая, в котором бы органично были уравновешены мотивы, связанные с прошлым Китая, его традиционной культурой и философией, своеобразной природой, – с одной стороны, – и с противоречивой современностью – с другой.

Произведения поэтов наполнены описаниями событий древней китайской истории (которые заимствованы из литературы), реалий повседневной жизни, наблюдаемых на улице сценок, традиционных национальных праздников. Примером таких произведений могут быть стихотворения «В Храме Ми-Син» Т. Андреевой (1931 г.), «Ханьчжоу» А. Ачаира (1939 г.), «Про Москву» Л. Ещина (1927 г.), «Поезда» А. Несмелова (1930-е гг.), «Хуцинь» В. Перелешина (1943 г.), «Неизвестность (Арсению Несмелову)» М. Щербакова (1922 г.), «От одного костра» В. Янковской (1930 г.) и многие другие.

В «китайском тексте» поэзии русской восточной эмиграции 1920–1930-х гг. можно выделить две разновидности произведений, в основе классификации которой будет находиться «художественное время»:

1. Воспроизведение *прошлого* Китая, нередко идеализированного (обращение к традиционной философии, истории, культуре страны; воспроизведение китайских классических литературных сюжетов; описание системы религиозных принципов). В качестве примера можно назвать стихотворения «Нарцисс» (Моей маленькой подруге Шу-хой) Л. Андерсен, «Ми Син» (1931) Т. Андреевой, «Песня весны во дворе» (из китайской поэзии; 20 апреля, 1929) А. Ачаира, «Нё-Н» (1930) К. Батурина, «Два храма» (Шанхай, 1930) Л. Гроссе, «Китайская шкатулка»

(1941) М. Коростовец, «Китай» (1942) В. Перелешина, «Лотос» Е. Рачинской.

2. Воспроизведение противоречивой современности Китая и связанных с ней проблем: социального неравенства, угнетения человеком человека, голода, тяжести труда...). В качестве примера укажем на стихотворения «Ханьчжоу» (14 февраля 1939) А. Ачаира, «Стихи о Китае» (Помню дымки от походных жаровень...») М. Волина, «Дракон, пожирающий солнце» Б. Волкова, «Беженец» Л. Ещина, «О, сунгарийская столица!» В. Логинова, «Мизинцы» В. Марта, «Гряда»⁶³ А. Несмелова, «Харбинская весна» А. Паркау, «На улице» Н. Светлова, «Курильщик» (1921, Сингапур) М. Щербакова, «В Маньчжурии» (1920-е) Е. Яшнова.

На практике оба способа организации художественного времени в конкретных художественных произведениях могли тесно переплетаться и взаимодействовать.

Образ Китая в лирике русских поэтов нередко идеализировался и эстетизировался. Это было особенно для ранних произведений поэтов и, в первую очередь, в стихотворениях – пейзажных зарисовках, в которых воспроизводились события исторического прошлого. Таково, например, стихотворение «Пустой начинаю строчкой...» А. Несмелова:

А небо очень зелёным
Становится от зари
И светят в глаза драконам
Бумажные фонари.

[Литература русских эмигрантов 2005, 2: 199]

Нередко, изображая Китай, поэты следовали принципам китайской лирики (известной большинству авторов из переводов, выполненных харбинцами), а также китайской каллиграфии и живописи. Н. Панишева, анализируя лирику А. Несмелова, посвящённую Китаю, отмечает: «...Богатство палитры обусловлено влиянием на творчество Несмелова китайской поэтической традиции. <...> Несмелов создаёт детальные изображения, подобные стилизованным китайским картинкам. Статичность стихов <...> может восприниматься как символ жизни древней

⁶³ Стихотворение не включалось в основные прижизненные сборники.

страны. ...Отсутствие динамики позволяет поэту запечатлеть китайский пейзаж, наполненный глубоким философским смыслом» [Панишева 2012: 101–102].

Живописностью, связанной с восхищением и любовью к Китаю, пронизано стихотворение В. Перелешина «Китай»:

...Это небо – как синий киворий,
Осенявший утерянный рай,
Это милое жёлтое море –
Золотой и голодный Китай.

Я люблю эти пёстрые стены,
Эти дворики, сосны, цветы.
Ах, не всем же, не всем же измены:
Сердце, верным останься хоть ты!..

(1942)

[Литература русских эмигрантов 2005, 2: 521]

Завораживающая картина природы, передающая душевную гармонию лирического героя, показана в стихотворении «Сянтаньчэн»:

...Сянтаньчэн – за холмом прохладным:
Днём туда голуби летят,
А потом фениксом нарядным
В Сянтаньчэн прячется закат.

В Сянтаньчэн просятся улыбки,
В Сянтаньчэн сходятся мечты.
Про него всхлипывают скрипки,
На него молятся цветы.

А когда бархатное знамя
Тишины ляжет на холмы,
Я спешу, окрылённый снами,
В Сянтаньчэн из моей тюрьмы...

(11 октября 1948)

[Там же: 534]

Чувственное описание природы Китая создал А. Ачаир. В стихотворении «Песня весны во дворе», стилизующем отдель-

ные особенности традиционной китайской поэзии, весна представлена в виде изящной китайской девушки, а окружающая её природа описана невероятно изысканно, тонко и чувственно:

День вчерашний гас под ветром; ветер с вечером в родстве.
На колодезь пухом бледным падал персиковый цвет.
Круг луны качался в небе в чарах грёз и небылиц,
И роса слетала в блеске на изгибы черепиц.

А из залы – звуки лютни, льстивый шёпот тихих флейт,
Заглушенный, юный, юный, – в полу мрак густых аллей...
Двери настезь – слышен топот, барабан и шорох ног,
Слышен трепет, шелест шелка, пряность пахнущих цветов...

Сквозь бамбуковые ставни сад пустынной и темней.
На задумчивой поляне – блики света и теней.
В этих тенях, тканях словно, в чуткой призрачности сна
Спит застенчивой и томной гибкой девушкой – весна.
(20 апреля 1929)
[Там же: 316]

В стихотворении А. Ачаира «Ханчжоу» поэтическое восприятие традиционного Китая («в зеркале вод отражались священные древние храмы»; окружающий мир наполняет «томительный запах курений от гнувшихся к водам глициний»), переплетается с изображением повседневной китайской городской жизни («как пчёлы и осы, звенели, жужжали и скрипки, и лютни»):

И был только он, только отдых. И сон, и полёт в беспредельность,
И скрипки, и лютни, и цитры, и радостный крик окарины,
И дрожь трепетавшего гонга, и млечность, и вечность, и цельность,
И – облачный ладан, и звёзды, и – путь в поднебесье орлиный.
(14 февраля 1939)
[Там же: 322]

Детальное описание китайской природы (а именно, сумерек над водами – в этом образе можно обнаружить влияние традиционной китайской поэзии) появляется в стихотворении поэтессы М. Визи «Китайский пейзаж» (В небе сонном и алом):

Над зелёным каналом
И над рощей бамбука,
В небе сонном и алом
Ни дыханья, ни звука.

Там, где сгустилась
Предвечерняя мгла,
Остановилась
Звезда, взошла;

В объятую сном
Воду канала
Белым пятном
Упала...

(1937, Шанхай)
[Там же: 343]

В её же стихотворении «На китайском хуторе» представлена картина тихого, спокойного вечера:

Точно кружевом, одетый тиной,
На закате тихо спит канал.
Высоко над хаткой и плотиной
Жёлтый месяц остророгий встал.

Вот покойный и приятный жребий –
Как сказать: неласкова судьба?
В фиолетовом вечернем небе
Тонких листьев чёрная резьба.

(1937, Шанхай)
[Там же: 343]

В стихотворении Т. Андреевой «В храме Ми-Син» описание быта сельских жителей и их традиционного мировосприятия тесно переплетено с китайской символикой:

Пейзаж китайский примитивно прост.
Тут верная жена нашла блаженство,
Чешуйчатый дракон свивает в кольца хвост
И тайных знаков страшно совершенство.

В одеждах длинных старец и монах,
Безмолвные, о чем-то грозно спорят;
Потоки золота в округлых облаках
Бросают свет на розовые горы.

И женщины, сгибая тонкий стан,
Храня торжественность на плоских лицах,
Следят, как медленно уходит караван
Нестройною и пестрой вереницей.

(1931, Харбин)

[Там же: 304–305]

Лучшие качества китайского человека – глубина душевной искренности, внутреннее достоинство и доброта, отражённая в описании нищего, который, поддавшись естественному порыву, дарит обеспеченной женщине-иностранке нежный цветок лотоса, и оскорбляется, когда взамен цветка ему предлагают деньги, представлены в сонете Е. Рачинской «Лотос»:

Китая бедный сын, оборванный и грязный,
Едва прикрыта бронза, нагота...
На голове лоскут, убор своеобразный.
Его удел работа, нищета...

Полудикарь и я... О, как во всём мы разны,
Но сблизила нас странно красота:
Едва раскрывшийся, восторг мечты экстазной,
Цветок священный, лотос, чистота.

Ладонью защитив, он нёс его так нежно.
«Эй!» – и монет соблазна полный звон.
Как удивлённо оглянулся он!

Жест отрицания был царственно небрежен!
Раздумье... Узких глаз мгновенный блеск и жар,
И лотос он, бедняк, мне протянул, как дар!

[Там же: 563]

Для представителей русской эмиграции была важна тема *памяти* и *времени*. Особенно значимой она была для тех, кто жил в Китае и очень плохо представлял, что может их ожидать в будущем. В силу этого восприятие ими современной китайской действительности нередко мифологизировалось: они ощущали себя «скитальцами», потерявшими свой путь и оказавшимися на границе миров (России – Китая, прошлого – будущего, жизни – смерти). Дорога назад, в Россию, как понимали многие из них, была для них закрыта; недоступной для большинства из них была и дорога на Запад (в Европу или Северную Америку); надежды адаптироваться к жизни в новой стране и полностью «превратиться» в китайцев у них не было (к тому же Китай в 1920–1930-е годы сам находился в сложной исторической ситуации гражданской войны внутри страны и её внешней оккупацией со стороны Японии). Поэтому многие представители русской эмиграции находились в состоянии размышлений о будущем своего «культурного анклава» и о своей личной судьбе, а в их произведениях постоянно присутствовали мотивы неизвестности грядущего будущего и неотъемлемой тоски по родине.

Н. Светлов в стихотворении «На улице» проводит аналогию между слепленными продавцом на рынке фигурками из теста и судьбами людей. «Китаец лепит фигурки из теста, его окружает толпа зевак», которых он умеет мастерски зазывать благодаря вылепленным им статуэткам «чиновников важных», цена которым «пятак, чтоб прожить два дня». В итоге поэт делает закономерный для русского эмигранта вывод:

...Фигурки из теста! Так странно схожа
Судьба ваша – с чёрной судьбой людей;
Но только за жизнь мы платим дороже,
И мачеха-Жизнь к нам ещё лютей.

[Там же: 592]

В стихотворении А. Ачаира «В фруктовой лавчонке» описание традиционного китайского уклада переплетается с воспоминаниями о миновавших днях молодости:

...Рыбацкая воля,
Купцовая леность,

Буддийская вечность
И жёлтый закат.

И нежные зори.
Кристалльность. Нетленность.
Нирвана. Беспечность.
Нефрит и агат.

Но пенится пиво
Из западных бочек –
Студенческих игр и
Веселья завет.

Мы пьём торопливо.
Рот жаждет и хочет –
На час ли, на миг ли –
Вернуть, чего нет:

Шумливые годы,
Звнящее время,
Поющую юность
Не пьяненький джаз...

– Ты снова про годы,
Про время и бремя?
За старую... юность?
А я – за сейчас!

(1938)

[Там же: 321]

Национальные особенности китайской культуры в традиционной для неё иносказательно-символической форме можно обнаружить в стихотворении Л. Андерсен «Нарцисс» (Моей маленькой подруге Шу-хой):

...Шуй-сен хуа – цветок нарцисса...
Тонкой струйкой вьётся запах сладкий,
Словно чьё-то вкрадчивое пенье,
И ведут дремотные ступени

Вас в страну мерцающей загадки,
Где поёт, колдуя, запах сладкий...
Словно стебли, ваши пальцы гибки...
На халатике, как в пёстрой сказке,
Бродят взбудораженные краски,
Плавают серебряные рыбки
Меж стеблей, как ваши пальцы, гибких...

[Там же: 296]

Поэт Б. Бета в стихотворении «Маньчжурские ямбы» размышляет о традиционном китайском укладе жизни, о спокойном и умиротворённом мировосприятии, в котором так нуждается лирический герой. В его мире царит «маньчжурский неподвижный зной», солнце уподобляется «огненному ореху»; в него приходит «тоска», которая своей «лёгкою рукой» прикасается к герою, после чего у него появляется желание «поплыть, а то отправиться пешком с бродячим за спиной мешком» туда, «где с башнями углы оглиненных кизячьих стен», и «раскрывает свет испепеляющий дракон», – туда, где «флейта плачется светло, а музыкант на ней – слепой»:

... Не раз задумывался я
Уйти в глубокие края,
И в фанзе поселиться там,
Где часты переплёты рам;
Бумага в них, а не стекло,
И кана под окном тепло.
На скользкую циновку сесть,
Свинину палочками есть
И чаем горьким запивать;
Потом курить и рисовать,
Писать на шёлке письма –
И станет жизнь моя ясна,
Ясна, как сами письма.

(1923, Харбин)

[Там же: 334]

Ощущением тоски по родине, смешанной со странным чувством автора «своей – чужой» на территории Китая наполнено

стихотворение Э. Трахтенберг «Письмо матери». «Опять в печали сердце сжалось» – восклицает поэтесса, – «здесь чужие лица, чужой восход, чужой закат», однако тут же следует признание: «...Но я такую же осталась и родиной зову Китай!..». Строки стихотворения полны противоречий и отражают внутренние метания:

Как хорошо вдруг стать здоровой,
Писать поэмы на лету!..
Но я опять уже готова
Тоскливо кашлять в темноту.
Здесь горы, словно тень Урала,
Где детства светлая печать.
Я там когда-то умирала
И... умираю здесь опять.

[Там же: 625]

В конце стихотворения поэтесса подчёркивает, что ею давно утеряна грань между современной жизнью в Китае и «чёрными днями» – началом «наших неудач» в России:

...Как всё прошло, как всё далеко,
Зачем такой излом в пути?
И тропы к Дальнему Востоку
Не так легко теперь найти...

И ты, я знаю, твёрдо знаю,
Наверно, плачешь обо мне,
А я уже не вспоминаю
Начало страшных, чёрных дней.

Про эту боль и эту жалость
И ты совсем не вспоминай...
Ведь я такую же осталась
И родиной зову Китай

[Там же: 625–626]

В стихотворении К. Батурина «Нё-Н» Китай уподобляется очаровательной молодой девушке (сопоставление Китая с девушкой было традиционно для поэзии русской эмиграции), об-

раз которой ассоциируется с утончённым, изысканным, нежным, воздушным и лёгким чувством:

Ранней весной цветёт вишня,
Голубой далью – неба край;
В простые четверостишья
Нежность собрал Китай.

Лепестки легли на лике,
Чёрен в узком разрезе глаз.
Разве скажешь – губы дики.
Не целованные не раз.

Чарует изгибом тела,
Точённостью линии рук –
Чудеснейшая новелла,
Изысканная, как бамбук.

И мурлыкающей песней
Баюкает тихие дни,
Чтоб стала душа небесней,
Ласковой; «Во ай ни»

(1930, Шанхай)

[Там же: 327]

С другой стороны, у этого же поэта в стихотворении «В пути», мы встречаем мотивы безысходности и невозвратности времени, поток которого стирает за собой всё то, что когда-то было ценным, важным и незыблемым – как в пространстве природы, так и в культурной памяти людей:

...По ступеням – камням щербатым –
Время царственно протекло,
И день угасает ровным закатом,
Хотя ещё светло.

Из серого гранита тупорылый лев
Ничком лежит в бурьяне.
И никто не прочтёт нараспев
Надписи на кургане.

Столбы могилы обвивает плющ,
Тропинкой стала аллея.
Кому же войти под полог куш
Молитвенно благоговей?

От старой кумирни остались обломки
В стёртых узорах знаков.
В заросли тополей бамбук тонкий
Растёт из могил монахов.

(1930, Гора Тутовых Деревьев)

[Там же 327–328]

В поэзии русского зарубежья Китай не только мифологизировался, но и *демифологизировался*. Картины противоречивой реальной жизни страны, воспроизведение стоящих перед ней социальных и культурных проблем создавали сложный образ. «В стихах русских эмигрантов разрушены европейские мифы о Китае как стране варваров, умирающей древней цивилизации, застывшей в своей косности, в них воссозданы детали бытовой жизни современности, в них содержатся размышления о фактах и героях китайской истории, о её культурных феноменах, о ментальной природе человека Востока», – отмечает О. Романова [Романова 2014: 181].

Религиозно-философские вопросы ставятся в стихотворении Л. Гроссе «Два храма». Оно демонстрирует, как в жизни русских эмигрантов менялась система ценностей и как они подходили к принятию буддийских представлений о жизни:

...Печален был рассказ монаха.
Он молвил: «Раньше на горе,
Не чуя перед Буддой страха,
Католик жил в монастыре.
Он нас топтал. Да, но однажды
Раздался ночью страшный гром,
И почва затряслась. Потом
Огонь небес ударил дважды,
И глыбы сокрушённых груд
Мгновенно сорвались с вершины
И, сталкиваясь там и тут,

Скатились с грохотом в долины.
Как видишь, наш любимый храм,
В ту полночь не задели груды,
И мы, как встарь, пред ликом Будды
Возносим славу Небесам!»

(1930, Шанхай)

[Там же: 377]

С этим произведением Л. Гроссе созвучны стихотворения К. Батурина «В пути» и «Китайская шкатулка» М. Коростовец, в котором выражены философские размышления о смысле бытия и о тленности бессмысленно прожигаемой жизни:

...Так скользит любовь, так скользит пророк,
Сводит с жизнью беспристрастный счёт.
На ларце дракон, воплощённый рок,
Продолжает в даль, в вечность свой полёт.
Он летит один между синих струй,
Средь кудрявых туч, через цепь веков,
Изогнувши мост золотых чешуй,
Равнодушный к лжи человеческих снов.

(Январь 1941, Пекин)

[Там же: 443]

М. Волин в «Стихах о Китае» («Над широкою жёлтой рекою...») описал увиденный им в китайских людях внутренний духовный накал, который когда-то должен вырваться наружу и сокрушить окружающий мир:

...Нас мильоны, похожих, единых,
С жёлтым телом и сердцем, как медь,
Мы когда-нибудь хлынем лавиной,
Приносящей мгновенную смерть.

Подожди, мы ещё не проснулись,
Подожди, наше время придёт.
Мы, как пчелы, закрытые в улей,
Копим мщения сладостный мёд!

[Там же: 352]

В чём-то созвучно с произведением М. Волина стихотворение Б. Волкова «Дракон, пожирающий солнце», в котором поднимается важная для XX в. тема социального и экономического неравенства. В жизни общества и жизни природы нет истинного выбора, как и нет настоящего счастья: всё оказывается «чужим», всё покупается и всё продаётся, а бедные вынуждены подчиняться богатым. В последней части стихотворения формулируется буддийская мудрость о смысле бытия и о приоритетах жизни человека:

... Усталый, я сел на обломок гранита,
Снял шляпу... Буддийский монах,
Измождённый старик, еле слышно
Прочёл полустёртую надпись:
«Один –
Ищет только любви
И не находит
В частых сменах женщин всех рас...
Другой – мечтает о золоте
И избивает рабов
В сырых рудниках далёких северных гор
Или запирается в душных лавках,
Продаёт и меняет
И думает все купить...
Третий – ищет лишь славы,
Если он честен... Или думает мир поразить
Необычайным и новым,
Как будто бы все не исчерпано в мире до дна!
Люди живут,
Ибо жить надо.
А ты?
Ты мечешься на перепутьях
И, изведав много дорог,
В лучах заходящего солнца
По стёртым другими плитам
Вдруг находишь забытый путь
Сюда – под вечные сосны»...
... Когда ветер колышет колокольчики,

В виде древнего лотоса
На крыше храма –
Они издают мелодичный звон⁶⁴.

(Калган, ущелье Северного Китая)

[Там же: 360–361]

Русские поэты, следуя традициям русской классической литературы XIX века, стремились раскрыть противоречия своего времени и выразить сочувствие к традиционному персонажу русской литературы – «маленькому человеку» (в данном случае – китайскому труженику, рабочему или – что чаще – крестьянину). В стихотворении А. Ачаира «Сунгари» описывается тяжёлый труд китайского рабочего «с запотелой грудью», который работает под «раскатанной, как лепёшка в маньчжурской муке голубой лазурью» на «молочной, жирной и хищной» реке, где «от тихих легенд, от мечтательных будд – явь забила в слезах и песке» [Литература русских эмигрантов 2005, 2: 316]. Благодаря точным описаниям действительности создаётся картина сложной и напряжённой жизни, а в сознании читателя возникает ощущение сочувствия и сострадания к его непростой жизни.

У большинства российских эмигрантов преобладало трагическое мировосприятие, которое нередко выражалось и через их интерпретацию Китайской действительности. Ощущением безысходности и пессимизма пропитано стихотворение А. Паркау «Харбинская весна»:

Харбинская весна... Протяжный вой тайфуна,
Дыханье стиснуто удушливой волной,
В зубах скрипит песок, и нервы, точно струны,
Дуэт безумных дум с безумною весной.

Где запах первых трав? Разбрызганные льдинки?
Великопостных служб томящий душу звон?
На вербах розовых прелестные пушинки?
Базаров праздничных приветливый гомон?
Харбинская весна... В разгуле общей пляски

⁶⁴ Текст интерпретировался как перевод стихотворения поэта династии Тан Цуй Хао.

Кружится дико жизнь в бесправьи и чаду,
Кружится прошлое, напев забытой сказки,
Мучительный кошмар в горячечном бреду.
<...>

[Там же: 508–509]

В аналогичном ключе написано стихотворение В. Иевлевой «Город Харбин», в котором говорится о продажности, фальши, бездушности современного китайского города (вообще описание жестокого и бездушного современного города – идущее от литературы Серебряного века – было характерно для поэзии китайской эмиграции). Пекин представлен читателю как «странный город блеска, денег и наживы», «преступный, может быть, красивый, яркий и безличный, шумный и чужой». Это город, «Где цветы не знают аромата, / Город странных мыслей и дурманных снов, / Где ничто не честно, где ничто не свято», в нём «Сквозь маску пёстрого наряда / Смотрит полудикий сумрачный Восток», а «в душе последний гаснет огонёк», в этом городе «сжигаешь силы в призрачной борьбе» и всё это настолько остаётся в памяти, что поэтесса, как бы подводя итог вышеописанному, заключает:

...Весь в больном стремлении, весь в большой тревоге,
Ты сжигаешь силы в призрачной борьбе,
Город, где скрестились пыльные дороги,
Я в свой час последний вспомню о тебе.

[Там же: 414]

Близкими эмоциями наполнено стихотворение Ю. Крузенштерн-Петерец «China doll» (Владимиру Померанцеву):

Барабанил по клавишам. О зачем эти руки боксёра?
Каждый взмах – зуботычина. И казалось, что бедный Шопен
Обливается кровью. Но, случайная, с вёрткостью вора,
Серебристая нота над сыростью стен.
Музыкант не слышал её. Словно оглохший от грома,
Продолжал молотить – все равно ничего не поймут.
Обломалась педаль. Он вскочил. Он налил себе рому,
Отвернулся и плюнул: «Дурацкий прелюд!»
А душа-то болела. Болела по-русски, бешено.

Он с проклятиями трижды измерил прокуренный холл.
На рассвете кантонском, после ночи крошечной,
Узкоглазая девушка. Он её называл China Doll.
Да и та не спасла. Пистолет или яд?
Ничего не известно. Не говорят.

[Там же: 450–451]

Атмосфера уныния, тягучего сна и абсолютной индифферентности выражена в стихотворении М. Коростовец «Пекин»:

Самый странный город в свете,
Город ярких крыш,
Над тобою цепь столетий
Пронеслась – ты спишь!

Величавые громады
Храмов и дворцов
Под немолчный звон цикады
Видят стаи снов.

И задумчивые ивы
В зеркале озёр
Наблюдают сиротливо
Лотосов ковёр...

[Там же: 442]

Похожая мысль выражена в стихотворении Е. Яшнова «В Манчжурии», в котором показаны размышления об итогах жизненного пути:

Судьбы запутанный итог,
Сводимый говором копыта.
Пыль сладковатую дорог,
Цвета и гам чужого быта,
Чужой пейзаж, чужой порог,
Восточной девушки ланиты
И речи кружево чужой
Люблю бродяжною душой...

(1920-е гг.)

[Там же: 694]

Абсолютно безрадостную картину жизни китайских горожан рисует в стихотворении «О, сунгарийская столица...» В. Логинов:

О, сунгарийская столица!
До гроба не забуду я
Твои мистические лица
И жёлтые твои поля,
Бегущего рысцою рикшу,
Твоих изысканных «куpez»,
Шёлк платья, ко всему привыкший,
Твоих шаланд мачтовый лес,
И звонкой улицы Китайской
Движенья, шумы и огни,
И тяжкий скрип арбы китайской,
И солнечные в зимах дни,
И Фудзядяна смрадный запах
От опия и от бобов,
И страшных нищих в цепких лапах
Нужды и тягостных годов.

[Там же: 472–473]

Глубинную боль, вызванную оторванностью от родины и ощущение чуждости и ненужности на чужбине, выражена в стихотворении Л. Ещина «Беженец», в котором автор раскрывает тяготы и лишения русских иммигрантов в Китае. В нём автор описывает бедственное состояние лирического героя, который «замерзают от стужи» и от голода («опять семь дней не обедаю»), и, подводя итог своему жалкому существованию («не живу, а жизнь свою мыкаю»), заключает в итоге:

... И, занывши от старых ран,
Я молю у Тебя пред иконами:
«Даруй фанзу, курму и чифан
В той стране, что хранима драконами».

[Там же: 399]

Примерно в таком же ключе ведущий харбинский поэт А. Несмелов в стихотворении «Грядя» описывал сложную жизнь и тяжёлый труд китайского рабочего, который, однако, тягости

и лишения своей жизни воспринимает (в соответствие с особенностями национального характера) как «сладкое иго»:

...Китаец, до пояса голый.
Из бронзы загара литой,
Не дружит с усмешкой весёлой.
Не любит беседы пустой.

Уронит гортанное слово
И вновь молчалив и согбен –
Работы, заботы суровой
Влекущий, магический плен.

Гряды, частокол да мотыга,
Всю душу в родную гряду!
Влекущее, сладкое иго.
Которого я не найду!

[Там же: 218]

А. Несмелов в своём поэтическом творчестве (а также в написанных им публицистических статьях, фельетонах и рассказах) представил яркий образ противоречивой духовной атмосферы Харбина и поэтические портреты его обитателей.

Эти темы раскрывались и в произведениях других харбинских поэтов. Описание сомнительного «счастья» двух китайских друзей, бедняков-рабочих – поход в опиумную курильню – описывает В. Март в стихотворении «Мизинцы»:

...Из Фудзядяна, Модягоу –
Один в харчевне половой,
Другой прислужник у портного –
Друзьям свидаться довелось!

И вот без слов и уговора
Их путь медлительный решён:
На сан-де-ге к жестяному забору –
В опекуительный притон.

И только в судорогах ожога
Трещащий масляный фитиль
Мизинцы выпрямит... и оба
Прильнут на скомканный настил!..

[Там же: 478]

В творчестве русских поэтов нередко использовались традиционные китайские символы. Так, например, образ-символ *неба*, как правило, использовался для поэтического описания китайской модели мира (врата в вечность, знак мира и покоя), в то время как для русского лирического героя оно всегда оказывается «далёким» и «холодным». Образ-символ *орхидеи* применялся поэтами для передачи женственности, изящности, утончённости, добродетельности и красоты; *жёлтый* (золотой, бронзовый) *цвет* – как постоянный символ Китая. Часто использовались поэтами образы-символы *воды* (который был наделён двойной семантикой: очищение, преобразование, омовение и смерть, непредсказуемость проявлений природы) и *огня* (выражающего творческое начало, а также свет и тепло, связанные с домашним уютом).

На протяжении 1920–1930-х гг. «китайский текст» русской поэзии постепенно изменялся: от ранних романтико-идеалистических (и во многом иллюзорных, идущих от литературы) представлений о Китае как «экзотичном Востоке», потаённой, неразгаданной и непостижимой стране, – к глубоким историко-философским размышлениям о судьбе своей «второй родине» и о месте в этом пространстве занесённого туда трагическими событиями истории «русского скитальца».

В то же время «китайский текст» русской поэзии оставался органичной частью русской культуры и наследовал традиции русской классической литературы «Золотого» и «Серебряного» веков. Это, прежде всего, стремление не только показать её необычный «восточный» колорит, но и понять, принять «чужую» культуру, проникнуть в глубины её философии и религии (понять и принять положения буддизма, даосизма и конфуцианства, постигнуть глубокую сущность «китайских иероглифов, тайны древних храмов»), сделать её «своей», – с одной стороны, – и раскрыть традиционную жизнь китайского народа, выразить

сострадание к «маленькому», «простому» человеку (прежде всего крестьянину) – с другой.

Таким образом, анализ поэзии русских эмигрантов, проживавших в Харбине, показывает, что в их творчестве сформировался развёрнутый и многообразный «китайский текст», в котором была создана картина жизни китайского народа.

Изображая Китай, русские писатели создали систему связанных с китайской культурой символов, органично вытекающую из традиционной китайской культуры. В её основу легла *система мотивов* и *особых ключевых слов* («дракон», «феникс», «лотос», «орхидея», «бамбук», «чумиза», «джонка», «фанза», «гаолян», «рикша», «веер», «шёлк», «чай» и некоторые другие). «Сопки Манчжурии, жёлтая Сунгари, лица, виды, уличные сценки, китайские виньетки, музыка, праздники, заклинания, тайфуны, драконы, храмы, рикши и даосские боги – все это густо, цветисто, одушевлённо впервые пропитало ткань русского стиха», – отмечал В.М. Крейд, характеризуя русскую поэзию Харбина и Шанхая 1920–1930-х гг. [Русская поэзия Китая 2001: 24].

В поэзии и прозе русского восточного зарубежья нередко отражался специфический *диалект* русского населения Китая, в котором часто использовались приближенные к русскому произношению имена собственные (названия китайских городов и имена людей), а также отдельные китайские слова, адаптированные под русскую речь («чифан», «курма», «маджан», «джонка», «фанза», «кан», «гаолян», «ходя», «кули»). В дальнейшем эти слова и мотивы в сознании эмигрантов стали однозначно связываться с китайской культурой и широко использовались русской художественной литературой и публицистике (в том числе советской и постсоветской), а также в художественных переводах текстов с китайского языка на русский.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В российском обществе на протяжении XVIII–XIX вв. постоянно усиливался интерес к философии, культуре и искусству Китая, что было вызвано взаимным притяжением двух соседних стран как в области политики, так и в других сферах жизни.

Обращение писателей к мотивам, образам и сюжетам, соотносившимся с китайской культурой, во второй половине XVIII в. привело к возникновению в российской культуре специфического «китайского контекста». Его стремительному развитию способствовали научные исследования и переводы произведений философско-этической, правовой, исторической и художественной словесности, выполненные российскими синологами. Китайский контекст русской культуры имел общеевропейскую форму, но наполнялся специфическим российским содержанием; он оказывал влияние на развитие словесности, архитектуры, живописи, садово-паркового и декоративно-прикладного искусства, оформление интерьеров и даже женскую моду.

Понимание китайской культуры первоначально было поверхностным, а жизнь китайского народа, сущность его традиций и стоящая за ними философско-этическая система оставались вне сферы внимания российского общества и не сопровождалась углублённым «интеллектуальным» интересом к этой стране.

В 1830–1840-е гг. в русской культуре стал формироваться «китайский текст», который, с одной стороны, способствовал развитию в общественном сознании *представлений о Китае* (или «образа Китая»), с другой – сам становился способом размышлений о судьбе России и её месте в мировой цивилизации. В это время были опубликованы произведения, описывающие Китай, в которых использовались сюжеты и образы китайской культуры и содержались размышления о судьбе Китая (чаще всего – в сопоставлении с судьбой России), а собственно «китайский текст» русской литературы ещё не отделился от «китайского контекста» национальной (и европейской) культуры.

«Китайские» текст и контекст находились в состоянии постоянного взаимодействия: «контекст» во многом определял соответствующий ему тематический «текст», который, в свою

очередь, обуславливал функции и структуру «текста». Большую роль в формировании «китайского текста» и «китайского контекста» играла деятельность российских путешественников, журналистов, переводчиков и синологов. Исследования китайцев, публиковавшиеся во второй половине XIX в. (В.П. Васильева, И.А. Гашкевича, о. Палладия [Кафарова], А.А. Татаринова, М.Д. Храповицкого, и некоторых других), адресованные широкому кругу российских интеллигентов, становились органичной частью сознания читающей публики, проявлявшей характерную для русского национального самосознания открытость к «чужой» культуре.

В XIX в. «китайский текст» стал органичной частью национальной культуры. Российских писателей и читателей привлекли идеи китайских мыслителей о предназначении человека, сущности добра и справедливости; их заинтересовала история Китая, в которой можно было найти многочисленные параллели с историей своей отчизны. Китай предстал для российской публики не только местом производства «экзотических предметов», но и источником идей, сюжетов и образов. «Китайские образы» стали аллегорической формой для выражения важных для русских писателей гуманистических ценностей (произведения А.К. Толстого, В.М. Дорошевича) и одновременно способом их проверки (философские трактаты Л.Н. Толстого).

«Китайский текст» активно взаимодействовал с разными направлениями русской классической литературы «золотого» и «серебряного» веков: романтизмом, символизмом, акмеизмом, футуризмом. Основную роль в нём играли *реалистические* традиции русской литературы. В «китайском тексте» русской литературы, сформировавшемся во второй половине XIX в., Китай был экзотичной, «загадочной» для читателя страной, в связи с чем для китайского текста русской литературы особенно важными оказались проблемы *восприятия* и *интерпретации*. При этом можно отметить, что «китайский текст» (начиная с первых десятилетий XIX в.) активно взаимодействовал как с «элитарной», так и с «массовой» литературой.

Основными жанрово-стилевыми разновидностями «китайского текста» русской литературы XIX – начала XX в. стали описания путешествий (травелоги), разнообразная публицистика

(«трактаты», «этюды», очерки), отдельные повести и рассказы, аллегорические литературные сказки, а также поэтические циклы и отдельные стихотворения.

Произведения, формировавшие «китайский текст» русской литературы, с одной стороны, раскрывали перед читателями историю и природу Китая, показывая обычаи и культурные достижения населяющих его народов (тем самым делая его понятным для читателей); с другой стороны, они иногда связывались с представлениями о «бегстве» в идеальный «иной» мир, с поиском недостижимой в «обычном» мире гармонии, с мотивами «рая» и «благодатной земли», где человек может обрести покой и совершенство.

В разнообразных «этюдах» и «трактатах», посвящённых Китаю, содержались публицистические размышления русских писателей и журналистов о перспективах развития «западных» и «восточных» цивилизаций. Важнейшей частью «китайского контекста» и «китайского текста» русской культуры оказались размышления о России (в сопоставлении с Китаем). «Китайский текст» способствовал разрушению европоцентристских представлений (работы А. Хомякова и Н. Данилевского), став необходимой частью раздумий о закономерностях, парадоксах и перспективах развития самой России (работы П. Чаадаева, Ф. Достоевского, Вл. Соловьёва). Русские писатели и публицисты выступали против агрессивной политики европейских государств по отношению к Китаю и выражали своё сочувствие к страданиям китайского народа.

Формирование в русской культуре развёрнутого «китайского контекста» и многообразного «китайского текста» стало не только важным источником информации о соседней стране, но и материалом для размышлений о самой России и о проблемах её исторического развития.

Для российских писателей (в частности, И. Гончарова, Л. Толстого, В. Дорошевича, А. Амфитеатрова и др.) и читателей Китай оказался интересен как особый *мир*, который, с одной стороны, противопоставлен России, а с другой – во многом похож на неё, – как мир, реализующий *иной* вариант развития страны. Труды китайских мыслителей по мнению некоторых писателей (например, Л. Толстого) указывали русскому челове-

ку «путь», гармонично сочетающий понимание и ценность «своего» и «чужого».

В конце XIX и начале XX в. представления российского общества о Китае, существовавшие ранее в виде набора несложных стереотипов, существенно углубились и конкретизировались. Это произошло вследствие расширения сферы контактов между странами, а в дальнейшем – возникновения на территории Китая русских анклавов Харбина и Шанхая, что способствовало дальнейшему развитию «китайского текста» русской литературы. Литература русской эмиграции, с одной стороны, развивала художественные традиции предшествовавших периодов; с другой – использовала конкретные примеры китайской действительности.

Исторические события, происходившие в Китае на протяжении конца XIX и XX вв., а также неоднозначный процесс развития отношений между Китаем и Россией, содействовали росту интереса российских читателей к культуре этой страны. При этом следует подчеркнуть, что «китайский текст», сформировавшийся в этот период, существенно расширил и дополнил проблематику транскультурного диалога, чему благоприятствовала дилемма «понимания – непонимания» как между отдельными людьми, так и народами.

Рассматриваемый процесс стал особенно заметен в отношениях между Китаем и Россией после Октябрьского переворота, что было обусловлено сходными социальными и политическими событиями, происходившими в обеих странах, а также перемещением (эмиграцией) большого количества русских на территорию Китая, а некоторой части населения Китая – на земли России.

История развития «китайского текста» в литературе «советского» и «постсоветского» периодов будет исследоваться во второй части монографии.

СПИСОК ЦИТИРУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ⁶⁵

Исследования на русском языке:

Абашев 2000 – *Абашев В.В.* Пермь как текст: Пермь в русской культуре и литературе XX века. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2000. 404 с.

Абраменко 2018 – *Абраменко В.П.* Конфуцианство и даосизм в мировоззрении Л.Н. Толстого / [В.П. Абраменко, А.Е. Лукьянов, В.М. Майоров]; ФГБУН Институт Дальнего Востока РАН, Международная конфуцианская ассоциация. М.: ИДВ РАН, 2018. 747 с.

Агеносов 1998 – *Агеносов В.В.* Литература russkogo зарубежья: (1918–1996): учеб. пособ. для студ. пед. вузов и учащихся средних учеб. заведений. М.: Терра спорт, 1998. 544 с.

Азия 1900 – *Азия*: ил. геогр. сб. / Сост. препод. географии А. Крубером, С. Григорьевым, А. Барковым и С. Чефрановым. М.: Кн. дело, 1900. 520 с.

Айзикова 1987 – *Айзикова И.А.* Переводы «восточных сказок» Жуковским в «Вестнике Европы» // Проблемы литературных жанров: Материалы V научной межвуз. конф. 15–18 октября, 1985 г. Томск: Изд-во Томского университета, 1987. С. 25–26.

Алл 2001 – *Алл Н.* Русская поэзия Китая: антология. М.: Время, 2001. 826 с.

Алексеев 1920 – *Алексеев В.М.* Китайский и корейский фонды // Азиатский музей Российской Академии наук, 1818–1919: Краткая памятка. СПб., 1920. С. 44–65.

Алексеев 1958 – *Алексеев В.М.* В старом Китае. Дневники путешествий. 1907 г. М.: Изд-во Восточной литературы, 1958. 312 с.

Алексеев 1978 – *Алексеев В.М.* Китайская литература / сост. М.В. Баньковская. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1978. 596 с.

Алексеев 1937 – *Алексеев М.П.* Пушкин и Китай. 1937. С. 108–146. Режим доступа: <http://lib.pushkinskiydom.ru/LinkClick.aspx?fileticket=64оуп6D22YQ%3D&tabid=10396> (дата обращения: 30.07.2023).

Алтайский текст 2002 – Алтайский текст в русской культуре: материалы науч. семинара «Алтайский текст в русской литературе второй половины XIX – начала XX в.». Вып. 1 / Под ред. Т.Г. Черняевой. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. 131 с.

Амфитеатров 1901 – *Амфитеатров А.В., Дорошевич В.М.* Китайский вопрос. М.: Тип. Т-ва И.Д. Сытина. 1901. 176 с.

⁶⁵ Фамилии и имена авторов, а также названия источников приводятся в современной транслитерации.

Андрюкова 2012 – *Андрюкова Е.А.* К вопросу о сверхтексте в современном литературоведении: определение, типология, признаки // Вестник ЧГПУ им. И.Я. Яковлева. 2012. № 1 (73). Ч. 2. С. 8–12.

Арденс 1962 – *Арденс Н.Н.* Народные рассказы // Творческий путь Л.Н. Толстого. М.: Изд-во АН СССР, 1962. 670 с.

Арнольдов 1933 – *Арнольдов Л.В.* Китай, как он есть. Быт и политика. Наблюдения, факты, выводы. Шанхай: Русская тип. «График», 1933. 372 с.

Арнольдов 1934 – *Арнольдов Л.В.* Из страны Белого солнца: этюды о Китае. Шанхай: Книгоиздательство А.П. Малых и В.П. Камкина, 1934. 438 с.

Арсеньев 1914 – *Арсеньев В.К.* Китайцы в Уссурийском крае. Очерк историко-этнографический // Записки Приамурского отдела Императорского Русского Географического Общества. Хабаровск: Тип. канцелярии Приамурского генерал-губернатора, 1914. Т. X. Вып. 1. 203 с.

Арсеньев 1921 – *Арсеньев В.К.* По Уссурийскому краю (Дерсу Узала); Путешествие в горную область Сихотэ-Алинь. Владивосток: Эхо, 1921. 280 с.

Арсеньев 1923 – *Арсеньев В.К.* Дерсу Узала: из воспоминаний о путешествии по Уссурийскому краю в 1907 г. Владивосток: Свобод. Россия, 1923. 255 с.

Архив востоковедов – *Архив востоковедов* Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН Ф. 7. Оп. 1. Ед. хр. 38. Л. 107.

Асмус 1961 – *Асмус В.Ф.* Мировоззрение Толстого // Лев Толстой: в 2 кн. АН СССР. Институт мировой литературы имени А.М. Горького. М.: Изд-во АН СССР, 1961. Кн. 1. С. 35–102. (Литературное наследство. Т. 69).

Байков 1914 – *Байков Н.А.* В горах и лесах Маньчжурии. Петроград: Изд. ред. журнала «Наша охота»: Тип. Д.П. Вейсбруг, 1914. 464 с.

Байков 1939 – *Байков Н.А.* У костра. Тяньцзинь: Наше Знание, 1939. 243 с.

Байков 1959 – *Байков Н.А.* Чёрный капитан. Маньчжурская роман-быль из жизни замурцев по охране Китайской Восточной железной дороги 1901–10 гг. 2-е изд., Бризбен. Австралия: Изд-во Н.А. Байкова, 1959. 163 с.

Бальмонт 1908 – *Бальмонт К.Д.* Гимны, песни и замыслы древних. СПб.: Пантеон, 1908. 192 с.

Барсов 1905 – *Барсов К.А.* Китай и китайцы: [очерк]. М.: М.В. Клюкин, 1905. 48 с.

Барт 1989 – *Барт Р.* Избранные работы: Семиотика. Поэтика: перевод с французского / Сост., общ. ред. и вступит. ст. Г.К. Косикова. М.: Прогресс, 1989. 615 с.

Баскер 1992 – *Баскер М.* Гумилёв, Рабле и «Путешествие в Китай». К прочтению одного прото-акмеистического мифа / Н. Гумилёв и Русский Парнас: материалы науч. конф. 17–19 сентября 1991 г. СПб.: Музей Анны Ахматовой в Фонтанном Доме, 1992. С. 5–24.

Белинский 1982 – *Белинский В.Г.* Китай в гражданском и нравственном отношении. Сочинение монаха Иакинфа // Белинский В.Г. Собрание сочинений: в 9 т. Т. 8. М.: Художественная литература, 1982. С. 595–599.

Белозубова 2009 – *Белозубова Н.И.* Проза А.П. Хейдока в контексте литературы дальневосточного зарубежья: виды и образы пространства: дис. ... канд. филол. н. Благовещенск, 2009. 176 с.

Бичурин 1828 – *Бичурин Н.Я.* Описание Тибета в нынешнем его состоянии. СПб., 1828. (Лу Хуа-Чжу. Описание Тибета в нынешнем её состоянии: с картой дороги из Чен-ду до Хлассы / пер. с кит. Иакинфа [Н.Я. Бичурина]. СПб.: Тип. Император. воспитательного дома, 1828. XXVI, 226 с.)

Бичурин 1829 – *Бичурин Н.Я.* История первых четырех ханов из дома Чингисова / [Составлено и] переведено с китайского монахом Иакинфом. СПб.: Тип. Карла Крайя, 1829. 440 с.

Бичурин 1838А – *Бичурин Н.Я.* [Иакинф]. Взгляд на просвещение в Китае // Журнал Министерства народного просвещения. 1838. Ч. XVIII. № 5. С. 324–366.

Бичурин 1838Б – *Бичурин Н.Я.* [Иакинф]. Хань-вынь-ци-мынь. Китайская грамматика, сочинённая монахом Иакинфом. Напечатана по высочайшему повелению. Ч. I–II. СПб., 1838.

Бичурин 1840 – *Бичурин Н.Я.* [Иакинф]. Китай, его жители, нравы, обычаи, просвещение. Сочинение монаха Иакинфа. СПб., 1840.

Бичурин 1848 – *Бичурин Н.Я.* [Иакинф]. Китай в гражданском и нравственном состоянии. Сочинение монаха Иакинфа: в 4 ч. СПб., 1848.

Бичурин 1851 – *Бичурин Н.Я.* [Иакинф]. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена: в трёх частях с картою на трёх больших листах. Сочинение монаха Иакинфа, удостоенное императорской Академией наук Демидовской премии. СПб, 1851. Ч. I. Ч. II и III.

Бичурин 1950 – *Бичурин Н.Я.* [Иакинф]. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 471 с.

Бичурин 2002 – *Бичурин Н.Я. [Иакинф]*. Китай в гражданском и нравственном состоянии. М.: Восточный Дом, 2002. 432 с.

Бичурин 2016 – *Бичурин Н.Я. [Иакинф]*. Китай. Его жители, нравы, обычаи, просвещение. М.: Изд-во «Э», 2016. 448 с. (Великие путешествия).

Бичурин 2017 – *Бичурин Н.Я. [Иакинф]*. Неизвестный Китай. Записки первого русского китаеведа. М.: Эксмо, 2017. 370 с.

Богоявленский 1906 – *Богоявленский Н.В.* Западный застенный Китай: его прошлое, настоящее состояние и положение в нём русских подданных. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1906. 418 с.

Буганов 1992 – *Буганов А.В.* Русская история в памяти крестьян XIX века и национальное самосознание. М.: Ин-т этнологии и антропологии, 1992. 207 с.

Буланже 1910 – *Буланже П.А.* Ми-Ти, китайский философ: Учение о всеобщей любви / Сост. П.А. Буланже; под ред. Л.Н. Толстого. М.: Посредник, 1910. 16 с. (Замечательные мыслители всех времён и народов).

Буланже 1903 – *Буланже П.А.* Жизнь и учение Конфуция: сост. гр. Л.Н. Толстого «Изложение китайского учения» / Сост. П.А. Буланже. М.: Посредник, 1903. 162 с. («Мудрость народов Востока. Вып. 1).

Ван Чжичэн 1993 – *Ван Чжичэн.* История русских эмигрантов в Шанхае. Шанхай, 1993. 832 с.

Ван Чжичэн 2008 – *Ван Чжичэн.* История русской эмиграции в Шанхае / Пер. с кит.; предисл., послесл. Л.П. Черниковой. М.: Русский путь; Библиотека-фонд «Русское Зарубежье», 2008. 576 с.

Ван Яминь 2005 – *Ван Яминь, Го Инин.* Харбинская русская эмигрантская литература в Китае // Русский язык в Китае. 2005. № 2. С. 53–56.

Васильев 1880 – *Васильев В.П.* Очерк истории китайской литературы: из «Всеобщей истории литературы», издаваемой В.Ф. Коршем и К.Л. Риккером). СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1880. 163 с.

Васильев 1883 – *Васильев В.П.* Современное положение Азии. Китайский прогресс. Речь, подготовленная заслуженным профессором В.П. Васильевым для прочтения на акте 8 февраля 1883 г. в Санкт-Петербургском университете. СПб., 1883. 24 с.

Васильев 1900 – *Васильев В.П.* Открытие Китая и др.: статья академика В.П. Васильева. СПб.: Изд. журнала «Вестник всемирной истории», 1900. 164 с.

Васильев 2012 – *Васильев В.П.* Религии Востока: конфуцианство, буддизм, даосизм. М.: Книга по Требованию, 2012. 185 с.

Венюков 1874 – *Венюков М.И.* Очерки современного Китая. СПб.: тип. В. Безобразов и комп., 1874. 252 с.

Венюков 1877 – *Венюков М.И.* Россия и Восток. Собрание географических и политических статей. СПб.: Тип. В. Безобразов и комп., 1877. 297 с.

Венюков 1952 – *Венюков М.И.* Путешествия по Приамурью, Китаю и Японии. Хабаровск: Дальневосточное кн. изд-во, 1952. 303 с.

Верёвкин 1905 – *Верёвкин Н.Н.* [Артурский обыватель]. Странички из дневника. Очерки из осаждённого Артура. СПб.: Изд. П.А. Артемьева, 1905. 167 с.

Викторович 2009 – *Викторович В.В.* Коломенский текст русской литературы: к определению понятия // Коломна и Коломенская земля: история и культура: сб. ст. / сост. А.Г. Мельник, С.В. Сазонов. Коломна: Лига, 2009. С. 336–345.

Владимиrowa 2006 – *Владимиrowa Т.Л.* Римский текст в творчестве Н.В. Гоголя: монография. Томск, 2006. 176 с.

Владимиrowa 2013 – *Владимиrowa Н.В.* Становление «парижского текста в русской литературе // Омские социально-гуманитарные чтения – 2013: Материалы VI Международной науч.-практ. конф. Омск, 14–15 марта 2013 г. Омск: Изд-во Омск. гос. техн. ун-та, 2013. С. 111–116.

Владимиrowa 2015 – *Владимиrowa Н.В.* «Парижский текст»: теоретическое обоснование понятия // Инновационное образование и экономика. 2015. № 17. С. 121–124.

Володина 2015 – *Володина Е.М.* «Парижский текст» в прозе русских писателей первой волны эмиграции как сверхтекст // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 12-2 (54). С. 46–48.

Воробьёва 2009 – *Воробьёва Л.В.* Лондонский текст русской литературы первой трети XX века: автореф. дис. ... канд. филол. н. Томск, 2009. 21 с.

Восток 2004 – Восток в русской литературе XVIII – начала XX века. Знакомство. Переводы. Восприятие. М.: ИМЛИ РАН, 2004. 254 с.

Гаврилина 2011 – *Гаврилина Л.М.* Калининградский текст в семиотическом пространстве культуры // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2011. № 6. С. 75–83.

Галимова 2012 – *Галимова Е.Ш.* Специфика северного текста русской литературы как локального сверхтекста // Вестник Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова. Серия: Гуманитарные и социальные науки 2012. № 1. С. 121–129.

Гарин-Михайловский 1958 – *Гарин-Михайловский Н.Г.* Собрание сочинений: в 5 т. Т. 5: По Корее, Маньчжурии и Ляодунскому полуострову. Вокруг света. Корейские сказки. Сказки для детей. Пьесы. Воспоминания, статьи. 1894–1906. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1958. 719 с.

Гаспаров 1996 – *Гаспаров Б.М.* Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М.: Новое литературное обозрение, 1996. 351 с.

Георгиевский 1888 – *Георгиевский С.М.* Принципы жизни Китая. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1888. 510 с.

Георгиевский 1889 – *Георгиевский С.М.* Граф И. Толстой и «Принципы жизни Китая». СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1889. 69 с.

Георгиевский 1890 – *Георгиевский С.М.* Важность изучения Китая. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1890. 287 с.

Георгиевский 2011 – *Георгиевский С.М.* Принципы жизни Китая. М.: Книга по требованию, 2011. 535 с.

Головин 2013 – *Головин С.А.* Российская духовная миссия в Китае: исторический очерк. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2013. 284 с.

Гончаров 1997 – *Гончаров И.А.* Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом); В.А. Туниманов (гл. ред.) и др. Т. 2: Фрегат «Паллада»: Очерки путешествия: в 2 т. / Текст подгот. Т.И. Орнатская; ред. тома В.А. Туниманов. СПб., 1997. 746 с.

Гончарова 2022 – *Гончарова Я.А.* Итальянский текст в современной русской литературе // Русский язык и межкультурная коммуникация. 2022. № 1 (19). С. 51–55.

Гордлевский 1961 – *Гордлевский В.А.* Избранные сочинения: [в 6 т.]. Т. 2: Язык и литература / [Ред. Ш.С. Айляров и Б.А. Каррыев]. М.: Изд-во восточной литературы, 1961. 560 с.

Громько 2000 – *Громько М.М., Буганов А.В.* О воззрениях русского народа. М.: Пальмник, 2000. 541 с.

Грум-Гржимайло 1891 – *Грум-Гржимайло Г.Е.* Дунганский партизан Даху Баян-хур // Исторический Вестник. 1891. № 5–6. С. 626–632.

Грум-Гржимайло 1896 – *Грум-Гржимайло Г.Е.* Описание путешествия в Западный Китай: [т. 1–3]. СПб.: издание Императорского Русского географического общества, 1896–1907. Т. 1: Вдоль Восточного Тянь-Шаня: с картою, 25 фототипиями, 5 гравюрами в тексте и 1 таблицей, 1896. XII. 547 с.

Грякалов 2013 – *Грякалов А.А.* «Евразийский текст»: лингвистика – субъективность – открытые горизонты // Научно-технические ве-

домости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. 2013. № 2 (172). С. 57–64.

Гейнце 1904 – *Гейнце Н.Э.* В действующей армии. 1-е изд. СПб.: Типо-литография «Энергия», 1904. 301 с.

Гумилёв 2000 – *Гумилёв Н.С.* Собрание сочинений: в 3 т. М.: Олма-Пресс, 2000. Т. 1. 512 с.; Т. 2. 448 с.; Т. 3. 512 с.

Данилевский 2008 – *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому / Сост. и коммент. Ю.А. Белова; отв. ред. О. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2008. 816 с.

Дедлов 1900 – *Дедлов В.Л.* [Кигн] Панорама Сибири: (Путевые заметки). СПб.: Тип. М. Меркушева, 1900. 254 с.

Деменова 2010 – *Деменова А.А.* Образ С.П. Дягилева в мемуарах XX века // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2010. № 5. С. 156–164.

Дневник Мурзилки 1913 – [Хвольсон А.Б.]. *Дневник Мурзилки.* Повесть-сказка о путешествиях, странствованиях, шалостях и проказах маленьких лесных человечков. СПб.; М.: Тип. Т-ва М.О. Вольф, 1913. 194 с.

Добель 1833 – *Добель П.В.* Путешествия и новейшие наблюдения в Китае, Маниле и Индокитайском архипелаге, бывшего Российского Генерального Консула на Филиппинских островах, Коллежского советника Петра Добеля. Ч. 2. СПб.: В типографии Н. Греча, 1833. 272 с.

Дорошевич 1901 – *Дорошевич В.М.* Му Сян. Китайский роман. М.: Тип. Т-ва И.Д. Сытина, 1901. 71 с.

Дорошевич 1902 – *Дорошевич В.М.* Легенды и сказки Востока. М.: Тип. Т-ва И.Д. Сытина, 1902. 200 с.

Дорошевич 2019 – *Дорошевич В.М.* Первая прогулка богдыхана: китайские сказки. М.: Время, 2019. 173 с. (Сказочное время).

Достоевский 1972 – *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений: в 30 т. / Редкол.: В.Г. Базанов (гл. ред.), Г.М. Фридендер (зам. гл. ред.), В.В. Виноградов и др.; АН СССР. Институт русской литературы (Пушкинский дом). Т. 2: Повести и рассказы, 1848–1859 / Ред. А.С. Долинин, Е.И. Кийко; примеч. Н.М. Перлиной, Н.Н. Соломиной. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1972. 527 с.

Достоевский 1978 – *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений: в 30 т. / Редкол.: В.Г. Базанов (отв. ред.) Г.М. Фридендер (зам. гл. ред.), В.В. Виноградов и др.; АН СССР. Институт русской литературы (Пушкинский дом). Т. 18: Статьи и заметки. 1845–1861. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1978. С. 41–70.

Достоевский 1980 – *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений: в 30 т. / Редкол.: В.Г. Базанов (отв. ред.) Г.М. Фридлиндер (зам. гл. ред.), В.В. Виноградов и др.; АН СССР. Институт русской литературы (Пушкинский дом). Т. 21: Дневник писателя, 1873; Статьи и заметки, 1873–1878 / Ред. Г.М. Фридлиндер; тексты подгот. и примеч. сост. А.В. Архипова-Богданова и др. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1980. 551 с.

Дяо Шаохуа 1996 – *Дяо Шаохуа.* Художественная литература русского зарубежья в городе Харбине за первые 20 лет (1905–1925 гг.) // Россияне в Азии Торонто. 1996. Вып. 3. С. 58–109.

Дяо Шаохуа 2003 – *Дяо Шаохуа.* Харбинская «Чураевка» // Рубеж. 2003. № 4 (866). С. 221–228.

Егорьев 1914 – *Егорьев В.* Свирель Китая: [Сб. пер. стихов кит. поэтов] / В. Егорьев, В. Марков. СПб.: О-во художников «Союз молодежи», 1914. 116 с.

Жарикова 2007 – *Жарикова Е.Е.* Ориентальные мотивы в поэзии русского зарубежья Дальнего Востока: монография / Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Федеральное гос. общеобразовательное учреждение высш. проф. образования «Амурский гуманитарно-пед. гос. ун-т». Комсомольск-на-Амуре: Изд-во АмГПУ, 2007. 116 с.

Забияко 2005 – *Забияко А.А.* Тропа судьбы Алексея Ачаира. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2005. 275 с.

Забияко 2008 – *Забияко А.А.* «Четверть века беженской судьбы...»: художественный мир лирики русского Харбина. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2008. 427 с.

Забияко 2009 – *Забияко А.А.* Меж двух миров: русские писатели в Маньчжурии: монография. Благовещенск: Амурский государственный университет, 2009. 351 с.

Забияко 2016 – *Забияко А.А.* Ментальность дальневосточного фронта. Культура и литература Русского Харбина: монография. Новосибирск: Изд-во Сибирского отделения Российской академии наук, 2016. 433 с.

Забияко 2017 – *Забияко А.П.* Русские Трёхречья: основы этнической самобытности. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. 340 с.

Зайденштур 1994 – *Зайденштур Э.Е.* Использование Толстым фольклора народов России в своём творчестве / Публ. О.А. Голиненко и Б.М. Шумовой // Неизвестный Толстой в архивах России и США. М.: АО «ТЕХНА-2», 1994. С. 433–442.

Зайонц 2003 – *Зайонц Л.О., Цивьян Т.В.* От составителей // Евразийское пространство: Звук, слово, образ / Рос. акад. наук; отв.

ред. Вяч.Вс. Иванов. М.: Языки славянской культуры, 2003. С. 9–10. (Язык. Семиотика. Культура).

История 1990 – История отечественного востоковедения до середины XIX в. / ред. колл.: А.П. Базиянц и др.; АН СССР, Институт востоковедения. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1990. 435 с.

Исход 1921 – Исход к Востоку: утверждение евразийцев. Предчувствия и свершения / П. Савицкий, П. Сувчинский, Н. Трубецкой, Г. Флоровский. София: Рос.-болг. книгоизд-во, 1921. 125 с.

Итальянский текст 2013 – Диалог культур: «Итальянский текст» в русской литературе и «русский текст» в итальянской литературе: Материалы международной научной конференции / Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН. М.: Инфотех, 2013. 373 с.

Кашталева 1930 – *Кашталева К.С.* «Подражания Корану» Пушкина и их первоисточник // Записки коллегии востоковедов. Л., 1930. Т. V. С. 243–270.

Квитко 1930 – *Квитко Д.Ю.* Философия Л.Н. Толстого. М.: Изд-во Коммунистической академии, 1930. 227 с.

Ким Рехо 1993 – *Ким Рехо* [*Ким Ле Чун*]. Николай Байков. Судьба и книги // Литературное обозрение. 1993. № 7 / 8. С. 41–49.

Ким Рехо 1997 – *Рехо К.* Байков Н.А. // Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века: энциклопедический биографический словарь. М.: РОССПЭН, 1997. С. 57–58.

Ким Рехо 2000 – *Ким Рехо* [*Ким Ле Чун*]. «Неделание»: Лев Толстой и Лао-Цзы // Проблемы Дальнего Востока. 2000. № 6. С. 152–163.

Кирмасов 2015 – *Кирмасов Б.А.* Вклад первых российских переводчиков в становление отечественного китаеведения // Среднерусский вестник общественных наук. 2015. № 3. Т. 10. С. 235–240.

Китай у русских писателей – Китай у русских писателей / [Сост. А.Д. Романенко.] М.: Алгоритм, 2008. 524 с. (Китайский марафон).

Клинген 1898 – *Клинген И.Н.* Среди патриархов земледелия народов Ближнего и Дальнего Востока (Египет, Индия, Цейлон, Китай и Япония). Ч. I–III. СПб.: Тип. Главного Управления Уделов, 1898–1899. Ч. 1. 460 с.; Ч. 2. 338 с. Ч. 3. 180 с.

Ковалевский 2019 – *Ковалевский П.Е.* Зарубежная Россия, 1920–1970. Нижний Новгород: Чёрная Сотня, 2019. 610 с.

Кондаков 2019 – *Кондаков И.В.* Образ Китая в культурной истории России // Межкультурное взаимодействие России и Китая: глобальное и локальное измерение: коллективная монография / отв. ред. А.Н. Чумаков; профессор Ли Хэй. М.: Проспект, 2019. 224 с.

Концова 2003 – *Концова Е.В.* Своеобразие поэтического «Востока» в литературе серебряного века: К. Бальмонт, Н. Гумилев,

В. Хлебников автореф. дисс. ... к. филол. н. / Воронеж. гос. ун-т. Воронеж, 2003. 196 с.

Копотилова 1998 – *Копотилова В.В.* Издание китайских произведений представителями российской общественности (конец XVIII – первая половина XIX вв.) // Вестник Омского университета. 1998. Вып. 2. С. 60–64.

Коркунов 2015 – *Коркунов В.В.* Кимры в тексте. М.: Академика, 2015. 248 с.

Коростовец 1898 – *Коростовец И.Я.* Китайцы и их цивилизация. 2-е изд. СПб.: Изд. кн. склада И. Аскарханова, 1898. 627 с.

Корсаков 1901 – *Корсаков В.В.* Детский мир в Китае // Вестник Европы. 1901. Т. III. С. 217–226.

Корсаков 1904 – *Корсаков В.В.* В старом Пекине: очерки из жизни в Китае. СПб.: Тип. Санкт-Петербурга. Т-во печатного и издательского дела «Труд», 1904. 360 с.

Кочубей 1998 – *Кочубей О.И.* Исход и возвращение...: русская эмиграция в Китае в 20-40-е годы. Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 1998. 225 с.

Кравченко 1904 – *Кравченко Н.И.* В Китай!: Путевые наброски художника. СПб.: Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1904. [6]. 219 с.

Краснов 1898 – *Краснов А.Н.* Из колыбели цивилизации: Письма из кругосветного путешествия. СПб.: Тип. М. Меркушева, 1898. 660 с.

Краснов 1901 – *Краснов П.Н.* Борьба с Китаем. Популярный очерк столкновения России с Китаем в 1901 г. СПб., 1901. 126 с.

Кропоткин 1865 – *Кропоткин П.А.* Поездка из Забайкалья на Амур через Маньчжурию // Русский вестник. 1865. Т. 57: Июнь. С. 585–681.

Крузенштерн 1810 – *Крузенштерн И.Ф.* Путешествие вокруг света в 1803, 1804, 1805, и 1806 годах. Ч. 2. СПб.: В Морской Типографии, 1810. 473 с.

Купина 1994 – *Купина Н.А., Битенская Г.В.* Сверхтекст и его разновидности // Человек – текст – культура: коллективная монография / Под ред. Н.А. Купиной, Т.В. Матвеевой. Екатеринбург: АО «Полиграфист», 1994. С. 214–233.

Курьянов 2017 – *Курьянов С.О.* О крымском тексте и формировании сверхтекста // Современная картина мира: крымский контекст: коллективная монография. Кн. I. Симферополь: ООО «Изд-во тип. “Ариал”», 2017. С. 90–114.

Курьянов 2019 – *Курьянов С.О.* «Тайный ключ русской литературы»: формирование и становление крымского текста в русской литературе X–XIX веков: монография. М.: ООО «Научно-издательский центр ИНФРА-М», 2019. 311 с.

Кучинский 2008 – *Кучинский Р.Ю.* Пример сильного характера: идейно-эстетическое своеобразие поэмы А. Несмелова «Протопопица» / Записки Гродековского музея. Вып. 21: К 70-летию Хабаровского края 1938–2008 / Ред. Н.И. Рубан; ред., сост. Н.П. Гребенюков; ред. А.С. Дудник. Хабаровск: Хабаровский краевой краеведческий музей им. Н.И. Гродекова, 2008. С. 169–172.

Кушнерёва 2017 – *Кушнерёва М.А.* Гоголевский текст в украинской литературе второй половины XX века: автореф. дис. ... канд. филол. н. Киев, 2017. 21 с.

Ланский 1965 – *Ланский Л.Р.* Уход и смерть Толстого в откликах иностранной печати // Литературное наследство / Институт мировой литературы им. А.М. Горького. Т. 75. № 2. М., 1965. С. 361–460. (Литературное наследство).

Ларионова 2021 – *Ларионова М.Ч.* Уральский текст русской литературы // Журнал фронтирных исследований. 2021. № 2. С. 131–135.

Лев Толстой 2000 – Лев Толстой и литературы Востока / Отв. ред. Ким Рехо. М.: ИМЛИ РАН; Наследие, 2000. 300 с.

Левощко 1998 – *Левощко С.С.* Историко-культурное регионоведение Дальнего Востока: Историко-этнокультурное регионоведение. Историко-архитектурное регионоведение. Хабаровск: Издательство ХГТУ, 1998. 107 с.

Левощко 2003 – *Левощко С.С.* Русская архитектура в Маньчжурии: конец XIX – первая половина XX в. Хабаровск: Хабаровская краевая типография; частная коллекция, 2003. 174 с.

Леонтьев 1771 – *Леонтьев А.Л.* Дешей-китаец / переведена с китайского на русский язык Алексеем Леонтьевым, Коллегии Иностраннных дел секретарём. СПб.: Тип. Академии наук, 1771. 50 с.

Леонтьев 1775 – *Леонтьев А.Л.* Уведомление о чае и шёлке. Из Китайской книги Вань боу Кюань называемой. СПб.: Императорская Академия наук, 1775. 46 с.

Леонтьев 1780 – *Леонтьев А.Л.* Сы шу геи, то есть четыре книги с толкованиями. Книга первая филозофа Конфуциуса / Перевёл с китайского и манжурского на русский язык надворный советник Алексей Леонтьев. СПб.: Императорская академия наук, 1780. 125 с.

Ли Гэнь 2022 – *Ли Гэнь.* Культура Китая как предмет изображения в современной русской прозе: дис. ... канд. филол. н. М., 2022. 170 с.

Ли Иннань 2019 – *Ли Иннань.* Миссионерская деятельность РПЦ в Китае // Вестник культурологии. 2019. С. 192–207.

Ли Мэн 1999 – *Ли Мэн.* Харбин – продукт колониализма // Проблемы Дальнего Востока. 1999. № 1. С. 96–103.

Ли Шу Хиао 1998 – *Ли Шу Хиао*. Деятельность Харбинской православной епархии // Дальний Восток России – Северо-восток Китая: исторический опыт взаимодействия и перспективы сотрудничества: Матер. междунар. науч.-практ. конф. Хабаровск, 1998. С. 172–174.

Лисянский 1812 – *Лисянский Ю.Ф.* Путешествие вокруг света в 1803, 4, 5. и 1806 годах, по повелению его императорского величества Александра Первого, на корабле Неве, под начальством флота капитан-лейтенанта, ныне капитана I-го ранга и кавалера Юрия Лисянского Ч. I. СПб.: Тип. Ф. Дрехслера, 1812. 246 с.

Литература русских эмигрантов 2005А – *Литература русских эмигрантов в Китае* / Собиратель оригиналов, главный составитель, шеф-редактор Ли Янлен [Ли Яньлин]. Т. 1–10. Пекин: Изд-во «Китайская молодёжь». Т. 1: Харбин – мой оазис / Сост. тома Ли Янлен [Ли Яньлин]. Пекин: Изд-во «Китайская молодёжь», 2005. Т. 2: Паровозы гудят у Цицикара / Сост. тома Мяо Хой. Пекин: Изд-во «Китайская молодёжь», 2005; Т. 3: Соната над Хинганом / Сост. тома Ли Цянвэй. Пекин: Изд-во «Китайская молодёжь», 2005; Т. 4: Заря над Сунгари / Сост. тома Жун Цзе, Чжао Вэй. Пекин: Изд-во «Китайская молодёжь», 2005; Т. 5: Волны Хуанпуцзяна Шанхая / Сост. тома Ли Иннань. Пекин: Изд-во «Китайская молодёжь», 2005; Т. 6: Тройка, мчащаяся в памяти / Сост. тома Чжэн Юнван, Го Лицзе. Пекин: Изд-во «Китайская молодёжь», 2005; Т. 7: Волга, текущая в сердце / Сост. тома Чжао Гуйлянь. Пекин: Изд-во «Китайская молодёжь», 2005; Т. 8: Я берёза России / Сост. тома Сунь Юйхуа, Ван Хунци. Пекин: Изд-во «Китайская молодёжь», 2005; Т. 9: Вялые лепестки розы. / Сост. тома Лю Хунбо. Пекин: Изд-во «Китайская молодёжь», 2005. Т. 10: Сладкое или горькое / Сост. тома Тан Ихун, Чжан Цзин. Пекин: Изд-во «Китайская молодёжь», 2005.

Лотман 1984 – *Лотман Ю.М.* Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Семиотика города и городской культуры. Петербург. Тарту: Тартуский государственный университет, 1984. (Учёные записки Тартуского государственного университета. Вып. 664. Труды по знаковым системам. XVIII). С. 30–45.

Лотман 1987 – *Лотман Ю.М., Успенский Б.А.* «Письма русского путешественника» Карамзина и их место в развитии русской культуры // Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. Л.: Наука, 1987. С. 525–606.

Лотман 2002 – *Лотман Ю.М.* История и типология русской культуры. СПб.: Искусство, 2002. 768 с.

Лотман 2016 – *Лотман Ю.М.* Внутри мыслящих миров. СПб.: Азбука, 2016. 444 с.

Лошаков 2017 – *Лошаков А.Г.* Ломоносовский текст как персонический сверхтекст и субтекст Северного текста русской литературы (введение в тему) // Северный текст как логосная форма бытия Русского Севера: монография / Сост., отв. ред. Е.Ш. Галимова, А.Г. Лошаков. Т. 1. Архангельск: Имидж-Пресс, 2017. С. 326–388.

Лошаков 2018А – *Лошаков А.Г.* О принципах моделирования сверхтекста // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2018. № 5. С. 70–80.

Лошаков 2018Б – *Лошаков А.Г.* О факторах порождения и функционирования сверхтекста // Семантика. Функционирование. Текст. К 70-летию со дня рождения С.В. Черновой: Межвуз. сб. науч. тр. с междунар. участием. Киров: Радуга-ПРЕСС, 2018. С. 128–141.

Лукин 2007 – *Лукин А.В.* Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в XVII–XXI вв. М.: Восток-Запад; АСТ, 2007. 598 с.

Любич-Кошуров 1904 – *И.А. Любич-Кошуров.* Егоркин хунхуз. М.: Тип. Т-ва И.Д. Сытина, 1904. 36 с.

Любич-Кошуров 1905 – *Любич-Кошуров И.А.* В Порт-Артуре (9 рассказов из боевой жизни). М.: Изд. Д.П. Ефимова, 1905. 176 с.

Люсый 2003 – *Люсый А.П.* Крымский текст в русской литературе. СПб.: Алетейя, 2003. 314 с.

Маковицкий 1979 – *Маковицкий Д.П.* У Толстого: Яснополянские записки: в 4 кн. М., 1979. Кн. 2: 1906–1907. М., 1979. 688 с. (Литературное наследство. Т. 90).

Маковкин 1907 – *Маковкин А.Е.* 1-й Нерчинский полк Забайкальского казачьего войска. 1898–1906 гг.: Исторический очерк. СПб.: Товарищество Р. Голике и А. Вильборг, 1907. 231 с.

Маракуев 1896 – *Маракуев В.Н.* Наши азиатские соседи китайцы (составлено по Р. Дугласу, Симону, Э. Реклю, Леггу и др.). Одесса, 1896. 190 с.

Матвеев 1911 – *Матвеев Н.П.* Китайцы на Карийских промыслах // Русское богатство. 1911. No 12. С. 29–43.

Матусовский 1879 – *Матусовский З.Л.* Краткий топографический очерк пути, пройденного русской экспедицией по Китаю в 1875 г. от г. Хань-Коу до Зайсанского поста. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, [1879]. 26 с.

Матусовский 1888 – *Матусовский З.Л.* Географическое обозрение Китайской империи. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1888. 87 с.

Меднис 1999 – *Меднис Н.Е.* Венеция в русской литературе / ответственный редактор Т.И. Печерская; Российская Академия наук Сибирское отделение, Институт филологии; Министерство образования

Российской Федерации Новосибирский государственный педагогический университет. Новосибирск, 1999. 391 с.

Меднис 2003 – *Меднис Н.Е.* Сверхтексты в русской литературе. Новосибирск: Изд-во Новосибирского государственного педагогического университета, 2003. 170 с.

Мелихов 1991 – *Мелихов Г.В.* Маньчжурия далёкая и близкая. М.: Наука, 1991. 319 с.

Мелихов 1994 – *Мелихов Г.В.* Маньчжурия далёкая и близкая. 2-е изд., стер. М.: Наука, 1994. 313 с.

Мелихов 1997 – *Мелихов Г.В.* Российская эмиграция в Китае. 1917–1924 гг. М.: Институт российской истории РАН, 1997. 245 с.

Мелихов 2003 – *Мелихов Г.В.* Белый Харбин: середина 20-х. М.: Русский путь, 2003. 438 с.

Москвина 1993 – *Москвина О.А.* Творчество Альфреда Хейдока / Вс.Н. Иванов и культура России (к 105-летию со дня рождения Вс. Н. Иванова): тез. всеросс. науч. конф. Хабаровск: Изд-во ХГПИ, 1993. С. 52–53.

Мясников 2002 – *Мясников В.С., Попова И.Ф.* Вклад о. Иакинфа в мировую синологию // Вестник Российской Академии Наук. 2002. Т. 72. № 12. С. 1099–1106.

Надаров 1896 – *Надаров И.П.* Хунхузы в Южно-Уссурийском крае // Военный сборник. 1896. № 9. С. 193–197.

Неживая 2000 – *Неживая Е.А.* Художественный мир Н.А. Байкова: автореф. дис. ... канд. филол. н. Комсомольск-на-Амуре, 2000. 18 с.

Неживая 2010 – *Неживая Е.А.* Проза Н.А. Байкова и ориентальная культурная традиция // Ориентальная тема в литературе метрополии и русского зарубежья Дальнего Востока. Биробиджан, 2010. 163 с.

Неизвестные письма 1987 – Неизвестные письма Н.С. Гумилева / Публ. Р.Д. Тименчика // Известия АН СССР. Сер. литературы и языка. 1987. Т. 46. № 1. С. 50–78.

Немирович-Данченко 1904 – *Немирович-Данченко В. И.* На войну: (от Петербурга до Порт-Артура): из писем с дороги. М.: Тип. Т-ва И.Д. Сытина, 1904. 167 с.

Немирович-Данченко 1907А – *Немирович-Данченко Вас.И.* В Маньчжурии: картинки и сценки из войны с Японией. М.: Изд. редакции журналов «Юная Россия» и «Педагогический листок», 1907. 245 с.

Немирович-Данченко 1907Б – *Немирович-Данченко Вас.И.* Вечная память! Из летописей освободительного движения: миражи, очерки, рассказы. М.: Тип. Т-ва И.Д. Сытина, 1907. 269 с.

Немирович-Данченко 1916 – *Немирович-Данченко В.И.* Новое собрание сочинений. Петроград, Издание П.П. Сойкина, 1916. 448 с.

Несмелов 2006 – *Несмелов А.И.* Собрание сочинений: в 2 т. Т. I: Стихотворения и поэмы. Владивосток: Изд-во Альманах «Рубеж», 2006. 560 с.

Никулин 1988 – *Никулин Н.И., Семанов В.И.* Введение: [Литературы Восточной, Юго-Восточной и Центральной Азии: История всемирной литературы. Т. 5. Раздел 10] // История всемирной литературы: в 8 т. / АН СССР; Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького. М.: Наука, 1983–1994. Т. 5. 1988. С. 561–566.

Образы Италии 2009 – Образы Италии в русской словесности XVIII–XX вв.: сб. ст. / под ред. О.Б. Лебедевой, Н.Е. Меднис. Томск: Изд-во Нац. исслед. Томск. гос. ун-та, 2009. 562 с.

Обручев 1900 – *Обручев В.А.* Путевые дневники, касающиеся Восточной Монголии, провинций Чжили, Шаньси, Шеньси и Ганьсу, Ордоса, Алашаня и Восточного Наньшаня // Центральная Азия. Северный Китай и Наньшань: отчёт о путешествии, совершенном по поручению Русского географического общества в 1892–1894 гг. СПб., 1900. Т. 1. 631 с.

Обручев 1901 – *Обручев В.А.* Путевые дневники, касающиеся Центральной Монголии, Джунгарии и горных систем Бэйшаня, Наньшаня, Восточного Тянь-шаня и Цзинлишаня // Центральная Азия. Северный Китай и Наньшань: отчёт о путешествии, совершенном по поручению Русского географического общества в 1892–1894 гг. СПб., 1901. Т. 2. 689 с.

Обручев 1940 – *Обручев В.А.* От Кяхты до Кульджи. Путешествие в Центральную Азию и Китай. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. 236 с.

Одоевский 1926 – *Одоевский В.Ф.* 4338-й год. Петербургские письма. М., 1926. 64 с. (Библиотека «Огонёк». № 169).

Панишева 2012 – *Панишева Н.А.* Художественное пространство Китая в лирике А. Несмелова // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2012. № 1 (1). С. 100–105.

Певцов 1879 – *Певцов М.В.* Путевые очерки Джунгарии. «Записки. Зап.-Сиб. отдела Императорского Русского Географического общ.». Кн. 1, Омск, 1879. С. 1–140.

Перелешин 1970 – *Перелешин В.* Стихи на веере: антология китайской классической поэзии. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1970. 41 с.

Перелешин 1972 – *Перелешин В.* Русские Дальневосточные поэты // Новый журнал. 1972. № 107. С. 255–262.

Перелешин 2018 – *Перелешин В.Ф.* Собрание сочинений: в 3 т. Т. 1: Три родины: Стихотворения и поэмы. М.: Престиж Бук, 2018. 611 с.

Печерица 1999 – *Печерица В.Ф.* Духовная культура русской эмиграции в Китае. Владивосток: Издательство Дальневосточного университета, 1999. 274 с.

Плостина 2002 – *Плостина Н.Н.* Творчество Н.А. Байкова: проблематика, художественное своеобразие: автореф. дис. ... к. филол. н. Владивосток, 2002. 24 с.

Потанин 1881 – *Потанин Г.Н.* Очерки Северо-Западной Монголии: Результаты путешествия, исполненного в 1876–1877 гг. по поручению Имп. Рус. Геогр. о-ва членом-сотрудником одного Г.Н. Потаниным: в 4 вып. СПб., 1881, 1883–1884. Вып. 2: Материалы этнографические: с 26-ю таблицами рисунков. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1881. 182 с.

Потанина 1885 – *Потанина А.В.* Театральные представления и религиозные празднества в Китае // Литературный сборник: Собрание научных и литературных статей о Сибири и Азиатском Востоке / Под ред. Н.М. Ядринцева. СПб.: Изд. ред. «Восточное Обозрение» (Тип. И.Н. Скороходова), 1885. С. 336–356.

Потанин 2014 – *Потанин Г.Н., Потанина А.В.* Сибирь. Монголия. Китай. Тибет: путешествия длиной в жизнь. М.: Эксмо, 2014. 437 с. (Великие путешествия).

Попова 2020 – *Попова Е.А.* Динамика провинциального (Липецкого) сверттекста // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2020. № 1. С. 68–70.

Прохорова 2005 – *Прохорова Л.С.* Лондонский городской текст русской литературы первой трети XIX века: автореф. дис. ... канд. филол. н. Томск, 2005. 21 с.

Пушкин 1959 – *Пушкин А.С.* Собрание сочинений: в 10 т. М.: ГИХЛ, 1959–1962. Т. 2: Стихотворения 1823–1836. М., 1959. 799 с.

Пясецкий П.Я. 1876 – *Пясецкий П.Я.* О санитарных условиях и медицине Китая. М., 1876. 68 с.

Пясецкий 1880 – *Пясецкий П.Я.* Путешествие по Китаю в 1874–1875 гг. (через Сибирь, Монголию, Восточный, Средний и Северо-Западный Китай): в 2 т. СПб., 1880. Т. 1. 560 с. Т. 2. 1122 с. (вместе с т. 1).

Раскина 2008 – *Раскина Е.Ю.* Образы китайской культуры в творчестве Н.С. Гумилёва // Вестник Вятского государственного университета. 2008. № 4–2. С. 93–97.

Резникова 1988 – *Резникова Н.С.* В русском Харбине // Новый журнал. 1988. № 172–173.

Рифтин 2004 – *Рифтин Б.Л.* Русские переводы китайской литературы в XVIII – первой половине XIX в. // Восток в русской литературе

XVIII – начала XX века: знакомство, переводы, восприятие. М.: ИМЛИ РАН, 2004. 256 с.

Роллан 1958 – *Роллан Р.* Собрание сочинений: в 14 т. / пер. с фр. под общ. ред. И. Анисимова. Т. 14: Вопросы эстетики. Театр. Живопись. Литература / вступит. ст. И. Анисимова]. М.: Гослитиздат, 1958. 832 с.

Романова 2014 – *Романова Н.П., Жуков А.В., Жукова А.А.* Образы культуры и религии Китая в сознании населения российско-китайского приграничья // Вестник Забайкальского государственного университета. 2014. С. 66–76.

Россия на Дальнем 1901 – Россия на Дальнем Востоке. СПб., 1901. 79 с.

Русская поэзия Китая 2001 – Русская поэзия Китая: антология / сост. В.П. Крейд, О.М. Бакич. М.: Время, 2001. 720 с.

Русский Китай и Дальний Восток 2020 – Русский Китай и Дальний Восток. Поэзия, проза, свидетельства: коллективная монография / Отв. ред. И.В. Силентьев, Е.В. Капинос, И.Е. Лоцилов. СПб.: Алетейя, 2020. 364 с.

Сакон Такэси 1998 – *Сакон Такэси.* Сибирь, Харбин и Австралия жизнь и творчество Н.А. Байкова // Россияне в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Сотрудничество на рубеже веков: тезисы докладов. Кн. 2. Владивосток: Изд-во Дальневосточного университета, 1998. С. 269–275.

Самойленко 2018 – *Самойленко Т.В.* Творчество и деятельность Ли Яньлина в контексте социокультурного взаимодействия межграницных регионов России и Китая // Актуальные проблемы развития КНР в процессе её регионализации и глобализации: материалы X Международной научно-практической конференции; научные редакторы Т.Н. Кучинская, В.С. Морозова. Чита: Забайкальский государственный университет, 2018. С. 166–171.

Северный текст 2017 – Северный текст как логосная форма бытия Русского Севера: монография / Сост., отв. ред. Е.Ш. Галимова, А.Г. Лошаков. Т. 1. Архангельск: Имидж-Пресс, 2017. 410 с.

Селеменова 2009 – *Селеменова М.В.* «Московский текст» в русской литературе XX в. (на материале художественной прозы 1910–1950 гг. // Вестник Российского университета Дружбы Народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2009. № 2. С. 20–27.

Селивановский 1904 – *Селивановский И.П.* Как живут и работают китайцы. М., 1904. 80 с.

Семьян 2014 – *Семьян Т.Ф.* Челябинская поэзия как «локальный текст» // Наука ЮУрГУ: материалы 66-ой науч. конф. Секция соци-

ально-гуманитарных наук. Т. 1. Челябинск: Изд. центр ЮУрГУ, 2014. С. 408–413.

Сенковский 1839 – [Сенковский О.И.] Фаньсу, или Плутовка-горничная, Китайская комедия знаменитого Джин-Дыхуэя. Буквально с китайского переведил на Кяхте (и к сему переводу руку приложил: Пограничный толмач) десятого класса Разумник Артамонов сын БАЙ-БАКОВ // Библиотека для чтения: журнал наук, художеств, промышленности, новостей и мод. Т. 35. Ч. 2. № 68. СПб.: Издание книгопродавца А. Смирдина, 1839. Отд. II. Иностранная словесность. С. 53–140.

Сенковский 1843 – Сенковский О.И. Китаец, утвердившийся на середине, или 12 жемчужин ожерелья: китайское сказание // Библиотека для чтения. 1843. Т. 58. Отдел VII. Смесь. С. 55–79.

Сенковский 1858 – Сенковский О.И. Собрание сочинений Сенковского (Барона Брамбеуса). Т. 1–9. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1858–1859.

Серебренниковы 1938 – Серебренниковы А.Н. и И.И. Цветы китайской поэзии. Приложение: Китайские религиозные гимны. Тяньцзинь: [Издание автора]. 1938. 168 с.

Сибирский текст 2010 – Сибирский текст в национальном сюжетном пространстве: коллективная монография / Отв. ред. К.В. Анисимов. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2010. 237 с.

Скальковский 1886 – [Скальковский К.А.] О женщинах: Мысли старые и новые. СПб.: Изд. А.С. Суворина, 1886. Женщины у разных народов. Женщины в Китае. С. 362–368.

Смирнов 2008 – Смирнов С.В. Воспоминания русских репатриантов из Китая: прошлая реальность и реальность прошлого // Россия и мир: панорама исторического развития: сборник научных статей, посвященный 70-летию исторического факультета Уральского государственного университета им. А.М. Горького. Екатеринбург: НИМП «Волот», 2008. С. 371–382.

Смирнов 2016 – Смирнов С.В., Бужков А.М. Отряд Асано. Русские эмигранты в вооруженных формированиях Маньчжоу-го (1938–1945). М.: Алгоритм, 2016. 317 с.

Смирнов 2019 – Смирнов С.В. Дальневосточный тупик: русская военная эмиграция в Китае (1920 – конец 1940-х годов). М.: ЛитРес: Самиздат, 2019. 712 с.

Соболева 2010 – Соболева О.В. Венецианский текст в современной русской литературе: продолжение и преодоление традиций // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2010. Вып. 5 (11). С. 184–188.

Солнцева 2013 – Солнцева Е.Г. Китайские мотивы в «Фарфоровом павильоне» Н.С. Гумилёва // Вестник Российского университета

Дружбы народов (Серия: Литературоведение. Журналистика»). 2013. № 4. С. 72–79.

Соловьёв 1914 – *Соловьёв В.С.* Китай и Европа: собрание сочинений / под редакцией и с примечаниями С.М. Соловьёва и Э.Л. Радлова. Т. 6: 1886–1894. 2-е изд. СПб.: Книгоиздательское Т-во «Просвещение», 1914. С. 93–150.

Сосновский 1876 – *Сосновский Ю.А.* Русская учёно-торговая экспедиция в Китай в 1874–1875 гг. // Военный сборник. 1876. № 9. Статья вторая. С. 426–446;

Сотова 2014 – *Сотова Т.О.* Сборник стихов «Фарфоровый павильон» Н.С. Гумилёва. Мировоззрение китайских поэтов и отношение к ним переводчика // Вестник Московского государственного областного университета (Серия: Русская филология). 2014. № 3. С. 130–140.

Способ приготовления 1852 – Способ приготовления туши. Китайские белила и румяны // Труды членов Российской духовной миссии в Пекине. Т. I. СПб., 1852. С. 361–382.

Таскина 1994 – *Таскина Е.П.* Неизвестный Харбин: русский Харбин на рубеже XX в. и в 20-е гг. М.: Прометей, 1994. 159 с.

Таскина 1998 – *Таскина Е.П.* Русский Харбин / Сост., предисл. и коммент. Е.П. Таскиной. М.: Изд-во Московского университета «ЧЕРО», 1998. 272 с.

Таскина 2007 – *Таскина Е.П.* Дорогами русского зарубежья: мемуары. М.: Изд-во МБА, 2007. 229 с.

Тимковский 1824 – *Тимковский Е.Ф.* Путешествие в Китай через Монголию, в 1820 и 1821 годах: печатано по высочайшему повелению, иждивением казны. СПб.: в типографии Медицинского департамента Министерства внутренних дел, 1824. Ч. 3: Возвращение в Россию и взгляд на Монголию. 1824. 433 с.

Титаренко 2014 – *Титаренко А.С.* Представления о Китае в русском народном сознании: вторая половина XIX – начало XX в. / Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2014. № 2 (127). С. 243–251.

Токутоми Рока 1978 – *Токутоми Рока.* Пять дней в Ясной Поляне. // Л.Н. Толстой в воспоминаниях современников: в 2 т. / Ред. С.А. Макашин; сост., подгот. текста и комм. Н.М. Фортунатова. М.: Художественная литература, 1978. Т. 2. С. 320–338.

Топоров 1984 – *Топоров В.Н.* Петербург и петербургский текст русской литературы // Семиотика города и городской культуры. Петербург. Тарту: Тартуский государственный университет, 1984 (Учёные записки Тартуского государственного университета. Вып. 664. Труды по знаковым системам. XVIII). С. 4–29.

Топоров 1995 – *Топоров В.Н.* Миф. Ритуал. Символ. Образ: исследования в области мифопоэтического: избранное. М.: Прогресс; Культура, 1995. 621 с.

Трегубова – *Трегубова И.* Китайский цикл Николая Гумилёва. Режим доступа: <https://gumilev.ru/about/5> (дата обращения: 10.12.2023).

Тужилин 1910 – *Тужилин А.В.* Современный Китай. СПб.: Тип. Имп. училища глухонемых, 1910. Т. 1. 431 с. Т. 2. 341 с.

Удивительные истории 1962 – Удивительные истории нашего времени и древности; пер. В.А. Вельгуса и И.Э. Циперович. М.: Изд-во Восточной литературы, 1962. Т. 2. 912 с.

Ухтомский 1900 – *Ухтомский Э.Э.* К событиям в Китае: Об отношениях Запада и России к Востоку. СПб.: Паровая скоропеч. «Восток», 1900. VIII. 87 с.

Федотов 2003 – *Федотов О.* Китайские стихи Гумилёва. Версификационная поэтика цикла // Литература. 2003. № 37. С. 2–7.

Фольбаум 1911 – *Фольбаум Н.* Китай и китайцы. М., 1911. 52 с.

Фонвизин 1779 – [*Фонвизин Д.И.* (пер. с франц.)]. Та-гио, или Великая наука, заключающая в себе высокую китайскую философию; Примечания на «Та-гио» // Академические известия. 1779. Май. Ч. II. С. 59–101; то же // Правдолюбец, или Карманная книжка мудрого. СПб., 1801. С. 27–64; *Фонвизин Д.И.* Собрание сочинений: в 2 т. Т. 2. М.; Л.: Гос. изд-во худож. лит-ры, 1959. С. 231–253.

Фон-Ланг 1913 – *Фон-Ланг П.* Среди неудач. Из русско-японской войны. СПб.: [Б. и.], 1913. 240 с.

Харбинский 1908 – *Харбинский Ст.* Что такое Китайская Восточная ж.д. и куда идут её миллионы? СПб.: Типо-литография «Печатное искусство», 1908. 132 с.

Северные цветы 1980 – *Северные цветы* на 1832 год / изд. подгот. Л.Г. Фришман; отв. ред. А.Л. Гришунин. М.: Наука, 1980. 400 с. («Литературные памятники»)

Хейдок 2001 – *Хейдок А.П.* Звёзды Маньчжурии. М.: Сфера, 2001, 69 с.

Хисамутдинов 2006 – *Хисамутдинов А.А.* Русское слово в стране иероглифов: к истории эмигрантской печати, журналистики, библиотековедения и архивов. Владивосток: Изд-во Дальневосточного университета, 2006. 302 с. (Дальневосточное книжное дело).

Хисамутдинов 2013А – *Хисамутдинов А.А.* «Издательские дела» русского Тяньцзиня // Издательское дело на Дальнем Востоке: наука и практика: сборник научных трудов. Вып. 1. Владивосток: Изд. дом Дальневосточного федерального университета, 2013. С. 138–171.

Хисамутдинов 2013Б – *Хисамутдинов А.А.* Русские волны на Пасифике: из России через Китай, Корею и Японию в Новый Свет. Пекин; Владивосток: Рубеж, 2013. 639 с.

Хисамутдинов 2015 – *Хисамутдинов А.А.* Русское печатное слово в Харбине // Книга. Исследования и материалы = Book. Researches and materials. М.: Фонд «Книжная культура», 2015. Сб. 104–105. С. 151–166.

Хомяков 1994 – *Хомяков А.С.* «Семирамида»: мысли по вопросам всеобщей истории. Исследование истины исторических идей // *Хомяков А.С.* Сочинения: в 2 т. Т. 1: Работы по историософии / Вступит. ст., сост. и подгот. текста В.А. Кошелева; примеч. В.А. Кошелева, Н.В. Серебренникова, А.В. Чернова. М.: Московский философский фонд; Изд-во «Медиум», 1994. С. 15–446.

Храповицкий 1857 – *Храповицкий М.Д.* События в Пекине при падении Минской династии (заимствовано из современных событиям документов) // Труды членов Российской духовной миссии в Пекине. СПб.: Тип. Главного Штаба Его Императорского Величества по военно-учебным заведениям, 1857. С. 1–102.

Цао Сюэмэй 2018 – *Цао Сюэмэй.* Мифологизация образов Китая и китайцев в русской прозе 1920-х годов: дис. ... канд. филол. н. М., 2018. 163 с.

Цзюй Куньи 2023 – *Цзюй Куньи.* «Харбинский текст» несказочной (исторической) прозы первой половины XX в.: прагматика, жанрово-тематическое своеобразие: дис. ... канд. филол. н. Благовещенск. 2023. 262 с.

Чаадаев 1991 – *Чаадаев П.Я.* Полное собрание сочинений и избранные письма. Т. 1. М.: Наука, 1991. 800 с. (Памятники философской мысли).

Чернышевский 1948 – *Чернышевский Н.Г.* «Письма об Испании» В.П. Боткина // *Чернышевский Н.Г.* Полное собрание сочинений: в 15 т. Т. 4: «Лессинг» и его время. Статьи и рецензии 1857 г. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1948. С. 222–245.

Чжан Юаньюань 2021 – *Чжан Юаньюань, Кондаков Б.В.* Китайская поэтика в творчестве В. Перелешина // Казанская наука. 2021. № 6. С. 13–16.

Чжан Юаньюань 2023А – *Чжан Юаньюань.* «Моя тоска сгорает, как свеча!»: Национальное начало в творчестве В. Перелешина: монография. Пермь, 2023. 219 с.

Чжан Юаньюань 2023Б – *Чжан Юаньюань.* Национальное начало в творчестве В. Перелешина: дис. ... канд. филол. н. Пермь, 2023. 230 с.

Шендрикова 1936 – *Шендрикова К.В.* Женщина из бара. Пьесы. Шанхай: Русская тип. «График», Б.г. [1936]. (Эмигрантская библиотека). 243 с.

Ши Гохуа 1990 – *Ши Гохуа.* Русские в Китае // Проблемы Дальнего Востока. 1990. № 2. С. 228–230.

Шифман 1971 – *Шифман А.И.* Лев Толстой и Восток. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Наука, 1971. 550 с.

Шохор-Троцкий 1920 – *Шохор-Троцкий К.С.* «Круг чтения» Л.Н. Толстого и его краткая история // Толстой. Памятники творчества и жизни. М.: Задруга, 1920. С. 187–201.

Шумков 1905 – *Шумков Г.* Рассказы и наблюдения из настоящей Русско-Японской войны (Военно-психологические этюды). Киев: Лито-типогр. Т-ва «И.Н. Кушнерёв и К^о», 1906. 60 с.

Шурупова 2011 – *Шурупова О.С.* Московский текст русской литературы и его герои // Русская речь. 2011. № 1. С. 97–102.

Юдина 2008 – *Юдина Т.А., Прокофьева В.Ю.* Оренбургский текст русской литературы как сверхтекст: подходы к теме // Литература Урала: история и современность: сб. ст. Вып. 4: Локальные тексты и типы региональных нарративов / Отв. ред. Е.К. Созина. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2008. С. 96–101.

Якимова 2013 – *Якимова С.И.* Всеволод Никанорович Иванов: писатель, мыслитель, журналист. Хабаровск: Изд-во Тихоокеанского государственного университета. 2013. 216 с.

Ян Липин 2021 – *Ян Липин.* Рецепция китайской культуры в русской литературе для детей (1920-е годы): дис. ... канд. филол. н. М., 2021. 200 с.

Янчевецкий 1903 – *Янчевецкий Д.Г.* У стен недвижимого Китая: Дневник корреспондента «Нового края» на театре воен. действий в Китае в 1900 г. СПб.; Порт-Артур: П.П. Артемьев, 1903 (обл. 1900) (Санкт-Петербург). 686 с.

Янчевецкий 2013 – *Янчевецкий Д.Г.* У стен недвижимого Китая: с приложением книги А.В. Верещагина “В Китае”. М.: Эксмо, 2013. 474 с. (Великие путешествия).

Исследования на китайском языке:

Хэ Инь 2010 – 贺颖.他乡亦故乡:俄罗斯人回忆哈尔滨[M].哈尔滨:黑龙江人民出版社, 2010: 303 [*Хэ Инь.* Харбин – вторая Родина русских эмигрантов. Харбин, 2010. 303 с.].

Ли Мэн 2007 – 李萌. 缺失的一环: 在华俄国侨民文学[M]. 北京: 北京大学出版社, 2007: 483 [*Ли Мэн.* Литература русской эмиграции в

Китае: забытая страница. Пекин: Изд-во Пекинского ун-та, 2007. 483 с.].

Ли Синган 1997 – 李兴耕. 风雨浮萍——俄国侨民在中国[M]. —北京: 中央编译出版社, 1997: 432 [Ли Синган. Лотос, плывущий в буре. Русские эмигранты в Китае. Пекин, 1997. 432 с.].

Ли Яньлин 2005Б – 李延龄. 论中国俄罗斯侨民文学(2) [M]. 哈尔滨: 黑龙江人民出版社, 2005Б: 276 [Ли Яньлин. О литературе русской эмиграции в Китае. Ч. 2. Харбин: Хэйлунцзянское народное изд-во, 2005. 276 с.].

Ши Фан 2003 – 石方. 哈尔滨俄侨史[M]. 哈尔滨: 黑龙江人民出版社, 2003: 609 [Ши Фан. История русской эмиграции в Харбине. Харбин: Хэйлунцзянское народное изд-во, 2003. 609 с.].

Ван Яминь 2007 – 王亚民. 论俄侨作家阿尔弗雷德·黑多克的短篇小说[J]. 兰州大学学报, 2007, 3: 54–59 [Ван Яминь. О рассказах русского писателя-эмигранта А.П. Хейдока // Вестник Ланьчжоуского университета. 2007. № 3. С. 54–59].

ПУБЛИКАЦИИ АВТОРОВ ПО ТЕМЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Красноярова А.А. Китайский текст // Сборник материалов по итогам научной международной научной конференции «Россиеведение как новое направление междисциплинарных исследований» (30 июня – 02 июля 2017 г., Нанкин, Китай). Нанкин, 2017. С. 89–91.

Красноярова А.А., Кондаков Б.В. «Китайский текст» русской литературы (к постановке вопроса) // Казанская наука. 2017. № 9. С. 34–39.

Красноярова А.А., Кондаков Б.В. Китайский текст и китайский контекст в русской литературе XIX века (к постановке проблемы) // Евразийский гуманитарный журнал. 2017. № 2. С. 123–128.

Красноярова А.А., Кондаков Б.В. Формирование образа Китая в русской культуре // Диалог культур: Россия и Китай на новом Шёлковом пути: материалы междунар. науч. конф. (г. Пермь, 11 апр. 2017 г.) / отв. ред. И.И. Русинова; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2017. С. 90–101.

Красноярова А.А. Ван Кэвэнь. Л. Толстой и культура Китая // Филология в XXI веке. 2018. № 2. С. 102–110.

Красноярова А.А., Ван Кэвэнь, Попкова Т.Д., Кондаков Б.В. Формирование русской культуры в Харбине // Филология в XXI веке. 2018. № 2. С. 111–121.

Красноярова А.А., Ван Кэвэнь, Попкова Т.Д., Кондаков Б.В. Формирование русской культуры в Харбине // Филология в XXI веке. Пермь, 2018. № 2. С. 111–121.

Красноярова А.А., Кондаков Б.В., Ван Кэвэнь. «Китайский текст» русской литературы XXI века // Казанская наука. 2018. № 10. С. 44–48.

Krasnoyarova A.A., Kondakov B.V. East in the works of Russian writers (on the example of the works of L.N. Tolstoy) [东方在俄罗斯作家的作品中 (以托尔斯泰的作品为例。2018年12月25日。中国北京。99–106)] // Materials of the International Conference «Scientific research of the SCO countries: synergy and integration» – Reports in English (December 25, 2018. Beijing, PRC) / Minzu University of China, Scientific publishing house Infinity, Beijing, 2018. P. 99–106.

Wang Kewen, *Krasnoyarova Anna*, Kondakov Boris. The Chinese Text and Context of the Russian Literature // Journal Option. University of Zulia. Experimental Faculty of Science. Department of Human Sciences. Bolivarian Republic of Venezuela. 2018. Vol. 34, Núm. 87-2 (2018). P. 191–207.

Кондаков Б.В., Красноярова А.А. Образ Китая в русской культуре «классического» периода // Теория и практика российско-китайских

отношений: монография / отв. ред. А.Н. Чумаков, Ли Хэй. М.: Изд-во «Проспект», 2019. С. 325–350.

Красноярова А.А., Попкова Т.Д. Харбин и Шанхай и русской литературе 2000–2010-х гг. (романы Э. Барякиной «Белый Шанхай» и Е. Анташкевича «Харбин») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. Вып. 11. С. 34–40.

Красноярова А.А. «Китайский текст» в советской литературе 1920-х гг. (на примере творчества С.М. Третьякова) // LITERA. 2019. № 4. С. 143–152.

Красноярова А.А., Попкова Т.Д., Кондаков Б.В. Китай в творчестве русских литераторов-эмигрантов первой половины XX столетия // Global Science and Innovations 2019: Central Asia [атты VI Халыкар. ғыл.-теж. конф. материалдары]; [Материалы VI Международной научно-практической конференции] (Т. I) / Құраст.: Е. Ешім, Е. Абиев т.б. – Нур-Султан, 2019. 349 б. С. 235–238.

Krasnoyarova A.A. Chinese text” of Russian literature 1990 – 2010 // Materials of the International Conference “Scientific research of the SCO countries: synergy and integration” – Reports in English (December 27, 2019. Beijing, PRC) / Minzu University of China, Scientific publishing house Infinity, Beijing, 2019 P. 63 68 [1990 年至 2010 年俄罗斯文学的“中文”. 上合组织国家的科学研究: 协同和一体化 国际会议 参与者的英文报告, 2019 年 12 月 27 日. 中国北京. 63 – 68].

Krasnoyarova A.A., Popkova T.D., Kondakov B.V. Life retrospective of Russian emigrants in China (On the example of the novels by E. Baryakina “White Shanghai” and E. Antashkevich “Harbin”) // Opción. 2019. Año 35. No. 23 (2019), P. 1237–1252.

Красноярова А.А. «Китайский текст» в русской литературе 1920 – 1930-х гг.: «советский поток» // Филология в XXI веке. 2020. № 1 (5). С. 144–150.

Красноярова А.А. «Китайский текст» в русской литературе 1940–2010-х гг. // Казанская наука. 2020. № 4. С. 22–28.

Красноярова А.А. «Китайский текст» в русской литературе XX века (на примере произведений Б. Пильняка и Е. Полевого) // Филология в XXI веке. 2020. № 1 (5). С. 151–158.

Красноярова А.А. «Китайский текст» в советской литературе 1920–1930 гг. // Евразийский гуманитарный журнал. 2020. № 3. С. 89–93.

Красноярова А.А. «Китайский текст» и «китайский контекст» русской литературы XIX века. // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13. Вып. 5. С. 43–48.

Красноярова А.А. Русские эмигранты как переводчики китайской поэзии // Казанская наука. Казань: Издательство Рашин Сайнс 2020. № 6. С. 11–15.

Красноярова А.А. «Трагическое мировосприятие» в поэзии русских эмигрантов 1920–1930-х гг. // Казанская наука. Казань: Издательство Рашин Сайнс, 2020. № 9. С. 21–25.

Красноярова А.А. Формирование «Китайского контекста» в русской литературе // Исследователь года: сборник статей IV Международного научно-исследовательского конкурса (6 декабря 2020 г.). Петрозаводск: МЦНП «Новая наука», 2020. С. 413–422.

Kondakov B.V., Krasnoyarova A.A. “Chinese” text, context, and subtext in Russian literature of the XIX century. Materials of the International Conference “Scientific research of the SCO countries: synergy and integration” – Reports in English (March 18, 2020. Beijing, PRC) / Minzu University of China, Scientific publishing house Infinity, Beijing. 2020. P. 66–72 [十九世纪俄罗斯文学中的“中文”文本，上下文和潜台词。上合组织国家的科学研究：协同和一体化。国际会议参与者的英文报告。2020年03月18日。中国北京。66–72].

Krasnoyarova A.A. Nature and culture of China in the lyrics of Russian emigrants Proceedings of the International Conference “Scientific research of the SCO countries: synergy and integration”. Part 2 – Reports in English (June 24, 2020. Beijing, PRC). June 24, 2020. Beijing, PRC. P. 37–44 [俄罗斯移民歌词中的中国自然与文化。上合组织国家的科学研究：和一体化国际会议参与者的英文报告。2020年6月24日。中国北京。37–44].

Кондаков Б.В., Красноярова А.А. Образ Китая в русской культуре «классического» периода // Теория и практика российско-китайских отношений: монография / отв. Ред. А.Н. Чумаков, Ли Хэй. – М.: Издательство Проспект, 2020. С. 325–350.

Кондаков Б.В., Чжан Юаньюань. Китайская поэтика в творчестве В. Перелешина // Казанская наука. 2021. № 6. С. 13–16.

Красноярова А.А. Китай в русской классической литературе // Исследователь года 2021: сборник статей Международного научно-исследовательского конкурса (20 декабря 2021 г.). Петрозаводск: МЦНП «Новая наука», 2021. С. 222–231.

Красноярова А.А. Проблемы межкультурной коммуникации в мемуарах русских эмигрантов в Китае // Континентальные глаголы: Альманах международного клуба / Ред. Н.В. Данилевская; И.Ю. Роготнев. Пермь, 2021. С. 103–107.

Krasnoyarova A.A., Kondakov B.V. “Chinese text” of Russian Chirologists (XX century) International Conference «Scientific research of the SCO

countries: synergy and integration». Part 2: Participants' reports in English. (March 27, 2021. Beijing, PRC). P. 119–127. [俄罗斯化学家的“中文文本”（二十世纪）上合组织国家的科学研究：协同和一体化国际会议。参与者的英文报告。2021年3月27日，中國北京。119–127].

Красноярова А.А. Тема Китая в творчестве В. Набокова (к постановке вопроса) // Лучшая исследовательская статья 2022: сборник статей II Международного научно-исследовательского конкурса (21 сентября 2022 г.). Петрозаводск: МЦНП «Новая наука», 2022. С. 68–73.

Чжан Юаньюань, Арустамова А.А., Кондаков Б.В., Красноярова А.А. Глава 3. Тема Китая в творчестве В. Набокова; Глава 4. В. Набоков в Китае // Владимир Набоков: писатель и переводчик: коллективная монография / под общ. ред. Н.М. Нестеровой и Е.А. Князевой. 2023. С. 50–90.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Красноярова Анна Александровна – кандидат филологических наук. Работает в Китайской Народной Республике в качестве преподавателя русского языка с 2016 г.

В настоящее время преподаватель Аньхойского университета [Anhui University – 安徽大学] (г. Хэфэй, провинция Аньхой, Китай).

Научные интересы: литература русской эмиграции, межкультурная коммуникация, образ Китая в русской литературе, методика преподавания русского языка и литературы.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3396-6736>

E-mail: annapropkova1909@mail.ru

Кондаков Борис Вадимович – профессор, доктор филологических наук, директор Центра восточноазиатских исследований, профессор кафедры русской литературы Пермского государственного национального исследовательского университета.

Научные интересы: история русской литературы, взаимодействие литературы и культуры, литература русской эмиграции, межкультурная коммуникация, образ Китая в русской литературе.

ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0002-1727-8047>

E-mail: kondakovb@mail.ru

Научное издание

Красноярова Анна Александровна
Кондаков Борис Вадимович

«Китайский текст» русской литературы

Монография

Часть 1

Издается в авторской редакции
Компьютерная верстка: *А. А. Красноярова*
Дизайн обложки: *Е. Ю. Чиков*

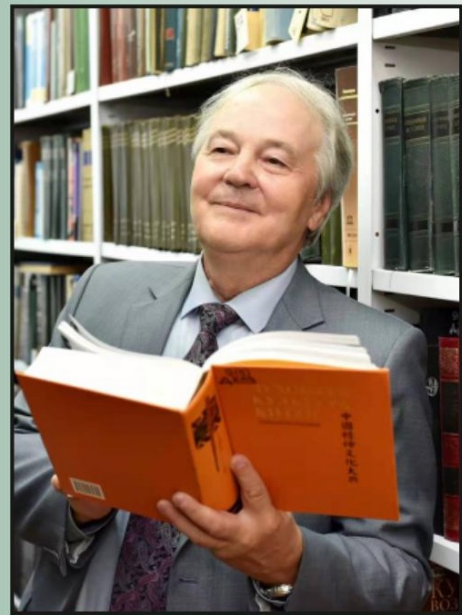
Подписано в печать 23.01.2024. Формат 60×84/16.
Усл. печ. л. 10,17. Тираж 500 экз. Заказ № 67

Управление издательской деятельности
614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15
Тел.: (342) 239-66-36

Отпечатано в типографии «Здравствуй»
г. Пермь, ул. Данышина, 7Д
Тел.: (342) 270-14-05
E-mail: hellobook@mail.ru

***Анна Александровна Красноярова**
кандидат филологических наук*

***Борис Вадимович Кондаков**
доктор филологических наук,
профессор*

Изучение истории восприятия образа Китая в русской культуре, отражённой в литературе, предоставляет новый ракурс осмысления национального самосознания.

К феномену «китайского текста» авторы монографии относят произведения, в которых появляются образы и сюжеты, связанные с китайской культурой (включая литературу русского «восточного» зарубежья в Харбине и Шанхае), а также современные произведения, в которых разрабатываются сюжетные линии, связанные с «альтернативной» историей Китая и России.

В монографии раскрываются основные этапы формирования «китайского текста» на протяжении XIX–XX вв., соотнесённые с ним комплексы идей, его жанровая, стилевая и «культурологическая» специфика, исследуются механизмы функционирования образа Китая в русской культуре.